

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение общественных наук

Секция экономики

Основатели журнала:

Торгово-промышленная палата РФ

Всероссийский институт научной
и технической информации РАН

Институт экономики РАН

Центральный экономико-математический
институт РАН

Государственный университет управления

Волгоградский государственный университет

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
НАУКА
СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ

№ 2 (77) 2017

Москва

Научный журнал

Основан в 1998 г.

академиком Дмитрием Семеновичем Львовым.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор – Г.Б. Клейнер

Редакционная коллегия:

В.Л. Макаров (зам. главного редактора),

М.Ф. Мизинцева (зам. главного редактора),

Р.М. Качалов (зам. главного редактора,

ответственный секретарь),

Ю.М. Арский, Я.В. Данилина, О.В. Иншаков,

А.И. Ставчиков, Д.Е. Сорокин

Редакционный совет:

Л.А. Аносова, А.А. Анфиногентова,

С.Д. Бодрунов, С.Д. Валентей,

В.А. Волконский, С.Ю. Глазьев,

В.Г. Гребенников, Р.С. Гринберг, А.Г. Грязнова,

В. Драшкович (Черногория), В.В. Ивантер,

О.В. Иншаков, С.Н. Катырин, Г.Б. Клейнер,

Б.Н. Кузык, В.В. Кулешов, В.И. Маевский,

В.Л. Макаров, П.А. Минакир, А.Д. Некипелов,

В.В. Окрепилов, В.М. Полтерович,

С. Роузфилд (США), В.А. Цветков,

М.А. Эскиндаров

Адрес: 117418, Москва, Нахимовский пр., 47,
комн. 314

Тел.: 8 (499) 724 21 39, 8 (968) 721 90 39

Факс: (7) (495) 718 96 15

e-mail: ecr-ras@yandex.ru, ecr@cemi.rssi.ru

Интернет-адрес: <http://ecr-journal.ru/>

<https://www.facebook.com/groups/ecr.journal/>

<http://vk.com/ecr.journal>

Зав. редакцией О.А. Плетененко

Отдел рукописей Т.П. Володина

Маркетинг А.А. Кобылко

Художник М.К. Гуров

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Граборов С.В.

Принципы и этапы формирования
государственных бюджетно-налоговых
решений 7

Гусев А.А.

Об экономической оценке природных
ресурсов и ее использовании
в народном хозяйстве..... 19

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

Вольчик В.В., Шафиров Л.А.

Перспективы развития института
локализованных кредитных проектов
домохозяйств в моногороде 29

Соловьев А.К.

Актuarный анализ условий
формирования досрочных пенсий
по старости 46

Оболенская Л.В.

Проблема системного учета
институциональных рисков
при реформировании экономических
институтов 66

Потравный И.М., Колотырин К.П.,

Генгут И.Б.

Применение экологического страхования
при управлении проектами
по ликвидации накопленного
экологического ущерба..... 78

Данилина Я.В.

Модернизация организаций
высшего образования: анализ на основе
ресурсно-компетентностного подхода 90

Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С. Взаимосвязь оплаты труда и эффективности деятельности руководства государственных компаний	102
--	-----

ЭКОНОМИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С. 25 лет СНГ и евразийские интеграционные проекты: ожидания, разочарования и перспективы.....	123
---	-----

В ОТДЕЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И СЕКЦИИ ЭКОНОМИКИ РАН

Общее собрание Отделения общественных наук Российской академии наук	137
---	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Карпинская В.А. Восемнадцатый всероссийский симпозиум «Стратегическое планирование и развитие предприятий»	138
Афанасьев А.А. Конференция лауреатов и стипендиатов МНФЭИ академика Н.П. Федоренко	142

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Фролов Д.П. Поколения капитала: эволюционная экономика в поисках новых акторов (рецензия на книгу В.И. Маевского, С.Ю. Малкова и А.А. Рубинштейна «Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение»)	147
---	-----

ЮБИЛЕИ

Академику Валерию Леонидовичу Макарову – 80 лет	153
Академик Николай Прокофьевич Федоренко	157

Contents	160
Информация для авторов.....	162
Как подписаться на наш журнал.....	164

Журнал зарегистрирован в *Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)*, включен в базу данных *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе Web of Science.

Журнал включен ВАК Минобрнауки России в Перечень ведущих научных журналов и изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 15 сентября 2000 г., свидетельство о регистрации ПИ № 77-5426.

Ответственность за подбор и изложение фактов в подписанных статьях несут их авторы. Высказанные в этих статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями, установленными редакцией. Рукописи, не соответствующие требованиям, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ПРИНЦИПЫ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВЫХ РЕШЕНИЙ¹

С.В. Граборов

В статье анализируются проблемы, методологические принципы и основные этапы формирования государственной бюджетно-налоговой политики. Обсуждаются принципы, представленные в Налоговом и Бюджетном кодексах РФ. Предложен новый набор принципов: учет границ эффективной применимости решений, системное целеполагание и инструментальная операциональность, многокритериальное соизмерение издержек и выгод, комбинированные стратегии, выравнивание условий экономической конкуренции и доходов граждан. Представлены основные этапы разработки эффективных бюджетно-налоговых решений.

Ключевые слова: бюджетно-налоговые решения, многокритериальное соизмерение издержек и выгод, системное целеполагание, комбинированные стратегии, инструментальная операциональность, эффективная применимость.
JEL: H2.

ВВЕДЕНИЕ

Наша страна второй раз за последние десять лет оказалась в тисках масштабного экономического кризиса. Этот факт свидетельствует о том, что проводившаяся до сих

© Граборов С.В., 2017 г.

Граборов Сергей Владимирович – к.э.н., старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН, Москва, pitel@cemi.rssi.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-02-00284).

пор руководством страны макроэкономическая политика оказалась недостаточно эффективной, в том числе в бюджетно-налоговой области (Глазьев, 2015; Лившиц, 2015; Кудрин, Гурвич, 2015; Гринберг, 2015; Миркин, 2015; Полтерович, 2015; Клепач, 2015).

К объединяющим началам перечисленных и многих других работ отечественных и зарубежных авторов можно отнести выделение основных стратегических целей развития российской экономики (устойчивый экономический рост, низкая инфляция, финансовая и социальная стабильность, рост благосостояния населения), а также признание необходимости реформирования действующей системы макроэкономического регулирования и прежде всего – ее бюджетно-налоговой и кредитно-денежной подсистем.

Различия между позициями экономистов «государственнического» и «либерально-монетаристского» направлений возникают уже на этапе формирования концепции, стратегических ориентиров, программ, способов и методов достижения поставленных целей.

Главный предмет данной статьи – разработка принципов и основных этапов формирования эффективных бюджетно-налоговых решений. Под бюджетно-налоговыми решениями понимаются наборы показателей государственных расходов и налоговых доходов с указанием ставок, привязанных к конкретным налоговым базам. Эти решения можно считать эффективными, если они обеспечены ресурсами и удовлетворяют общепринятым критериям: национальной безопасности, устойчивого экономического роста, повышения народного благосостояния и др.

Работа имеет следующую структуру. В п. 1 обсуждаются причины разногласий между экономистами по основным направлениям реформирования российской экономики и подходам к формированию бюджетно-налоговой политики. В п. 2 рассматриваются принципы построения бюджетно-налоговой системы, представленные в Налоговом и Бюджетном кодексах РФ. В п. 3 предложен новый

набор принципов: учет границ эффективной применимости решений, системное целеполагание и инструментальная операциональность, многокритериальное соизмерение издержек и выгод, комбинированные стратегии, выравнивание условий экономической конкуренции, выравнивание условий жизни граждан. Далее впервые дается описание основных этапов формирования эффективной бюджетно-налоговой политики государства. Такая политика определяет бюджетно-налоговые решения в макроэкономических показателях, задавая динамику размеров и пропорций основных видов государственных расходов и налогов в предстоящей перспективе.

1. ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Прежде всего попытаемся дать свою версию ответа на естественно возникающий вопрос: в чем причины разногласий между экономистами в подходах к формированию макроэкономической политики?

Главной, по нашему мнению, причиной является отсутствие единой методологии и общепризнанных методик расчета для государственных бюджетно-налоговых решений. Это открывает широкое поле для дискуссий как теоретического, так и практического плана об эффективности тех или иных методов и инструментов государственного и рыночного регулирования. В результате возникают различные, противостоящие друг другу концепции макроэкономической политики, например «либерально-монетаристская» и «государственническая».

Вторая хорошо известная причина – неполнота, а по некоторым параметрам и неопределенность исходной информации о предстоящих траекториях развития мировой экономической системы, приоритетных направлениях государственного стимулирования экономики, а также о реакции

хозяйствующих субъектов на внедряемые правительством методы и инструменты экономической политики (налоги, расходы государственного бюджета и т.п.).

Третья причина – неявная ориентация ряда экономистов и политиков на обслуживание экономических интересов тех или иных олигархических групп в России (см., например, (Иванов, Овсиенко и др., 2011, с. 82–85)). В условиях современной России, когда реальные доходы бедного большинства падают, сохраняется плоская шкала подоходного налогообложения, происходит «оптимизация» (а на самом деле – сокращение) расходов на науку, здравоохранение, образование и тому подобные меры, которые предлагаются рядом экономистов, разумеется, противоречат интересам этого большинства.

В работе (Шевченко, 2005) автор обращает особое внимание на необходимость:

- преодоления противопоставления государственного и рыночного способов регулирования, максимизации или минимизации любого из них;
- разработки новой системы макроэкономического регулирования, субъектами которой должны быть не только госорганы, но и предпринимательские и общественные организации;
- формирования в качестве элементов такой системы макроэкономического планирования и прогнозирования с использованием программно-целевого подхода.

В работах (Полтерович, 2014, 2015) для инициации разработки, отбора и реализации крупномасштабных инвестиционных проектов, а также ключевых народнохозяйственных программ предлагается построение и использование систем научных исследований и разработок, национального планирования и бюджетного финансирования крупномасштабных проектов.

По нашему мнению, такие системы должны являться важнейшими составными частями макроэкономического регулирования народного хозяйства. Развернутый список элементов системы стратегического планиро-

вания представлен в (Глазьев, Ивантер и др., 2011, с. 15–17). Он включает:

- 1) долгосрочные сценарные (по динамике внешних и внутренних факторов) прогнозы развития страны для различных вариантов социально-экономической политики;
- 2) среднесрочную концепцию социально-экономического развития и генеральную схему развития и размещения производительных сил, которые должны определять основные цели, задачи и приоритеты развития страны, состав целевых государственных программ;
- 3) индикативный план социально-экономического развития, устанавливающий целевые значения соответствующих показателей и систему мер по их достижению;
- 4) среднесрочные государственные программы, согласующиеся между собой и обеспечивающие достижение целевых ориентиров индикативного плана;
- 5) годовые бюджеты и трехлетние бюджетные планы, составленные в соответствии с целевыми показателями пп. 1–4.

В указанной работе подчеркивается необходимость:

- определения предпочтительной социально-экономической политики из нескольких вариантов, согласованных со сценариями развития;
- формулирования фундаментальных критериев успешности развития и измеримых целевых макроиндикаторов в процессе целеполагания;
- более полного учета межотраслевых и межрегиональных связей, балансов производства и потребления;
- введения норм ответственности (государственных служащих) за достижение планируемых результатов;
- создания единой системы государственного регулирования экономики.

В (Полтерович, 2015, с. 239–240) при обсуждении контуров «будущей системы национального планирования в России» выделяются следующие ее ключевые элементы:

- единая методология разработки стратегий и прогнозов;

- многоуровневый итеративный процесс инициации и разработки проектов, их согласования с бюджетом;

- вычислимые модели общего равновесия в качестве инструментов макроэкономического планирования;

- динамические планы-инструкции, заранее предусматривающие корректировку политики при возникновении непредвиденных обстоятельств.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод об актуальности построения и исследования *новой системы макроэкономического регулирования* с учетом мирового опыта и современных социально-экономических особенностей России. По нашему мнению, одним из ключевых блоков такой системы должна быть *процедура формирования эффективных государственных бюджетно-налоговых решений* (об основных этапах ее формирования будет рассказано далее). Разумеется, эффективная система макроэкономического регулирования должна строиться на базе определенного набора исходных принципов². Поэтому далее будет представлен анализ таких принципов, изложенных в Налоговом и Бюджетном кодексах РФ, а также в ряде научных публикаций.

2. ИЗВЕСТНЫЕ ПРИНЦИПЫ НАЛОГОВОЙ И БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ

Рассмотрим принципы, сформулированные в Налоговом кодексе, Бюджетном кодексе РФ³, а также в ряде работ российских

экономистов (Методические рекомендации..., 2000; Холодова, 2008)⁴.

В ст. 3 Налогового кодекса РФ (далее – НК) констатируется, что «основные начала законодательства о налогах и сборах» состоят в следующем.

1. Устанавливаются всеобщность и равенство налогообложения. При установлении налога учитывается фактическая способность налогоплательщика к уплате налога.

2. Налоги и сборы не могут иметь дискриминационный характер по отношению к форме собственности, гражданству, месту происхождения капитала.

3. Налоги и сборы должны иметь экономическое основание⁵.

Второй пункт вполне может рассматриваться как один из ключевых принципов, т.е. в качестве одного из важнейших элементов устройства налогообложения. Он устанавливает содержательно определенные (пусть и на качественном уровне) ограничения на налоговую систему.

Однако при анализе пп. 1 и 3 – этих «начал законодательства» – нельзя не обратить внимание на их предельно абстрактный и даже декларативный характер. В самом деле исходные понятия «всеобщности» и «равенства» налогообложения, «фактической способности налогоплательщика к уплате налога» никак не определяются и не используются далее в тексте НК. Однако имеется ст. 11, в которой даются определения «институтов, понятий и терминов» НК.

Теперь обратимся к Бюджетному кодексу РФ (далее – БК) и рассмотрим указанные

² Общесистемные принципы формирования проектов модернизации экономики представлены в (Клейнер, 2007, с. 165–166).

³ Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. I и II. М.: Проспект: КноРус, 2015; Бюджетный кодекс Российской Федерации. М.: Омега-Л, 2013.

⁴ Анализ принципов, представленных в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (Российская газета. 2014. 3 июля), выходит за рамки данной работы, поскольку они, по существу, не касаются методологии формирования эффективных бюджетно-налоговых решений.

⁵ Поскольку остальные пункты данной статьи НК имеют административно-технический характер, их обсуждение здесь не приводится.

в нем принципы (Бюджетный кодекс, 2013, с. 23–27). Из перечня принципов, представленных в гл. 5, выделим те, которые имеют, по нашему мнению, концептуальный характер⁶:

- сбалансированность бюджета;
- результативность и эффективность использования бюджетных средств;
- адресность и целевой характер бюджетных средств.

Отметим, что в БК (в отличие от НК) дается, пусть и недостаточно полное, разъяснение принципов. В ст. 33 указывается на необходимость минимизации размеров дефицита бюджета. В следующей статье БК дается также разъяснение принципа «результативности и эффективности использования бюджетных средств»: участники бюджетного процесса «...должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств или достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств».

К сожалению, пусть и абстрактные, но при определенных условиях все же верные требования к разработке государственного бюджета не получают логического развития в гл. 20 «Основы составления проектов бюджетов».

В ст. 172 «Сведения, необходимые для составления проектов бюджетов» указываются:

- Бюджетное послание Президента;
- прогноз социально-экономического развития;
- основные направления бюджетной и налоговой политики.

Далее в ст. 175 говорится о сводном финансовом балансе РФ, который почему-то не указан в приведенных выше «Сведениях». В соответствии со ст. 171 и 184 Правительство устанавливает порядок разработки проекта федерального бюджета и само же его

составляет. Статья 184 предусматривает согласование показателей прогноза социально-экономического развития РФ, «бюджетных проектировок» и показателей сводного финансового баланса РФ комиссией, создаваемой в порядке, установленном Правительством. В результате оказывается, что Правительство само устанавливает правила составления соответствующих документов, само же их разрабатывает и согласует. Другими словами, оно фактически оказывается и заказчиком, и исполнителем проекта федерального бюджета с учетом общих целевых ориентиров Бюджетного послания Президента. При этом декларируемым принципам БК о минимизации размеров дефицита бюджета, достижении заданных результатов с минимальными затратами (или наилучших результатов при заданных издержках), к сожалению, не нашлось места в дальнейшем изложении основ составления проектов бюджетов.

Итак, следует признать, что в действующем законодательстве принципы эффективности бюджетно-налоговой политики не нашли адекватного отражения.

Мы не будем останавливаться на анализе очевидных «учебниковых» принципов государственного регулирования экономики типа «целенаправленность», «ресурсная обеспеченность», «гибкость», «точность» и др. (Методы..., 2012; Финансово-бюджетное планирование, 2007). Для дальнейшего обсуждения различных подходов к формулировке принципов оценки эффективности бюджетно-налоговых решений рассмотрим принципы, представленные в работах (Методические рекомендации..., 2000, с. 15–16; Холодова, 2008, с. 52).

В первой из указанных работ сформулированы основные принципы оценки инвестиционных проектов, среди которых особое значение применительно к проектам бюджетно-налогового реформирования представляют следующие:

- моделирование всех денежных потоков, связанных с проектом, с учетом стоимостной оценки последствий его реализации;

⁶ Обсуждение принципов, вытекающих из федеративного устройства РФ (например, единства бюджетной системы), а также административно-технического содержания, здесь не приводится.

- выбор проекта, обеспечивающего максимальное значение показателя общественной эффективности с учетом внешних эффектов (например, показателя чистого дисконтированного дохода);

- производимая продукция (работы, услуги) и затрачиваемые ресурсы должны оцениваться в специальных экономических ценах, учитывающих внешние эффекты нерыночного характера.

Указанные принципы оценки проектов целесообразно использовать при условии экзогенно задаваемых цен (например, на продукцию естественных монополий), налоговых ставок, бюджетных расходов и других инструментов экономической политики государства. Если же такие инструменты должны рассматриваться как переменные величины, то необходимы новые подходы и принципы, о которых будет рассказано далее.

В (Холодова, 2008, с. 52) представлены следующие принципы экономической политики:

- 1) *социальная направленность* – повышение жизненного уровня населения, восстановление производственного потенциала, обеспечение благосостояния будущих поколений;

- 2) *оптимизация экономической политики* по критерию, включающему для основной массы населения доступное образование, здравоохранение, повышение жизненного уровня;

- 3) *системная согласованность интересов населения, бизнеса и государства* с учетом наличия у них как одинаправленных (политическая стабильность, мирное развитие), так и разнонаправленных интересов;

- 4) *оптимальная технология проведения экономической политики*, включающая оптимизацию параметров налоговой, инвестиционной, инновационной и финансово-кредитной политики; например, отказаться от плоской шкалы НДФЛ, регрессивной шкалы ЕСН (сейчас это страховые взносы во внебюджетные фонды), освободить от налого-

обложения доходы граждан, имеющих «...нищенский уровень жизни»;

- 5) рациональная настройка механизма экономической политики, нацеленная «...на сближение вектора интересов бизнеса и населения».

Указанные принципы могут быть охарактеризованы следующим образом.

Представленная трактовка социальной направленности экономической политики, с одной стороны, содержит общеизвестные цели роста благосостояния и средства их достижения (восстановление производственного потенциала), а с другой – имеет слишком общий и неполный характер. Список целей и средств экономической политики на самом деле гораздо более широк (см., например, (Глазьев, Ивантер и др., 2011; Лившиц, 2015; Полтерович, 2014)).

Второй, в общем правильный принцип «оптимизации экономической политики» нуждается в серьезном уточнении: «интересы основной массы населения» не могут быть единственным критерием оптимальности. Необходимость «системной согласованности интересов населения, бизнеса и государства» (третий принцип) сама по себе не вызывает сомнения. Вместе с тем это положение представляется вполне очевидным. Принцип 4 «оптимальной технологии экономической политики» имеет слишком абстрактный характер: отсутствуют хотя бы качественные указания на критерии оптимальности и области допустимых решений. Наконец, принцип 5, по нашему мнению, по существу, повторяет третий принцип о необходимости согласования интересов социально-экономических групп.

В целом принципы, изложенные в (Холодова, 2008), могут с учетом сделанных выше оговорок рассматриваться как возможные элементы методологии макроэкономического регулирования.

3. ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ПРИНЦИПЫ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

В этом пункте будут сформулированы предлагаемые методологические принципы и основные этапы формирования эффективных бюджетно-налоговых решений. По нашему мнению, представленные ниже основные положения бюджетно-налоговой политики могут рассматриваться как дополнения к принципам, изложенным в (Клейнер, 2007; Методические рекомендации..., 2000; Холодова, 2008).

1. Учет границ эффективной применимости решений.

Данный принцип означает необходимость четкого определения сфер и условий применимости государственных решений (стратегий, программ, проектов, планов). Например, наиболее известные в последние десятилетия либерально-монетаристский и «государственнический» подходы к реформированию экономики имеют свои границы эффективной применимости:

- либерально-монетаристский не может дать стимулов роста в краткосрочном периоде, поскольку требует наличия развитых и нормально работающих рыночных институтов;
- «государственнический» ограничен наличием заведомо рентабельных проектов.

2. Системное целеполагание.

Под системным целеполаганием стратегий и концепций социально-экономического развития понимается необходимость описания в них национальной идеи, представляющей собой обобщенную характеристику будущего эффективного общественного устройства, соответствующего интересам руководства страны, бизнеса и активных групп граждан. По нашему мнению, будущую общественную систему можно определить как *высококонкурентный социально ориентированный (общенародный)*

*капитализм*⁷. В такой системе производство и обмен частных благ регулируются рынком, где взаимодействуют частные хозяйственные субъекты, а также государственные предприятия и учреждения. Процесс вторичного распределения национального дохода (перераспределения) является социально ориентированным, т.е. действующим в интересах большинства граждан. При этом бюджетно-налоговая политика должна быть устроена таким образом, чтобы, во-первых, обеспечить всем производствам с высокой добавленной стоимостью приемлемый для бизнеса уровень рентабельности, исключая бегство капиталов; во-вторых, стимулировать приток новых технологий, финансового и человеческого капиталов.

3. Инструментальная операциональность.

Инструментальная операциональность политики (программы) реформирования означает наличие количественно проверяемого (независимой экспертизой) описания:

- экзогенно задаваемых политических, социально-экономических и других характеристик, не зависящих от принимаемых решений;
- плановых (регулирующих) параметров экономической политики Правительства;
- прогнозных показателей реакции субъектов экономики на параметры экономической политики;
- критериев оптимальности, условий допустимости решений;
- воздействия инструментов планирования на функционирование субъектов экономики.

4. Многокритериальное соизмерение издержек и выгод.

В настоящее время отсутствуют формализованные процедуры формирования эффективных вариантов преобразований в бюджетно-налоговой сфере.

⁷ По-видимому, в качестве такой модели можно было бы рассматривать совместимое сочетание элементов китайской и шведской моделей экономики.

В работах предшественников предлагались модели оценки параметров налоговых реформ с использованием различных макроэкономических критериев (см., например, (Аткинсон, Стиглиц, 1995; Занадворов, Колосницына, 2006)). Однако не были предложены процедуры принятия бюджетно-налоговых решений при наличии не одного, а целого набора критериев оптимальности. Применяющиеся сейчас в теоретических исследованиях критерии (Бергсона, Самуэльсона, Ролуза и др.) представляют собой те или иные комбинации индивидуальных предпочтений граждан. При использовании таких критериев вопрос о степени удовлетворения интересов различных социально-экономических групп остается открытым. А это противоречит фактически использовавшейся в указанных работах гипотезе о рациональном выборе избирателей, стремящихся максимизировать удовлетворение своих личных интересов.

В общем случае необходимо рассматривать задачи оптимизации макроэкономической политики с учетом не одного критерия, а упорядоченного набора критериев: например, максимизации валового внутреннего продукта (темпов экономического роста), посленалоговых доходов более бедного большинства населения и др. (см., например, (Занадворов, Колосницына, 2006; Граборов, 2015)). При этом используемые критерии должны быть упорядочены в соответствии с социально-экономическими приоритетами страны.

Как известно, одна из ключевых проблем разработки вариантов государственной политики – преодоление противоречия между критериями экономической эффективности и социальной справедливости (Занадворов, Колосницына, 2006, с. 145; Стиглиц, 1997, с. 93–95). На практике государственные решения считаются экономически эффективными, если они обеспечивают максимизацию ВВП (или темпов его роста) при нахождении в допустимых пределах ряда макропоказателей – инфляции, занятости и др. При такой постановке задачи макроэкономического регулирования остается вне поля зрения во-

прос о распределении национального дохода между различными социальными группами. Данный вопрос является принципиальным при анализе социальной справедливости, означающей соблюдение прав человека на труд, жилье, достойный уровень жизни и т.д. (Овсиенко, Сухотин, 1999, с. 62–68).

В налоговой сфере конфликт эффективности и справедливости может возникать следующим образом. Для повышения эффективности и инвестиционной привлекательности отечественного производства целесообразно проводить налоговое стимулирование – например, путем снижения налоговой нагрузки на бизнес. А для обеспечения социальной справедливости необходимо снижать налоги на малоимущих, индексировать пенсии, пособия и зарплаты бюджетников. Ясно, что одновременно эти меры мало осуществимы.

5. Комбинированные стратегии.

Как известно, в условиях неполной информации наилучшей является смешанная стратегия (например, хранение денег в разных банках и разных валютах при принятии депозитных решений). Применительно к проблеме оценки эффективности макроэкономической политики представляется целесообразным использовать по возможности сочетание различных стратегий реформирования – например, «государственнической» и либерально-монетаристской. При этом должен тщательно соблюдаться принцип учета границ их эффективной применимости.

6. Выравнивание условий экономической конкуренции.

В российской экономике хозяйствующие субъекты находятся в неравных конкурентных условиях в силу монополизации отдельных видов производств (Белоусова, Васильева, Лившиц, 2012) и неполного изъятия природной ренты из доходов недрозэксплуатирующих предприятий (Львов, 2003, с. 30–31). Разумеется, речь не может идти о создании условий, в точности соответствующих теоретическому режиму свободной конкуренции, – имеется

в виду только их выравнивание за счет более полного налогового изъятия природной ренты, государственного регулирования цен монопольных производств и других инструментов антимонопольного регулирования. Пока добыча сырья и другие монополизированные секторы являются заведомо более рентабельными, чем рискованные высокотехнологичные производства, инновационная модернизация российской экономики оказывается трудноосуществимой или просто невозможной.

7. Выравнивание условий жизни граждан.

Важным фактором обеспечения социальной стабильности, конкурентного рынка труда и роста спроса на отечественную продукцию является выравнивание финансовых возможностей высоко- и низкодходных групп населения. Необходимость такого выравнивания для снижения социальной напряженности и повышения конкурентоспособности рынка труда представляется очевидной. Выравнивание доходов также способствует (при прочих равных условиях) росту спроса на отечественную продукцию, поскольку, как известно, в структуре расходов высокодходных групп доля зарубежных товаров и услуг существенно выше, чем у низкодходных. В (Варшавский, 2007) отмечаются следующие негативные результаты чрезмерного неравенства доходов в России:

- обострение проблем развития человеческого капитала;
- торможение развития инфраструктуры;
- ухудшение показателей национальной инновационной системы;
- усиление технологического разрыва;
- снижение грамотности населения, его политической активности и общественной солидарности.

С учетом указанных принципов могут быть сформулированы следующие *основные этапы процедуры оценки макроэффективности бюджетно-налоговых решений*.

Первый этап. Анализ сложившихся внешних и внутренних тенденций, противо-

речий, проблем социально-экономического развития. Сопоставление уровней конкурентоспособности России и крупнейших мировых держав в военной, экономической и социальной областях.

Второй этап. Прогнозирование развития внешней надсистемы, включающей все страны, конкурирующие с Россией в этих областях.

Третий этап. На базе информации, полученной на этапах 1 и 2, вырабатывается упорядоченная система целевых ориентиров на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу и устанавливаются их безусловные либо условные приоритеты.

Например, безусловный приоритет – финансирование национальной безопасности, но по критерию минимальной достаточности гарантирующее в случае военных действий нанесение вероятному противнику заведомо неприемлемого для него ущерба. Примером условного приоритета может служить относительная предпочтительность государственного финансирования роста текущего благосостояния граждан или повышения конкурентоспособности российской экономики. По нашему мнению, в условиях кризиса приоритетно государственное долевое проектное финансирование реального сектора, а в условиях экономического роста – социальных расходов государства.

Четвертый этап. В соответствии с определенными на этапе 3 ориентирами и приоритетами производится формирование государственных целевых программ и инвестиционных проектов. Целевые программы должны задаваться в нескольких вариантах государственных инвестиций и степени достижения поставленных в них целей социально-экономического развития.

Пятый этап. На основе информации этапов 1–4 формулируется задача определения оптимальной бюджетно-налоговой политики, учитывающая:

- экзогенно задаваемые показатели социально-экономического развития;
- продуктовые, финансовые, ресурсные ограничения, определяющие область до-

пустимости бюджетно-налоговой политики и критерии оптимальности;

- варианты целевых программ и народнохозяйственных инвестиционных проектов.

Шестой этап. В результате решения задачи, сформулированной на этапе 5, определяются наилучшие варианты целевых программ, инвестиционных проектов и бюджетно-налоговых решений. Далее эти варианты используются для уточнения прогнозов и достижимых целевых ориентиров социально-экономического развития. Если такие прогнозы и уровни достижения целей оказываются неудовлетворительными, то следует вернуться к этапам 3 и 4 и уточнить целевые ориентиры и варианты целевых программ, обеспечивающих большее соответствие между ними.

Как показали наши исследования (Граборов, 2015), в бюджетно-налоговой задаче могут быть выделены, по крайней мере, два блока налогообложения – производственной сферы и населения. Тогда появляется возможность использовать критерий максимума ВВП при оптимизации налогообложения производства, а критерий максимума посленалоговых доходов бедного большинства граждан – при оптимизации налогообложения населения. Первый критерий нацелен на повышение эффективности производственной сферы, второй – на реализацию принципа социальной справедливости. При этом обязателен учет ограничений максимальных размеров налоговых ставок, определяемых условиями налоговой конкуренции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом данная работа имеет постановочный характер. На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. К числу главных причин разногласий экономистов по подходам к формированию бюджетно-налоговой политики, по нашему мнению, относятся:

- отсутствие единой методологии и общепризнанных методик расчета государственных бюджетно-налоговых решений;

- неполнота (неопределенность) исходной информации о предстоящих политических и социально-экономических процессах в стране и в мире;

- ориентация ряда экономистов и политиков на обслуживание политических и экономических интересов тех или иных олигархических групп.

2. Представленные в (Клейнер, 2007; Методические рекомендации..., 2000; Холодова, 2008) положения макроэкономической политики целесообразно дополнить следующими принципами:

- учет границ эффективной применимости решений;

- системное целеполагание;

- инструментальная операциональность;

- многокритериальное соизмерение издержек и выгод;

- комбинированные стратегии;

- выравнивание условий экономической конкуренции;

- выравнивание условий жизни граждан.

3. Перспективные направления исследований формирования бюджетно-налоговой политики должны включать разработку:

- информационного, модельно-алгоритмического и программного обеспечения процессов формирования государственных бюджетно-налоговых решений;

- моделей сравнительной оценки военной, экономической и социальной конкурентоспособности страны;

- формализованных процедур установления безусловных и условных приоритетов, целей и критериев оптимальности социально-экономического развития страны;

- системы моделей совместного принятия эффективных государственных целевых программ, инвестиционных проектов и бюджетно-налоговых решений.

Список литературы

- Аткинсон Э.Б., Стиглиц Дж.Э. Лекции по экономической теории государственного сектора: учебник: пер. с англ. / под ред. Л.Л. Любимова. М.: Аспект Пресс, 1995.
- Белоусова Н.И., Васильева Е.М., Лившиц В.Н. Модели идентификации естественных монополий и государственного управления ими (возможности расширения классической теории) // Экономика и математические методы. 2012. Т. 48. № 3.
- Варишавский А.Е. Значительное снижение неравенства доходов – важнейшее условие перехода к инновационной экономике, основанной на знаниях // Экономика и математические методы. 2007. Т. 43. № 4.
- Глазьев С.Ю., Ивантер В.В., Макаров В.Л., Некипелов А.Д. и др. О стратегии развития экономики России // Экономическая наука современной России. 2011. № 3 (54).
- Глазьев С.Ю. Нищета и блеск российских монетаристов. Ч. 1 // Экономическая наука современной России. 2015. № 2 (69).
- Граборов С.В. Мажоритарная оптимизация налогов, трансфертов, цен и заработных плат // Экономика и математические методы. 2015. Т. 51. № 1.
- Гринберг Р.С. Российский путь выхода из кризиса: самобытность против универсального тренда // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2.
- Занадворов В.С., Колосницyna М.Г. Экономическая теория государственных финансов. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Иванов В.Н., Овсиенко Ю.В., Сухова Н.Н. О проблемах социально-экономической и научно-технической модернизации России // Экономическая наука современной России. 2011. № 3 (54).
- Клейнер Г.Б. Государство, общество, бизнес: взаимодействие в целях модернизации // Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики / под ред. Д.С. Львова, Г.Б. Клейнера. М.: Наука, 2007.
- Клепач А.Н. Уроки современных кризисов для экономического развития России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2.
- Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Государственное стимулирование или экономические стимулы? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2.
- Лившиц В.Н. О необходимости изменения действующей парадигмы государственного управления экономикой России // Экономическая наука современной России. 2015. № 1 (68).
- Львов Д.С. Проблемы долгосрочного социально-экономического развития России. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 2003.
- Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. М.: Экономика, 2000.
- Методы государственного регулирования экономики. М.: ИНФРА-М, 2012.
- Миркин Я.М. Внезапный поворот // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2.
- Овсиенко Ю.В., Сухотин Ю.В. Социально-экономическое реформирование в критической фазе / Препринт # WP/99/082. М.: ЦЭМИ РАН, 1999.
- Полтерович В.М. Куда идти: двадцать четыре тезиса // Экономическая наука современной России. 2014. № 3 (66).
- Полтерович В.М. О формировании системы национального планирования в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2.
- Стиглиц Дж.Ю. Экономика государственного сектора. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Финансово-бюджетное планирование / под ред. Г.Б. Поляка. М.: Вузовский учебник, 2007.
- Холодова Л.Н. О принципах государственной экономической политики // Экономика и математические методы. 2008. Т. 44. № 1.
- Шевченко Б.И. Формирование системы макроэкономического регулирования в целях становления смешанной экономики: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005.

Рукопись поступила в редакцию 25.05.2016 г.

PRINCIPLES AND STAGES OF STATE BUDGET AND TAX DECISIONS FORMATION

S.V. Graborov

Graborov Sergei V. – Central Economic and Mathematics Institute Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pitel@cemi.rssi.ru.

The author analyses problems, methodological guidelines and milestones of the government fiscal policy development. It also discusses the principles presented in the Tax and Budget codes of the Russian Federation. A new set of principles is proposed: counting of borders for effective applicability decisions, system definition of objectives and instrumental operationability, multicriteria analysis of costs and benefits, a mixed strategy, alignment of economic competition and people living conditions. The basic steps designing effective fiscal decisions presented.

Keywords: budget and tax decisions, effective applicability, system definition of objectives, instrumental operationability, multicriteria analysis of costs and benefits, mixed strategy.
JEL: H2.

References

- Atkinson E.B., Stiglitz J.E. (1995). Lectures on Public Economics. Textbook, translation from English into Russian under the editorship of Lyubimov L.L. Moscow: Aspect Press (in Russian).
- Belousova N.I., Vasilieva E.M., Livshits V.N. (2012). The models of identification of natural monopolies and state management of them (the abilities of enlarging scope of the classical theory). *Ekonomika i matematicheskiye metody*, vol. 48, no. 3 (in Russian).
- Finansovo-byudjetnoye planirovaniye (2007). [Financial and budgetary planning] / under the editorship of Polyak G.B. Moscow, High school textbook (in Russian).
- Glaziyev S.Yu. (2015). The poverty and lustre of the Russian monetarists. *Economics of Contemporary Russia*, no. 2 (69) (in Russian).
- Glaziyev S.Yu., Ivanter V.V., Makarov V.L., Nekipelov A.D., Tatarkin A.I., Grinberg R.S., Fetisov G.G., Tsvetkov V.A., Batchikov S.A. Yershov M.V., Mityayev D.A., Petrov Yu.A. (2011). On the strategy of development of the economy of Russia. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3 (54) (in Russian).
- Graborov S.V. (2015). Majority optimization of taxes, transfers, prices and wages. *Ekonomika i matematicheskiye metody*, vol. 51, no. 1 (in Russian).
- Grinberg R.S. (2015). The Russian way of exiting from the crisis: originality vs. the universal trend. *Journal of the New Economic Association*, no. 2 (in Russian).
- Ivanov V.N., Ovsiyenko Yu.V., Sukhova N.N. (2011). On the problems of socio-economic and scientific and technical modernization of Russia. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3 (54) (in Russian).
- Kholodova L.N. (2008). On the principles of state economic policy. *Ekonomika i matematicheskiye metody*, vol. 44, no. 1 (in Russian).
- Kleiner G.B. (2007). State, society, business: interaction for sake of modernization // Russia in the globalizing world. Modernization of the Russian economy / under the editorship of D.S. Lvov and G.B. Kleiner. Moscow, Nauka (in Russian).
- Kudrin A.L., Gurchik Ye. T. (2015). State stimulating or economic incentives? *Journal of the New Economic Association*, no. 2 (in Russian).
- Livshits V.N. (2015). On the necessity of changing the current paradigm of state management of the Russian economy. *Journal of the New Economic Association* no. 1 (in Russian).
- Lvov D.S. (2003). The problems of long-term socio-economic development. Volgograd, Volgograd State University Publ. (in Russian).
- Methodic recommendations on the estimation of efficiency of investment projects (2000). Moscow, Ekonomika (in Russian).
- Methods of state regulation of the economy (2012). Moscow, INFRA-M (in Russian).
- Mirkin Ya.M. (2015). Sudden turn. *Journal of the New Economic Association*, no. 2 (in Russian).
- Ovsiyenko Yu.V., Sukhotin Yu.V. (1999). Socio-economic reforming at the critical stage, Working Pa-

per # WP/99/082. Moscow, CEMI RAS (in Russian).

Polterovich V.M. (2014). Where should we go? Twenty-four theses. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3 (66) (in Russian).

Polterovich V.M. (2015). On forming a system of national planning in Russia. *Journal of the New Economic Association*, no. 2 (in Russian).

Shevchenko B.I. (2005). Forming a system of macroeconomic regulation to create a mixed economy. Abstract of doctoral thesis. Moscow (in Russian).

Stiglitz J.E. (1997). The economy of public sector. Moscow, Moscow State University Publ.

Varshavsky A.Ye. (2007). Substantial decreasing of incomes inequality is an important condition of transition to the innovation economy based on knowledge using. *Ekonomika i matematicheskiye metody*, vol. 43, no. 4 (in Russian).

Zanadvorov V.S., Kolosnitsyna M.G. (2006). The economic theory of state finance. Moscow, State University Higher School of Economics (in Russian).

Manuscript Received 25.05.2016

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ¹

А.А. Гусев

Дается классификация методов экономической оценки природных ресурсов, подразделяемых на экономические и социологические. Одной из важных особенностей экономической оценки является анализ совокупности традиционных природных ресурсов и ассимиляционного потенциала окружающей среды как особого вида природных ресурсов. Отмечаются следующие направления использования экономической оценки в народном хозяйстве: кардинальное изменение принципов налогообложения; совершенствование эколого-экономических и ресурсосберегающих показателей на макро- и микро-экономических уровнях; разработка национальной стратегии низкоуглеродного развития.

Ключевые слова: экономическая и социологическая оценки природных ресурсов, налогообложение, методы оценки, направления использования экономической оценки в народном хозяйстве.

JEL: Q20.

1. КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

В концептуальном отношении методы экономической оценки природных ресурсов

© Гусев А.А., 2017 г.

Гусев Андрей Александрович – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Сочинского научно-исследовательского центра РАН, Сочи, andgusev@inbox.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проекты № 15-06-00535 и № 17-02-00144а).

(ЭОПР) можно подразделить на экономические и социологические. Экономические методы используются, как правило, для оценки ресурсов отраслей, связанных с природопользованием (недропользованием и др.). Социологические методы применяются, как правило, для оценки уязвимых ресурсов социальной направленности (особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и др.). При этом оба вида методов могут использоваться для оценки ресурсов обоих указанных типов природопользования.

Что касается социологических методов, то субъективное восприятие населением экологических факторов, их воздействия на качество жизни неизбежно влияет на экономическую оценку природных ресурсов. Задачи социологов состоят в выявлении ценности объектов окружающей среды для индивидуумов, выраженной в желании и готовности платить за качество окружающей среды или готовности получить компенсацию за ее ухудшение. Социологические опросы дают информацию о готовности людей платить за природные ресурсы. Техника, основанная на публичных опросах, впервые была предложена в 1963 г. и наибольшее распространение получила в 1970–1980-е гг.

Рассмотрим наиболее широко применяемые методы оценки, построенные на принципе «готовности платить».

Метод условной оценки стоимости базируется на социологических опросах, в которых респондентам предлагают сделать потребительский выбор в ситуации гипотетического рынка блага окружающей среды. Таким образом, в ходе опроса респондентам задаются прямые вопросы об их готовности платить или получить компенсацию за некое изменение окружающей среды. На основе этих данных оцениваются индивидуальные предпочтения на получение упомянутых благ.

Цель метода условной оценки стоимости – максимально точно определить ставки (цены), предлагаемые респондентам, как если бы рынок данного блага действительно существовал.

Одна из проблем здесь – метод, каким будет измеряться готовность платить и готовность получить компенсацию. Обычно применяется один из следующих методов: прямые открытые вопросы; игра в определение размера платежа; выбор «брать или отказаться»; условное ранжирование.

Одним из преимуществ метода условной оценки стоимости является его универсальность. Специалисты считают, что он может дать вполне достоверную оценку выгод и издержек, связанных не только с качеством окружающей среды, но и состоянием природно-ресурсного потенциала, в том числе включая проблемы состояния биологических ресурсов и биоразнообразия. Однако такого рода исследования следует проводить очень аккуратно, предоставляя полную информацию о предмете изучения всем участникам опроса.

Помимо публичных опросов, проводятся также опросы квалифицированных экспертов. В качестве примера приведем один из последних предложенных в этой области методов – технику Дельфи. Ее суть заключается в неоднократной корректировке экспертами своих оценок – каждый раз после группового обсуждения проблемы.

Некоторые особенности применения за рубежом метода «готовности платить» на рубеже 1970-х и 1980-х гг. для оценивания традиционных природных ресурсов изложены в работе (Гусев, 2004). Маркетинговый информационный центр по заказу Правительства Москвы на основе подхода «готовности платить» в 1999 г. провел социологический опрос, позволяющий судить о готовности москвичей делать пожертвования на заботы об экологии города, включая пожертвования на содержание парков и скверов (Экономика сохранения биоразнообразия, 2002). При этом готовность делать пожертвования на содержание парков и скверов у москвичей оказалась существенно ниже, чем готовность делать пожертвования на охрану окружающей среды в целом.

Существуют также косвенные методы проведения социологических обследований.

Одним из них является *метод транспортных затрат*. Он связан с оценкой стоимости времени и ценности мест посещения. Модели используются для оценки выгод от улучшения мест рекреации и природных достопримечательностей, которые посещают люди из разных уголков страны, региона или мира. Такие исследования проводятся в странах Европы, США, Австралии, ряде развивающихся стран, заинтересованных в развитии индустрии туризма, сохранении биоразнообразия и дикой природы. Метод основан на допущении, что за посещение какого-либо места рекреации (например, природного парка) не требуют платы. Однако чтобы попасть в выбранное место, посетителю приходится потратить некоторую сумму денег (затраты на транспорт, проживание и т.п.) и времени. Именно эти расходы рассматриваются в качестве показателя ценности объекта окружающей среды. Суть метода можно свести к следующему: предполагается, что регион вокруг места рекреации может быть разделен на некоторое число концентрических зон, затраты на транспортировку из которых равны. Остальные факторы, которые могут повлиять на желание посещать место рекреации, полагаются одинаковыми для каждой зоны. В каждой зоне собирают данные о числе посетителей данного места и оценивают соответствующие транспортные затраты. На основе этой информации можно оценить зависимость между этими затратами и числом посетителей.

В нашей стране метод транспортных затрат был использован при оценке природных рекреационных ресурсов в процессе определения возможных экологических последствий реализации нефтегазового проекта «Сахалин-1». В современных условиях оценка, например, мест отдыха относится к экосистемным услугам. В структуре туристского сектора все более значимую роль играет экологический туризм. Экотуризм не нарушает целостности экосистем и создает такие экономические условия, при которых охрана природы становится выгодной для местного населения. В мире этот вид туризма растет ежегодно на 20%, что

в шесть раз быстрее роста туристской отрасли в целом («Зеленая» экономика, 2014).

В советское время для оценки ресурсов социальной направленности, например ООПТ, использовались экспертные процедуры с учетом системообразующей роли такого ресурса. Так, экономическая оценка ООПТ в то время была определена как 6000 р./га (Гофман, 1980). При этом она была в шесть раз больше оценки сельскохозяйственных угодий, где последняя определялась экономическими методами, присущими плановой форме хозяйствования. С учетом инфляции и деноминации, отталкиваясь от приведенных выше результатов, современная нижняя граница оценки ООПТ составляет примерно 100 тыс. р./га. В современных условиях имеются коэффициенты соизмерения шкалы кадастровой стоимости ООПТ по отношению к кадастровой стоимости эксплуатационных лесов. Так, для Свердловской области шкала кадастровой стоимости ООПТ в три раза выше шкалы кадастровой стоимости эксплуатационных лесов (Лебедев, 2011).

Недоучет экономической ценности ресурсов социальной направленности может привести к серьезным экологическим нарушениям при принятии решений в пользу природоэксплуатирующих отраслей.

Для бизнес-отраслей хозяйства определение ЭОПР связано с оценкой природной ренты. Величина совокупного дохода в природоэксплуатирующих отраслях состоит из предпринимательского и рентного доходов. Пользователи природных ресурсов имеют безусловное и неперекаемое право на предпринимательский доход, но только такой, который может рассматриваться как прямой результат их деловой активности и вложений капитала (своего и заемного), сделанных на свой страх и риск. По мнению Д.С. Львова (Львов, Кимельман, Пителин, 2004), на государственном уровне можно ввести законодательно устанавливаемые *нормативы*, увязывающие размер предельно допустимых доходов с затратами, которые несет предприниматель в ходе производственной деятельности. Смысл

таких нормативов предельно прост: они определяют, какую часть понесенных за тот или иной период затрат предприниматель имеет право компенсировать из доходов текущего периода. Вся остальная выручка получает в этом случае статус сверхдоходов, и государство рассматривает их как естественную базу рентного налогообложения.

2. ОСОБЕННОСТИ ЭОПР

Одной из важных особенностей ЭОПР является анализ совокупности традиционных природных ресурсов и ассимиляционного потенциала окружающей среды (АПОС) как особого вида природных ресурсов.

АПОС – жестко лимитированный природный ресурс. Его использование, как и применение других естественно лимитированных природных ресурсов, обуславливает возникновение экономической ренты. АПОС может быть несколько увеличен путем, например, повышения лесистости территории, усиливающей способность биоты поглощать выбросы в окружающую среду. Такое увеличение АПОС имеет практическое значение при разработке механизмов посткиотского периода продолжения борьбы с климатическими изменениями. Вклад лесов РФ должен учитываться международным сообществом. Учет абсорбции парниковых газов лесами важен для России. Это зафиксировано в работе (Об экологическом развитии..., 2016). В Парижское соглашение по климату, в том числе по настоянию РФ, включена статья, закрепляющая адекватный учет лесного фактора².

² Правительство РФ одобрило Парижское соглашение по климату. URL: <https://rg.ru/2016/04/20/parizhskoe-soglashenie-ob-izmenenii-klimata-odobreno-pravitelstvom-rf.html> (дата обращения: 26 апреля 2016); Парижское соглашение вступило в силу 4 ноября 2016 г. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/parizhskoe-soglashenie-po-klimatu-vstupilo-vsiliu> (дата обращения: 30 декабря 2016).

АПОС, в отличие от традиционных природных ресурсов, имеет особенности. Во-первых, в связи с возрастающим воздействием хозяйственной деятельности на состояние окружающей среды способность АПОС «сопротивляться» воздействию человека становится в настоящее время не просто национальным достоянием, а важнейшим условием дальнейшего существования рода человеческого. Во-вторых, АПОС по своей направленности способствует достижению той степени чистоты окружающей среды, например атмосферного воздуха, которая придает соответствующему ресурсу свойства предмета качественного коллективного потребления.

Имеется ряд нормативов (ПДК, ПДВ и др.), которые описывают пороговые воздействия на АПОС. Они несовершенны, но приближенно характеризуют предел воздействия на АПОС, при котором проявляется его поглотельная способность и нет необходимости нуллифицировать выбросы в окружающую среду. Приближенно количественно АПОС можно было бы охарактеризовать как систему оценок по учитываемым ингредиентам загрязнения в интервале от нуля до их пороговых значений.

Количественное выражение АПОС сквозь призму интервальных экологических нормативов отражает экологические потребности общества. Достижение нормативов представляет собой процесс устранения дефицита ассимиляционного потенциала за счет его искусственного воспроизводства предприятиями, на сегодняшний день превышающими экологические нормативы. Данный процесс, однако, можно рассматривать как производство специфической экологической продукции. Она неизбежно будет производиться разными предприятиями с неодинаковой и заранее точно непредсказуемой эффективностью.

В экономическом отношении АПОС можно охарактеризовать как уникальное свойство данного природного ресурса экономить другие ресурсы, в том числе природные. Нуллификация ПДВ приводит к резкому воз-

растанию затрат других ресурсов. В этом – экономическая сущность АПОС, поскольку надобность в такой нуллификации отпадает.

Показатель экономического ущерба от загрязнения окружающей среды является одним из важнейших параметров, влияющих на экономическую оценку АПОС. Оценка экономического ущерба от загрязнения окружающей среды – сложная междисциплинарная проблема. Сначала определяется натуральный ущерб, под которым понимаются непосредственные негативные социальные последствия загрязнения (например, повышение заболеваемости населения). Затем исходные показатели натурального ущерба получают экономическую оценку.

В работе (Гусев, 2004) дан общий анализ применявшихся в бывшем СССР детализированных методов оценки натурального ущерба. Методы подразделяются на три типа: 1) элиминирования факторов, не относящихся к загрязнению; 2) эмпирических зависимостей; 3) комбинированный – эмпирических зависимостей и элиминирования факторов.

Определение экономического ущерба на основе детализированных расчетов – весьма трудоемкая работа. В то же время потребности практики диктуют необходимость создания упрощенных и менее трудоемких методов оценки ущерба. На основе экспериментального и экспертного обобщения детализированных исследований разработаны рекомендации по укрупненной оценке экономического ущерба от загрязнения атмосферного воздуха и водных источников. Методики укрупненной оценки экономического ущерба представлены, в частности, в работе (Гусев, 2004).

3. ПРИМЕНЕНИЕ ЭОПР В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Использование ЭОПР в модернизационных преобразованиях национальной экономики можно осуществлять по разным

направлениям. Отметим три существенных направления: 1) кардинальное изменение принципов налогообложения; 2) совершенствование эколого-экономических и ресурсосберегающих показателей на макро- и микроэкономических уровнях; 3) разработка национальной стратегии низкоуглеродного развития.

Рентный доход от эксплуатации природных ресурсов был и остается в России важнейшим источником доходов государственного бюджета. Но собирается он в основном путем косвенного налогообложения. Непосредственно в источнике его образования государство изымает незначительную долю рентного дохода, что искажает межотраслевые пропорции и фактически поощряет масштабное негативное воздействие на окружающую среду.

Кардинальное изменение принципов налогообложения связано с уменьшением удельного веса налогов косвенного характера – налога на прибыль, НДС и т.п. – при соответствующем увеличении доли прямых налогов и платежей, связанных с добычей природных ресурсов и загрязнением окружающей среды. Реструктуризация системы налогов и платежей должна, с одной стороны, способствовать более полному изъятию государством природной ренты и переходу от реализации существующего принципа «потребитель платит» к принципу «загрязнитель платит», а с другой – строиться на принципе «фискальной нейтральности», т.е. без увеличения фискального бремени на субъекты экономической системы. Целесообразность такой реструктуризации обсуждается в нашей стране довольно долго и с заслуживающим внимания постоянством (Gofman, Gusev, 1994; Гофман, 1994; Львов, 2004; Глазьев, 2010). Эти идеи наконец нашли отражение в Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (2012 г.). В перечень принципов этого документа входит полное возмещение вреда, причиненного окружающей среде.

Цель совершенствования показателей на макроуровне связана с более адекватным отражением в них социально-экономической, ресурсосберегающей и инновационной динамики роста. Совершенствование показателей на микроуровне связано с интернализацией негативных экстерналий (отрицательных внешних эффектов) посредством реструктуризации налогообложения.

В России динамику экономического роста принято считать как динамику ВВП. Проведенные в нашей стране расчеты на макроэкономическом уровне показали, что в современных условиях ежегодный ВВП может уменьшиться на 15% только вследствие ущерба народному хозяйству от загрязнения атмосферного воздуха и водных объектов (Доклад, 2016). При этом затраты на охрану окружающей среды составляют ниже 1% ВВП. Если же оценивать необходимые природоохранные затраты, соответствующие санитарным нормам выбросов и сбросов вредных веществ, то их величина равна 7–10% ВВП (Рюмина, 2009). Отсюда следует, что относительное уменьшение ресурсов, выделяемых на нужды охраны природы, в традиционном ВВП может создать лишь видимость роста ресурсов для потребления и накопления, так как вся их растущая часть будет расходоваться на компенсацию потерь от экологических нарушений, а реальное потребление и накопление в народном хозяйстве сократятся. Поэтому «очищенный» ВВП, т.е. традиционный ВВП за вычетом экономического ущерба от загрязнения окружающей среды, наиболее адекватно отражает характер развития страны с учетом отмеченной социально-экономической составляющей.

На основе вышеуказанных расчетов можно попытаться сформулировать подход к экономической оценке такого природного ресурса, как АПОС. В работе (Гусев, 2004) оценка АПОС обосновывается с учетом замыкающих (предельных) затрат на восстановление этого ресурса. Там же отмечается такое состояние окружающей среды, когда его достижение характеризуется равенством

по модулю предельных издержек предотвращения загрязнения и предельных величин экономического ущерба. Исходя из весьма приближенного характера полученных величин необходимых природоохранных затрат и ущерба можно сформулировать диапазон экономической оценки АПОС в интервале от 7 до 20% ВВП.

Стоимость выпуска различных видов продукции включается в состав ВВП по их цене, которая отражает не только издержки производства, но и природную ренту, которой обладают, в частности, ресурсы, изъятые из земельных недр. Однако сама по себе природная рента не является результатом чьих-либо трудовых усилий. Поэтому иногда получается парадоксальная ситуация, когда экономический рост происходит в результате повышения цен на топливо, металлы и т.п., даже если объемы их производства, добычи и первичной переработки снижаются, т.е. за счет простого увеличения доли ренты в цене. А это означает, что на деле никакого роста ее доли нет. В данном случае увеличиваются не только позитивные, но и в большей степени негативные результаты хозяйственной деятельности, в частности, вследствие сокращения запасов природных ресурсов на величину рентного дохода (Овсиенко, 2009).

В результате присвоения природной ренты компаниями в добывающей промышленности получилось, что эта отрасль в России оказалась более привлекательной для бизнеса, чем обрабатывающая. При этом более привлекательными и дешевыми технологиями для предпринимателей оказались те, которые наиболее сильно загрязняют окружающую среду. На добычу угля, нефти, газа и на производство энергии из них сегодня приходится практически половина всех выбросов вредных веществ. Стремление к максимизации прибыли любой ценой привело к тому, что если к концу 1980-х гг. коэффициент извлечения нефти составлял 50% добытой нефти, то сегодня, по экспертным оценкам, он не превышает 30%. Это приводит к потере запасов ценных природных ресурсов.

Учитывая отмеченные негативные стороны присвоения предпринимателями природной ренты, институт ее изъятия государством должен способствовать формированию целевых фондов инновационного развития как природоэксплуатирующих, так и обрабатывающих отраслей экономики. На наш взгляд, исходя из всего вышеизложенного в современных условиях динамику социально-экономического, ресурсосберегающего и инновационного роста наиболее адекватно будет характеризовать показатель «двойной очистки» ВВП, т.е. традиционный ВВП за вычетом экономического ущерба от загрязнения окружающей среды и природной ренты.

Справедливости ради следует отметить, что описание приемов очистки результирующих экономических показателей от незаработанной ренты встречается в отечественной литературе и в связи с другими целями анализа, например для объективного сопоставления на мезоуровне экономического развития регионов (Рюмина, 2009).

Модернизация эколого-экономических и природосберегающих показателей на макроэкономическом уровне должна корреспондировать с совершенствованием показателей аналогичного ряда на микроуровне. В настоящее время платежи за загрязнение окружающей среды не отражают полной величины экономического ущерба от загрязнения. В экономических показателях деятельности предприятий необходим полный учет экологических издержек. При этом экономический ущерб является основной составляющей экологических издержек. В современных условиях экономический ущерб при заниженных платежах, с одной стороны, проявляется где-то «за воротами предприятия-загрязнителя» и слабо сказывается на его коммерческой эффективности. С другой стороны, он проявляется как отрицательная экстерналия и приводит к необходимости компенсации отрицательных внешних эффектов, например, к дополнительным затратам на лечение и медицинское обслуживание населения, возме-

щение потерь чистой продукции в сельском и лесном хозяйствах и т.п. Следует отметить, что учет экстерналий (внешних эффектов) впервые исследовал Пигу (Пигу, 1985). Введение платежей за загрязнение окружающей среды на базе расчетов экономического ущерба превращает их во внутренние издержки и будет напрямую отражаться на коммерческой эффективности предприятия, способствуя внедрению действенных природоохранных технологий. Преобразование действующих платежей превращает их в «налог пигувианского типа». Интернализация внешних эффектов здесь связана с вышеуказанной реструктуризацией налогообложения.

Присвоение предпринимателями природной ренты приводит к таким отрицательным экстерналиям, как отток капитала из России и потеря запасов ценных природных ресурсов, не говоря уже о масштабном загрязнении окружающей среды отраслями ТЭК. Изъятие государством природной ренты и формирование целевых фондов инновационного развития должно сопровождаться положительными внешними эффектами. К их числу можно отнести и выравнивание условий хозяйствования субъектов экономической системы. В частности, затраты на геологоразведку в добывающих отраслях должны осуществляться за счет предпринимательского дохода. А на существенные инновационные преобразования в добывающих и обрабатывающих отраслях будут использоваться средства из указанных целевых фондов. Переход к платежам (налогам) за использование природных ресурсов на базе природной ренты превратит их в «налог пигувианского типа». Трансформация налоговой политики в сфере природопользования тоже связана с общей реструктуризацией налогообложения.

В целом реструктуризация налогообложения имеет ряд позитивных моментов – она способствует:

- 1) ресурсосбережению и охране окружающей среды;
- 2) лучшей собираемости налогов, чего трудно добиться при косвенном налогообло-

жении, поскольку объект налогообложения (природный ресурс) невозможно скрыть;

3) созданию целевых фондов инновационного развития в добывающих и обрабатывающих отраслях национальной экономики;

4) выравниванию условий хозяйствования субъектов экономической системы;

5) балансу коммерческой и экологической эффективности природопользования, поскольку возрастает стимулирование охраны природы для любых собственников-налогоплательщиков;

6) созданию предпосылок для совершенствования эколого-ориентированных национальных счетов на микроэкономическом уровне.

В связи с важностью ратификации Парижского соглашения по климату показатель экономического ущерба от загрязнения окружающей среды, влияющий на экономическую оценку АПОС, целесообразно использовать при разработке национальной стратегии низкоуглеродного развития. Парижское соглашение ратифицировали 72 страны, на долю которых приходится почти 57% выбросов парниковых газов. Напомним, что это соглашение может вступить в силу через месяц после его ратификации, как минимум, 55 странами, на которые приходится не менее 55% вредных выбросов. Этот рубеж удалось преодолеть 5 октября 2016 г. (Парижское соглашение, 2016). Среди стран, ратифицировавших соглашение, – Франция, Норвегия, Бразилия, Китай и США.

Россия пока не ратифицировала данное соглашение. Процесс ратификации для России – процесс подготовки к выполнению тех обязательств, которые мы принимаем сами на себя. Поэтому должны быть разработаны соответствующие документы, например национальная стратегия низкоуглеродного развития. Эта стратегия базируется, с одной стороны, на внедрении энергосберегающих технологий, с другой – на переходе на возобновляемые источники энергии (ВИЭ).

Переход к ВИЭ напрямую связан с повышением энергоэффективности. В работе

(Гусев, 2013) показаны препятствия при таком переходе, пути законодательной поддержки внедрения ВИЭ с учетом решения экономико-правовых вопросов, а также направления совершенствования нормативных актов и получения инвестиционных ресурсов. При этом важно создание действенных условий конкурентоспособного перехода к экологически чистой энергетике. Главным принципом такой действенности является применение эколого-экономических, а не сугубо экономических критериев принятия хозяйственных решений. Одной из составляющих эколого-экономических критериев является минимизация ущерба при переходе от использования традиционных топливных технологий к ВИЭ. Следует отметить, что топливная энергетика является существенно «грязеемким» сектором национальной экономики.

Учитывая, что оценка экономического ущерба от загрязнения окружающей среды – сложная многоаспектная задача, целесообразно создать междисциплинарную программу по совершенствованию такой оценки.

Список литературы

- Глазьев С.Ю. Стратегии развития // Наш современник. 2010. № 1.
- Гофман К.Г. Переход к рынку и экологизация налоговой системы России // Экономика и математические методы. 1994. Т. 30. Вып. 4.
- Гофман К.Г. Методы экономической оценки природных ресурсов: учеб. пособие. М.: АНХ СССР, 1980.
- Гусев А.А. Современные экономические проблемы природопользования. М.: Международные отношения, 2004.
- Гусев А.А. Пути обеспечения социально-эколого-экономической безопасности общественного развития // Экономика и математические методы. 2013. Т. 49. № 4.

«Зеленая» экономика. Новая парадигма развития страны. М.: СОПС, 2014.

Лебедев Ю.В. Оценка лесных экосистем в экономике природопользования. Екатеринбург: УрО РАН, 2011.

Львов Д.С., Киммельман С.А., Пителин А.К. О проблеме рентного налогообложения // Экономическая наука современной России. 2004. № 3.

Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений: доклад. М.: Государственный Совет Российской Федерации, 2016.

Овсиенко Ю.В., Сухова Н.Н. Эколого-ориентированная институциональная система как необходимое условие устойчивого развития / Препринт # WP/2009/258. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.

Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М.: Прогресс, 1985.

Рюмина Е.В. Экономический анализ ущерба от экологических нарушений. М.: Наука, 2009.

Экономика сохранения биоразнообразия: справочник (2002). М.: Проект ГЭФ «Сохранение биоразнообразия Российской Федерации».

Gofman K.G., Gusev A.A. Taxation and environment in the Russia Federation // Taxation and the Environment in European Economies in Transition. P., 1994.

Рукопись поступила в редакцию 21.12.2016 г.

THE ECONOMIC ASSESSMENT OF NATURAL RESOURCES AND ITS USE IN THE NATIONAL ECONOMY

A.A. Gusev

Gusev Andrey A. – Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences, Sochi, Russia, andgusev@inbox.ru

In the methods of economic valuation of natural resources are classified into economic and sociological. One important feature of economic evaluation is considering the totality of

traditional natural resources and the assimilative capacity of the environment as a special kind of natural resources. The author notes the following directions for use of economic evaluation in the national economy: a fundamental change in taxation principles; improvement of ecological, economic and resource-saving indicators at the macro- and microeconomic levels; the development of a national low-carbon development strategy.

Keywords: economic evaluation of natural resources, taxation, methods of evaluation, directions for use of economic evaluation in the national economy.

JEL: Q20.

References

Economics of biodiversity conservation (2002). Handbook. Moscow, Global Ecological Fund (GEF), Project “Biodiversity conservation in the Russian Federation” (in Russian).

Glaz’ev S.Yu. (2010). Development strategies. *Nash sovremennik*, no. 1 (in Russian).

Gofman K.G. (1980). Methods for economic estimation of natural resources: text-book. Moscow, Academy of National Economy of the USSR (in Russian).

Gofman K.G. (1994). A transition to the market and ecologization of the taxation system in Russia. *Ekonomika i matematicheskiye metody*, vol. 30, no. 4 (in Russian).

Gofman K.G., Gusev A.A. (1994). Taxation and Environment in the Russia Federation. Taxation and the Environment in European Economies in Transition. Paris.

“Green” economics (2014). A New paradigm of the country development. Moscow, Council for the study of productive forces (in Russian).

Gusev A.A. (2004). Contemporary economic problems of the nature use. Moscow, Mesdunarodnie Ot-nosheniya (in Russian).

Gusev A.A. (2013). Ways to ensure social, environmental and economic security of social development. *Ekonomika i matematicheskiye metody*, vol. 49, no. 4 (in Russian).

L’vov D.S., Kimmelman S.A., Pitelin A.C. (2004). On the Problem of Rent Taxation. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3 (in Russian).

-
- Lebedev Yu.V. (2011). Assessment of forest ecosystems in the nature management economics. Ekaterinburg, Ural Dep. RAS (in Russian).
- On the ecological development of the Russian Federation for the benefit of future generations (2016). Report. Moscow, State Council of the Russian Federation (in Russian).
- Ovsienko Yu.V., Sukhova N.N. (2009). Ecologically oriented institutional system as a necessary condition for sustainable development. Working Paper # WP/2009/258. Moscow, CEMI RAS (in Russian).
- Pigout A. (1985). Economic analysis of wealth. Moscow, Progress (in Russian).
- Rumina Ye.M. (2009). Economic analysis of ecological damage. Moscow, Nauka (in Russian).

Manuscript Received 21.12.2016

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЛОКАЛИЗОВАННЫХ КРЕДИТНЫХ ПРОЕКТОВ ДОМОХОЗЯЙСТВ В МОНОГОРОДЕ

В.В. Вольчик, Л.А. Шафиров

В статье рассказывается об исследовании перспектив разработки и реализации партисипаторных целевых программ местного экономического развития депрессивных территорий. Рассматривается институт локализованных кредитных проектов, в основе которого лежит принцип формирования по инициативе органов местного самоуправления кредитных портфелей проектов домохозяйств. В работе представлены результаты пилотного опроса местных лидеров общественного мнения (ЛОМ), проведенного в октябре–декабре 2015 г. в малом российском депрессивном г. Гуково Ростовской области (с одним градообразующим предприятием), некогда успешно развивавшемся. Анализ данных выявил наличие у респондентов намерений реализовать проект, согласующийся с официально декларируемыми целями и задачами местного социально-экономического развития: улучшением жилищных условий, повышением уровня образования или квалификации (собственной, своих детей и внуков), организацией собственного дела (для себя или своих детей).

На основе анализа описательных статистик ответов на вопросы было выявлено, что гипотетическое использо-

вание кредитных ресурсов положительно влияет на массовость намерений реализовать проект. При этом ощутимо влияние окружения (людей, чье мнение по вопросу реализации проекта важно для респондента) на процесс реализации проектов, наряду с ростом уверенности в том, что удастся осуществить задуманное. Возможность воспользоваться поддержкой со стороны местной администрации для реализации соответствующих проектов повышает уровень намерений реализовать проект и оценку отношения к результатам его реализации, а также снижает степень влияния авторитетного окружения при росте уверенности в том, что запланированное будет воплощено.

Ключевые слова: депрессивные территории, партисипативный подход, экономическое развитие города, муниципальное управление, институциональная экономика.

JEL: D19, G02, G28.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Исследовательский интерес к вопросам местного экономического развития актуализируется в связи со следующими тремя группами проблем.

Во-первых, для России характерен высокий уровень внутри- и межрегионального неравенства (Remington, 2013; Global Wealth Report, 2014; Zubarevich, 2015; Маслихина, 2015; Григорьев и др., 2011), в том числе в отношении жилищных проблем населения (обеспеченности жильем и условий проживания) (Бурдяк, 2015), доступности целевых долгосрочных кредитов (в том числе ипотечных)¹ и закредитованности граждан (Индекс ОКБ, 2016).

Достаточно привести лишь некоторые данные, характеризующие отмеченные проблемы.

¹ См., например, Концепцию развития унифицированной системы рефинансирования ипотечных жилищных кредитов в России (www.fcpsdom.ru/attachments/article/53/refin.doc).

© Вольчик В.В., Шафиров Л.А., 2017 г.

Вольчик Вячеслав Витальевич – д.э.н., профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, volchik@sfedu.ru

Леонид Александрович Шафиров – к.соц.н., доктор делового администрирования, докторант Skema Business School, Лилль, Франция, докторант экономического факультета Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, shafirov@mail.ru

Так, согласно официальным данным² в 2015 г. на одного россиянина в среднем приходилось 24 м² жилой площади, однако по расчетам экспертов в половине домохозяйств с уровнем доходов ниже прожиточного минимума в 2013 г. на одного члена семьи приходилось менее 15 м² жилья (Бурдяк, 2015, с. 276–277).

Российские моногорода (города с одним градообразующим предприятием) при этом также демонстрируют неоднородность социально-экономических условий и остроту проблем³ и заслуживают особого внимания в исследованиях, связанных с поиском способов улучшения жилищных условий населения. В частности, согласно авторским расчетам, основанным на данных Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом⁴, уже к 2011 г. среди домохозяйств, проживающих в российских моногородах, доля респондентов, неудовлетворенных жилищными условиями, достигла 97,2% в 2011 г. (при среднероссийском показателе 86,6%) (см. (Шафиров, 2013, 2014)).

По итогам проведенного в 2015 г. агентством «РИА Рейтинг» исследования (с учетом региона проживания) ипотека доступна от 49,3 до 5% российских домохозяйств (Рейтинг регионов..., 2015)⁵.

Показатель долговой нагрузки на домохозяйства⁶, по данным Объединенного

кредитного бюро, составил в 2015 г. в среднем 37% (Индекс ОКБ, 2016)⁷. В то же время по данным исследования НИУ ВШЭ уже в 2013 г. в малых городах России (с населением от 10 тыс. до 100 тыс. жителей) каждый пятый житель отмечал, что его кредитные платежи превышают половину месячного дохода (Кузина, 2013). При этом регулярные качественные и количественные исследования реального уровня доступности ипотечных, жилищных и иных целевых долгосрочных кредитов, уровня закредитованности граждан в разрезе муниципалитетов не проводятся.

Кроме того, финансовое положение органов местного самоуправления характеризуется дефицитом, несбалансированностью местных бюджетов, требующими поиска внебюджетных источников финансирования, в частности, для реализации проектов в области социальной политики⁸. Так, по итогам 2015 г. в общем числе муниципальных образований, утвердивших местные бюджеты в 2015 г., 56,5% бюджетов завершили финансовый год с дефицитом (Информация о результатах проведения..., 2016). Необходимость использования нетрадиционных решений при поиске финансовых источников для решения задач местного значения усиливается на фоне данных, свидетельствующих о том, что большинство россиян считает деятельность местных властей в решении проблем местного значения неэффективной (см., например, (Департамент экономического развития Брян-

² Данные Аналитического центра при Правительстве РФ (<http://ac.gov.ru/en/commentary/08389.html>). При этом на одного жителя США в среднем приходится 70 м², Германии и Франции – 39, Польши – 25 м².

³ В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р.

⁴ Федеральная служба государственной статистики РФ (2012). Комплексное наблюдение условий жизни населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html.

⁵ Ростовская область занимает в данном рейтинге 69-е место.

⁶ Коэффициент РТИ (payment-to-income) представляет собой отношение суммы ежемесячных пла-

тежей домохозяйства, направляемых на погашение долга (включая основной долг и выплату процентов по нему) по всем имеющимся у домохозяйства кредитам, к величине месячного дохода. Согласно банковской классификации нормой считается РТИ для домохозяйств на уровне 30–35% или ниже (Индекс ОКБ, 2016).

⁷ В частности, для населения Ростовской области данный показатель составил 52% – 17-е место среди российских регионов (Индекс ОКБ, 2016).

⁸ Наталья Зубаревич: «В регионах России ситуация дошла до ручки. Все, процесс пошел». URL: <http://neravenstvo.com/?p=1316>.

ской области, 2013; Комитет Администрации Новгородской области..., 2011; Косинский, Абраменко, 2013; О ходе реализации..., 2010)).

Как отмечают отечественные исследователи, истоки такой неудовлетворенности в том, что представители местных органов власти, осуществляя свои полномочия, зачастую не учитывают реальных потребностей местного населения. Это ставит вопрос о сопряжении целей и задач местного развития с целями и задачами домохозяйств, с участием самих граждан в решении задач местного значения в контексте повышения эффективности местного самоуправления в России (см., например, Трофимова, 2012)).

В современных условиях часто декларируется приоритетное внимание к задаче обеспечения устойчивого местного развития муниципальных образований РФ⁹, а в ходе общественных дискуссий также упоминается о необходимости вовлечения различных групп граждан в создание муниципальных стратегий (Жихаревич, 2015), в том числе и в контексте необходимости развития сотрудничества частного сектора с общественным для решения «проблемы моногородов» (World Bank, 2010). При этом зарубежный опыт предлагает рекомендации по реализации целей и задач местного развития посредством реализации ряда проектов различного масштаба (Swinburn et al., 2006), которые (разработанные с учетом специфики конкретных территорий) могли бы выступить катализаторами партнерских отношений между общественным, государственным секторами и бизнесом как основных стейкхолдеров и способствовать укреплению доверия между ними.

В связи с этим представляется целесообразным выдвинуть предположение о необходимости исследовать перспективы разработки и внедрения партисипативных целевых программ местного развития.

В качестве инструмента реализации подобных программ могут быть рассмотрены локализованные кредитные (осуществляемые за счет заемных средств, предоставляемых участниками финансового рынка, при дефиците собственных средств домохозяйств и местных бюджетов) проекты домохозяйств, результатом которых было бы создание (приобретение) домохозяйствами таких активов, создание и приобретение которых согласуется с целями и задачами (по меньшей мере, официально декларируемыми) местного развития.

Вместе с тем необходимо отметить, что в работах отечественных исследователей не рассматриваются темы, посвященные элементам социально-экономической политики муниципалитетов для решения проблем местного значения для содействия реализации проектов местных домохозяйств как инструмента местного экономического развития. Таким образом, очевидно существование пробела в исследованиях, на частичное заполнение которого может претендовать предлагаемое исследование.

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы, руководствуясь элементами теории проектного менеджмента (Turner et al., 2010), с опорой на институциональную экономическую теорию¹⁰ и модель обоснованного поведения (Fishbein, Ajzen, 2010), аргументировать целесообразность внедрения института локализованных кредитных проектов домохозяйств; инициатором и менеджером такого портфеля, а также отдельных проектов в его

⁹ Согласно Федеральному закону от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

¹⁰ Оригинальный институционализм, или исследовательскую традицию американской институциональной школы (см. (Gruchy, 1947; Stanfield, 1999; Hodgson, 2000)).

составе предлагается рассматривать органы местного самоуправления. При этом в соответствии с подходом, разделяемым школой регулирования в рамках теории проектного менеджмента (Turner et al., 2010), акцентируется необходимость выявления условий построения взаимодействий между потенциальными стейкхолдерами указанных проектов домохозяйств, при реализации которых возможна трансформация конфликтующих интересов сторон в согласованную деятельность, направленную на достижение ими общей цели (о выявленных потенциальных стейкхолдерах локализованных проектов местных домохозяйств на основании проведенного в данном исследовании опроса см. (Шафиров, 2016)).

Разработка концепции института локализованных кредитных проектов основывается на материалах качественного институционального исследования с использованием материалов интервью с местными лидерами общественного мнения. Согласно исходным подходам «старого» институционализма (Gruchy, 1947; Stanfield, 1999; Hodgson, 2000; Shafirov, 2014), исследовательская позиция предполагает необходимость «интеллектуального поиска», направленного на выявление реальных способов такой трансформации, в каждой исследуемой проблемной ситуации. В свою очередь, теория обоснованного поведения (подробнее см. (Fishbein, Ajzen, 2010; Francis et al., 2004a, 2004b)) послужила основой для разработки вопросов интервью.

Таким образом, в рамках данной статьи сформулированы следующие задачи.

1. Установить соответствие между целями, которые могут быть рассмотрены в качестве целей местного социально-экономического развития, и целями, приоритетными для местных домохозяйств в их связи с улучшением качества жизни домохозяйств, приобретением или созданием тех или иных видов активов (целями, которые могут быть достигнуты в рамках реализации «локализованных проектов домохозяйств»).

2. Выявить в качестве значимых факторов реализации локализованных проектов домохозяйств возможность: а) использовать кредитные ресурсы для реализации проектов такого рода; б) воспользоваться поддержкой со стороны местной администрации в реализации этих проектов (включая меры финансовой и нефинансовой поддержки, в том числе помощь в получении и использовании кредитных ресурсов).

Для решения первой задачи в контексте данной работы необходимо прежде всего обратиться к литературе, позволяющей сформировать представление о социально-экономическом контексте исследуемой территории, а также к документу «Стратегия Гуково – 2020», содержащему указание на цели, связанные с долгосрочным социально-экономическим развитием территории.

В свою очередь, для получения информации о целях, актуальных в настоящее время для местных домохозяйств, которые могут быть достигнуты в рамках реализации локализованных проектов домохозяйств, был проведен пилотный опрос местных лидеров общественного мнения¹¹ – жителей г. Гуково, которым местное население доверяет решать вопросы местного значения, а также обращаться за советом и получением информации, связанной с благоустройством города, территории проживания¹².

¹¹ Более подробно о распространенных практиках определения «лидеров местных сообществ» или лидеров общественного мнения см., например, (Warner, Sanagorski, Galindo-Gonzalez, 2014). О роли лидеров общественного мнения как ключевых информантов для проводимых исследований и о методологии их идентификации см. также (Veldman et al., 1996; Eyler et al., 1999; Tumiel-Berhalter et al., 2005; Working with community leaders, 2000).

¹² Для определения численности репрезентативной выборки был использован метод вероятностной многоступенчатой выборки из случайным образом отобранных домохозяйств г. Гуково. Информационной базой послужила форма федерального статистического наблюдения «Форма № 1 – жил-

ГЕОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ: МОНОПРОМЫШЛЕННЫЙ ГОРОД ГУКОВО

В масштабах России моногорода неоднородны по социально-экономическим параметрам, уровню развития, остроте проблем и условиям проживания¹³. Сегодня практически 30% российских городов представлены муниципальными образованиями монопрофильного назначения. Это значит, что в демографическом отношении практически каждый десятый гражданин России является жителем моногорода или поселения монопрофильного типа (Шаститко, Фатихова, 2015, с. 9).

Город Гуково Ростовской области представляет для исследователей интерес в связи с тем, что Распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р он отнесен к моногородам категории 1 – «Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода) с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций)». Вместе с тем в социально-экономической Стратегии развития города Гуково¹⁴ заявлена направленность на модернизацию экономики города, развитие высокотехнологичных про-

фонд», базовым допущением стало то, что одно домохозяйство занимает одно жилое помещение (квартира или дом); на основании формулы для расчета выборки для бесповторного отбора при уровне доверительной вероятности 95% и выборочной доле, принятой за 0,5, размер выборки составил 382 домохозяйства.

¹³ Список и классификация моногородов РФ по социально-экономическим условиям определены в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р. URL: <http://government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf>. См. также (Maksimova, 2015).

¹⁴ Утверждена Решением Гуковской городской Думы от 27 октября 2011 г. № 258 (Стратегия Гуково, 2020).

изводств, превращение в пилотный образец преодоления депрессивности экономики в моногороде, развитие технологичных отраслей промышленности. Кроме того, это единственный в европейской части России город, которому недавно присвоен статус территории опережающего развития (согласно постановлению Правительства РФ от 28 января 2016 г. № 45)¹⁵.

Прежде чем сформулировать цель исследования и исследовательские вопросы, целесообразно предоставить краткую характеристику текущей социально-экономической ситуации в Гуково.

По типу муниципального образования Гуково представляет собой городской округ; датой основания города считается 1878 г., однако преобразование Гуково в город областного подчинения произошло в 1955 г. Событием, давшим толчок развитию города, послужила разработка угольного месторождения в конце XIX в. В годы советской власти, когда началось активное освоение угольных месторождений, город стал местом, куда съезжались люди для устройства на шахты из разных городов страны. Отраслевой специализацией в течение долгих лет была угольная промышленность (по Международной стандартной отраслевой классификации всех видов экономической деятельности (МСОК (ISIC)): горнодобывающая промышленность и разработка карьеров (05-09)).

Градообразующие предприятия: ОАО (ранее – производственное объединение) «Гуковуголь» (позже вошедшее в состав ОАО «Русский уголь») ликвидировано в 2010 г.; ОАО ЦОФ «Гуковская», ЗАО «Ростов-Гормаш», ОАО Угольная компания «Алмазная» (находится на грани банкротства), ОАО «Замчаловский антрацит», ЗАО «Гуковпогрузтранс», ЗАО «Гуковтелеком». Ликвидация

¹⁵ Постановлением от 28 января 2016 г. № 45 Правительство РФ определило г. Гуково как территорию опережающего развития, наряду с Набережными Челнами и городом Большой Камень Приморского края. URL: <http://government.ru/docs/21622/>.

в 2010 г. компании «Гуковуголь» и угроза банкротства УК «Алмазная» считаются ключевыми событиями с точки зрения угроз, с которыми столкнулись градообразующие предприятия города (см. (Maksimova, 2015)).

Численность населения на 1 января 2015 г. составила 65,4 тыс. человек¹⁶. Несмотря на объявления о масштабном строительстве, создании индустриального парка по примеру Красносулинского района, реализацию программы поддержки предпринимательства, программу переселения из аварийного и ветхого жилья¹⁷, отток населения из города последние несколько лет продолжался¹⁸ из-за

¹⁶ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 г., табл. 29. Росстат, 2015. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce.

¹⁷ По материалам официального сайта администрации города Гуково (<http://gukovo.donland.ru/Blog/ViewPost.aspx?pageid=58134&ItemID=144999&mid=49963>; <http://gukovo.donland.ru/Blog/ViewPost.aspx?pageid=55221&ItemID=93109&mid=84195>; <http://gukovo.donland.ru/Default.aspx?pageid=93512>).

¹⁸ Согласно информации Ростовстата за 2014 г., в г. Гуково родилось 625 человек, умерло – 1093 (Естественное движение населения в Ростовской области за 2014 г. (все население, городские поселения и сельская местность, оба пола). URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/resources/0b1182804861e6cbb046f0f7eaa5adf2/Естественное+движение+населения+в+Ростовской+области+за+2014+год.htm). Таким образом, на 1000 человек приходится 9,6 родившихся и 16,7 умерших – наихудшие демографические показатели среди городов Ростовской области. Положительный миграционный прирост – за счет беженцев из Украины составил за 2015 г. 731 человек, при 3211 человек прибывших и 2480 убывших (Общие итоги миграции населения по Ростовской области за 2015 г. URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/resources/8591b68047c1bef68648a6ed3bc4492f/Общие+итоги+миграции+населения+по+Ростовской+области+за+2015+год.htm).

проблем с трудоустройством. Текст стратегии развития содержит качественный анализ положения дел в сфере трудоустройства. Сегодня проблема занятости, отсутствия рабочих мест чрезвычайно остра для Гуково – работы для мужчин трудоспособного возраста практически нет, многие уезжают на заработки в другие регионы, семьи остаются в Гуково. Уровень зарегистрированной безработицы – один из самых высоких среди городов РО – 1,9% по состоянию на июль 2016 г.¹⁹ Те, кто остались жить в городе, работают преимущественно в торговле, административных учреждениях или в социальной сфере. Почти треть населения города – пенсионеры (доходы этой части населения низкие, так как многие из них получают компенсационные выплаты в связи с ущербом здоровью, полученным за годы работы в угольной промышленности); доходы же работающей молодежи гораздо ниже. Молодые люди уезжают из города, чтобы прокормить семьи. Кроме того, в связи с экономическим кризисом доходы большей части населения упали²⁰, среди жителей высока доля тех, кто брал кредиты на разные нужды, в том числе в микрофинансовых организациях²¹.

Актуальность поиска решений для обеспечения граждан жильем и улучшения жилищных условий подтверждают положения Стратегии развития Гуково – 2020 («поддержка и развитие механизмов удовлетворения потребностей молодежи в доступном

¹⁹ Социально-экономическое положение Ростовской области в январе-июле 2016 г. Доклад. Ростов-на-Дону, Ростовстат, 2016. С. 107.

²⁰ В целом по Ростовской области реальная заработная плата, рассчитанная с учетом индекса потребительских цен, в декабре 2015 г. составила 121,5; к ноябрю 2015 г. и 89,7% – к декабрю 2014 г. (Социально-экономическое положение Ростовской области в январе 2016 г. Доклад. Ростов-на-Дону, Ростовстат, 2016. С. 67).

²¹ Перечисленные факты и остроту проблем подтвердили и интервью с местными лидерами общественного мнения.

жилье»), выделение устойчивого развития жилищно-коммунального комплекса города – в числе одной из основных целей муниципальной долгосрочной целевой программы комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры г. Гуково на 2011–2025 гг. Проблемы в сфере строительства индивидуальных жилых домов связаны с низким уровнем доходов граждан, а для тех, у кого эти средства есть, – с отсутствием свободных земель под застройку в черте города. Очередь на получение социального жилья нуждающимися категориями граждан движется очень медленно.

Состояние жилья в г. Гуково является одним из худших в области с точки зрения возможного благоустройства. Так, по состоянию на 1 января 2015 г. Гуково занимает 11-е (предпоследнее) место в области по уровню обеспеченности жилья водопроводом (74,5%), газом (56,5), горячим водоснабжением (32,2), ваннами (душем) (59,8%), и 9-е место – по наличию канализации (74,5%) и центрального отопления (74,9%)²² в домах.

Удельный вес ветхого и аварийного жилья высок: за счет выполнения программы переселения из аварийного жилья в 2014 г. Гуково оказался на первом месте среди городов области по доле семей, получивших жилье и улучшивших жилищные условия, в расчете на число семей, состоявших на учете на получение жилья на конец 2013 г. (66 семей (или 24,3%) состоявших на учете²³) (табл. 1).

²² Благоустройство всего жилищного фонда по состоянию на 1 января 2015 г. URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/resources/838e0f00492f0f0fac6cace321b4d743/Благоустройство+всего+жилищного+фонда+по+состоянию+на+1+января+2015+года.htm.

²³ Число семей, состоящих на учете для получения жилья, получивших жилье и улучшивших свои жилищные условия в 2014 г. URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/resources/61177400492f0a7fabc0afe321b4d743/Число+семей%2C+состоящих+на+учете+для+получения+жилья.htm.

Кроме того, в сравнении со среднероссийской нагрузкой на донские домохозяйства по оплате жилищно-коммунальных услуг в целом довольно высока (согласно данным Росстата и Росстата – см. табл. 2).

Кроме того, как свидетельствуют данные табл. 3, в Гуково в текущем году установлены самые высокие в Ростовской области тарифы на горячее водоснабжение и тепловую энергию.

Таблица 1
Жилищные проблемы г. Гуково:
аварийное и ветхое жилье

По состоянию на конец 2014 г.	Гуково	Ростовская область	В среднем по России
Удельный вес ветхого и аварийного жилья, % от всего жилфонда	4,1	1,3	2,7
Число семей, переселенных в постоянное жилье и улучшивших свои жилищные условия, % от числа семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий	24,3	7,9	5

Источник: Статистический сборник «Сравнительные показатели социально-экономического положения городских округов и муниципальных районов Ростовской области. 2014». Ростов-н/Д.: Роствостат, 2015. С. 95; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М.: Росстат, 2015.

Таблица 2
Доля расходов домохозяйств на ЖКУ, %

	Доля в общих расходах на услуги	Доля в общих потребительских расходах
Ростовская область	39,2	10,5
ЮФО	39,8	9,3
г. Москва	21,3	6,7
г. Санкт-Петербург	26,8	7,6
В среднем по России	33,9	8,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М.: Росстат, 2015. 1266 с., табл. 4.32.

Таблица 3

Тарифы на горячее водоснабжение и тепловую энергию в г. Гуково и Ростовской области

Данные на I квартал 2016 г.	Гуково	Ростовская область
Тариф на горячее водоснабжение для населения, р./м ³	82,56	38,41
Тариф на тепловую энергию для населения, р./Гкал	2282,44	1870*

* В среднем по семи компаниям-поставщикам.

Источник: Региональная служба по тарифам Ростовской области (2016); Тарифы на 2016 г. URL: <http://rst.donland.ru/Default.aspx?pageid=125180>.

ПРОЕКТЫ ДОМОХОЗЯЙСТВ – ЭЛЕМЕНТ МЕСТНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Уместно отметить, что среди причин повышенной уязвимости моногородов – отсутствие государственных мер решения их внутренних проблем: «Политика государства в отношении моногородов обладает ярко выраженным дискретным характером. Основные черты предпринимаемых мер – отсутствие комплексного решения проблем, неустранение источника их возникновения, тенденция к сиюминутным эффектам. Иными словами, меры Правительства имеют краткосрочный характер, лишь временно разрешают неблагоприятную ситуацию... Распространенное среди государственных программ по поддержке экономического развития использование субсидий и дотаций градообразующим предприятиям лишь частично компенсирует негативный эффект, не создавая достаточных предпосылок для решения проблемы в целом, тогда как «решение комплекса взаимосвязанных проблем, необходимое... для оживления деятельности моногородов, требует детализированного подхода» (Шаститко, Фатихова, 2015, с. 16).

Учитывая традиционную критику со стороны отечественных ученых практики «бюджетных вливаний» и ее неэффектив-

ности в решении социально-экономических проблем, традиционно-пессимистичное восприятие частью населения новых инициатив, в том числе текущих, необходимы поиски конкретных инструментов, механизмов, которые позволили бы осуществлять гармоничное развитие города в интересах всех сообществ.

В частности, представляет интерес возможность трансформации финансовых ресурсов домохозяйств, преимущественно заемных, в финансы для развития территории проживания. Для такой трансформации необходима гармонизация целей применения финансовых ресурсов домохозяйств для местного экономического развития. Для того чтобы домохозяйства использовали финансовые ресурсы на эти цели, необходимы финансовые ресурсы и измерение потребительских предпочтений домохозяйств. Необходимы скоординированные усилия многих членов местного сообщества. Из интервью с местными лидерами общественного мнения выявлено, что большую роль в решении вопросов местного значения с точки зрения расположенности и доверия со стороны домохозяйств играют общественные организации, однако никакого финансирования НКО не получают и действуют исключительно по собственной инициативе²⁴.

Одной из таких гармонизированных целей домохозяйств и органов местного самоуправления является улучшение жилищных условий. Как отмечают отечественные

²⁴ Например, Ассоциация пенсионеров и малоимущих граждан – потребителей коммунальных услуг, проживающих на шахтерских территориях Ростовской области, помогает в решении проблем в сфере ЖКХ. Актуальность адресной работы с домохозяйствами, поиск равнодушных людей, лидеров общественного мнения, которым доверяют граждане, способных организовать жителей, организовать публичные обсуждения с самим гражданами проблем, с которыми они сталкиваются, – важные направления работы, связанные с вовлечением граждан в процесс развития города, на необходимость которых указывала руководитель Ассоциации, однако они не нашли отражения в Стратегии развития г. Гуково.

исследователи, потребности российских домохозяйств с низкими доходами в улучшении жилищных условий «требуют повышенного внимания жилищной политики к программам социального жилья, наряду с развитием возмездных программ улучшения жилищных условий, занимающих центральное место в текущей жилищной политике» (Бурдяк, 2015, с. 283). При этом отмечается отсутствие перспектив существенного выравнивания показателей жилищных условий регионов (Там же).

Стратегия развития г. Гуково не содержит указания возможности (помимо федеральной программы) создавать механизмы в сфере жилищного строительства и приобретения жилья, улучшения жилищных условий, которые позволили бы в отсутствие/прекращение федерального финансирования использовать финансы местных домохозяйств, превращая их таким образом в эндогенный источник местного социально-экономического развития. Ранее был проведен предварительный анализ, позволяющий сделать заключение о небезосновательности выводов о наличии потенциала развития механизма рационального кредитования жителей российских моногородов на цели, связанные с улучшением их жилищных условий и инвестиций в человеческий капитал (Шафиров, 2013, 2014).

Кроме того, результаты проведенного в ноябре 2014 – январе 2015 г. опроса домохозяйств Гуково продемонстрировали, что 63% выразили сожаление о том, что ранее расходовали заемные средства не так рационально, как следовало бы, и сочли целесообразным изменить приоритеты своего потребительского и кредитного поведения в направлении рационализации, а именно, из них (%):

- 26,32 респондентов заявили о желании направить заемные средства на ремонт жилья;
- 10,53 – на инвестиции в человеческий капитал (в частности, на образование для детей, внуков и членов семьи);
- 9,21 респондентов заявили о желании приобрести жилье и отечественный автомобиль.

При этом 31,25% респондентов продемонстрировали готовность воспользоваться целевым кредитом на данные цели²⁵.

Развитие муниципальных стратегий сегодня в России – предмет публичных дискуссий и конференций²⁶, кроме того, обсуждение проектного подхода важно в муниципальном управлении как в России, так и за рубежом (Жихаревич, 2015; Swinburn et al., 2006).

Так, заинтересованные в осуществлении местными домохозяйствами деятельности, направленной на создание определенных видов активов, связанных с развитием физического, человеческого, социального капитала и способствующих долгосрочным благоприятным изменениям в качестве жизни домохозяйств в частности и территории проживания в целом, органы местного самоуправления могли бы выступать инициаторами и, возможно, менеджерами портфеля соответствующих проектов домохозяйств. В данном контексте предлагается:

- рассматривать проект домохозяйства (в соответствии с каноническим определением) как социальную организацию, создаваемую на определенный срок для осуществления деятельности в целях достижения определенных позитивных изменений, которые являются результатом создания определенного актива домохозяйства (Turner et al., 2010);
- в соответствии с этим понимать проектную деятельность домохозяйств как деятельность, в которую вовлечен определенный круг заинтересованных сторон (стейкхолдеров), направленную на создание в течение

²⁵ Согласно данным, полученным в ходе опроса домохозяйств г. Гуково, проведенного в ноябре 2014 – январе 2015 г., численность выборки составила 80 человек.

²⁶ См. материалы портала «Эксперт Онлайн» (<http://expert.ru/south/2016/04/budut-li-yuzhnyie-strategii-2030-novyimi/>), журнала «Эксперт Юг» (<http://expertsouth.ru/events/16-06-2015-chetvertyi-mezhregionalnyi-ur.html>), Московского урбанистического форума (<http://2016.mosurbanforum.ru/>).

определенного срока соответствующих активов, принадлежащих домохозяйствам – собственникам проектов;

- рассматривать портфель локализованных проектов домохозяйств как совокупность соответствующих проектов местных домохозяйств, цели и задачи которых (т.е. создаваемые в результате проектной деятельности активы и соответствующие благоприятные изменения, наступление которых ожидается в результате) согласуются с целями и задачи, определяемыми (по крайней мере, в рамках соответствующих официальных документов) как цели и задачи местного социально-экономического развития;

- рассматривать в числе возможных стейкхолдеров портфеля таких проектов органы местного самоуправления (как инициаторов и (или) менеджеров портфелей проектов), местные домохозяйства (как будущих собственников проектов и, возможно, менеджеров проектов, входящих в состав портфелей), местных поставщиков (подрядчиков) товаров, работ и услуг, необходимых для реализации проектов домохозяйств, кредитные кооперативы и банки (как провайдеров финансовых ресурсов и соответствующих услуг);

- рассматривать конкретные методы и техники управления проектами и портфелями как возможное средство гармонизации интересов соответствующих стейкхолдеров и предотвращения (или смягчения) потенциально ожидаемой агентской проблемы при взаимодействии с местным населением и представителями местной власти (например, менеджеров и сотрудников проектного офиса по оказанию содействия домохозяйствам в реализации строительства и ремонта жилья).

Основное предположение, с точки зрения авторов, состоит в том, что добросовестное участие представителей местной администрации в координировании взаимодействий стейкхолдеров способно повлиять на поведение населения и направить его на рационализацию потребительского и кредитного поведения, трансформировать его потребительские цели с демонстративного потребления на при-

обретение товаров длительного пользования, развитие активов домохозяйства.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, представляется необходимым изучить возможность создания в качестве инструмента реализации социально-экономической стратегии развития территорий института локализованного портфеля кредитных проектов домохозяйств, который потенциально может:

- выступать в качестве инструмента селективной экономической стратегии по развитию строительной отрасли муниципалитета;
- использоваться для диверсификации моноструктуры шахтерского моногорода;
- быть использован как инструмент для реализации стратегии, приоритет которой – улучшение хозяйственного климата посредством экономической поддержки домохозяйств, а также институциональной и консультационной поддержки;
- быть инструментом обеспечения управленческой направленности стратегии за счет инструментария проектного менеджмента и менеджмента управления портфелем проектов;
- служить инструментом гармонизации интересов граждан и других стейкхолдеров местного сообщества.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЛОКАЛИЗОВАННЫХ ПРОЕКТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ЛИДЕРОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Было опрошено 23 лидера общественного мнения (ЛОМ), из них у 19 (82,6%) оказались проектные намерения. Большая их часть связана с улучшением жилищных условий (рис. 1): 37% планируют сделать ремонт, 26% – провести благоустройство, в том числе утеплить дом, выполнить пристройку/перестройку дома, дачного домика и участка, 10,5% – приобрести или построить жилье себе или детям. 16% ЛОМ намерены повысить уровень образования или квалификации – соб-

ственной или детей/внуков. У 10,5% имеются намерения открыть собственное дело – организовать бизнес для себя или детей.

Оценка силы намерений ЛОМ как глав домохозяйств приступить к реализации проектов, направленных на потенциальное повышение качества их жизни, рост доходов в долгосрочной перспективе, была проведена на базе следующего вопроса: «Если у человека есть цель и планы, это еще не означает, что он обязательно будет пытаться их реализовать любой ценой, особенно в условиях ограниченного времени и других ресурсов. Оцените, пожалуйста, силу Вашего намерения реализовать проект в течение ближайших 3 лет²⁷: хотите реализовать проект; надеетесь его реализовать; намерены его реализовать?».

В целом опрошенные демонстрируют очень высокий уровень желания воплотить проект. Разброс оценок надежды несколько выше за счет снижения минимального значения (табл. 4). Это может указывать на то, что большое желание сдерживается не слишком благоприятной оценкой внешних факторов, что

²⁷ Ответы давались по семибалльной шкале, где 1 балл означал минимальную оценку («совсем не хочу», «совсем не надеюсь», «совсем не намерен»), а 7 – максимальную («очень хочу», «очень надеюсь», «очень намерен»).

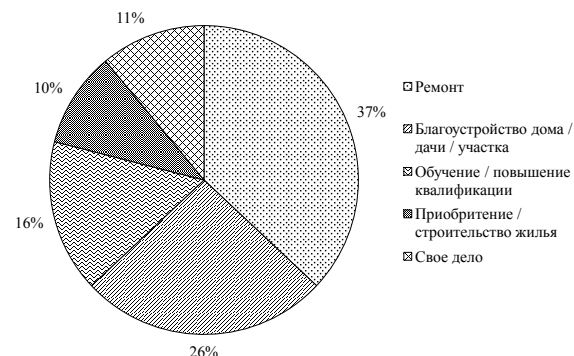

Рис. 1. Распределение проектных намерений по типам проектов

Таблица 4
Описательные статистики намерений реализовать проект

Показатель	В среднем по всем оценкам	Желание	Надежда	Намерение
Среднее значение	6,18	6,42	6,05	6,05
Стандартное отклонение	0,88	0,90	1,22	1,08
Коэффициент вариации, %	14	14	20	18
Максимум	7	7	7	7
Минимум	4,67	5	3	4
Диапазон вариации	2,33	2	4	3

порождает определенный пессимизм, снижающий уровень надежды реализовать проект. Однако разброс значений реализовать намерения несколько ниже, что, несмотря на равенство средних значений оценок, говорит об относительно высоком уровне целеустремленности и настроенности на достижение целей.

Большая часть опрошенных не планирует брать кредиты для реализации своих целей, однако около 22% общего числа опрошенных рассчитывает на помощь друзей или родственников (рис. 2).

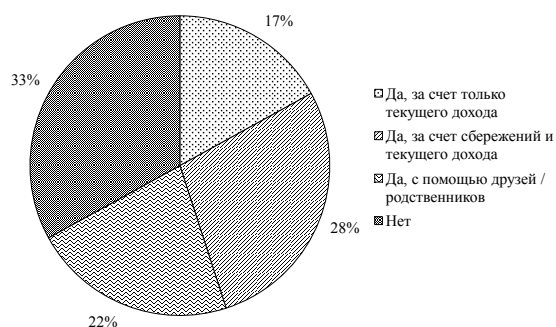

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о том, планируют ли респонденты реализовать проект только собственными силами

Семь респондентов из 19, ответивших на вопрос об источнике средств для реализации проектов, планируют взять кредит на эти цели в банке. И всего лишь один рассматривает вариант кредитования в небанковской организации.

Исследование намерений респондентов реализовать проекты проводилось в трех основных направлениях: реализовать проект самостоятельно; привлечь заемные средства; воспользоваться муниципальной поддержкой и сторонней помощью.

Вопросы предполагали гипотетическую ситуацию, в которой даже те, кто не планируют привлекать заемные средства, все же ими воспользуются.

В табл. 5 представлены описательные статистики намерений реализовать проект, если домохозяйство возьмет кредит на эти цели. При сравнении данных табл. 4 и 5 видно, что доступность использования кредитных ресурсов повышает оценку намерений реализовать проект.

В табл. 6 представлены описательные статистики намерений домохозяйства реализовать проект, в случае если оно воспользуется муниципальной помощью и поддержкой. Сравнение данных табл. 4 и 6 свидетельствует о том, что возможность использования му-

ниципальной поддержки *несколько* снижает среднюю *оценку желания* реализовать проект, но *повышает* среднюю *оценку намерения*. При этом оценки намерений реализовать проект при условии обращения к муниципальной поддержке демонстрируют наибольшую вариацию. Это можно интерпретировать как недостаточное понимание респондентами того, что может им дать обращение за такой помощью.

ВЫВОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ БУДУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Наш анализ показал наличие у домохозяйств г. Гуково намерений реализовать проекты, согласующиеся с официально декларируемыми целями и задачами городского социально-экономического развития: улучшением жилищных условий, повышением уровня образования или квалификации (собственной, детей и внуков), организацией собственного дела (для себя или детей). На основе анализа описательных статистик ответов на вопросы о намерениях реализовать проекты домохозяйств можно сделать вывод о том, что, несмотря на сложную экономиче-

Таблица 5
Статистика намерений реализовать проект
при привлечении заемных средств

Показатель	В среднем по всем оценкам	Желание	Надежда	Намерение
Среднее значение	6,42	6,47	6,37	6,42
Стандартное отклонение	1,05	1,02	1,16	1,12
Коэффициент вариации, %	16	16	18	17
Максимум	7	7	7	7
Минимум	3	3	3	3
Диапазон вариации	4	4	4	4

Таблица 6
Статистика намерений реализовать проект
при муниципальной поддержке

Показатель	В среднем по всем оценкам	Желание	Надежда	Намерение
Среднее значение	6,14	6,28	6,05	6,22
Стандартное отклонение	1,32	1,32	1,39	1,35
Коэффициент вариации, %	21	21	23	22
Максимум	7	7	7	7
Минимум	3	3	3	3
Диапазон вариации	4	4	4	4

скую ситуацию, большинство домохозяйств планирует воплотить проекты в течение ближайших трех лет. Эти проекты для них важны, они позитивно настроены на результатам, однако видят трудности, связанные с их реализацией, и это снижает уровень уверенности в том, что им удастся осуществить задуманное. Тем не менее в целом настрой можно оценить как достаточно позитивный.

Гипотетическое использование кредитных ресурсов повышает уровень намерений реализовать проект, однако снижает оценки отношения к его результатам, что связано с дополнительным финансовым бременем. При этом ощутимо и влияние окружения (людей, чье мнение по вопросу реализации проекта важно для респондента) на процесс реализации проектов, наряду с повышением уверенности в том, что удастся осуществить задуманное. Возможность обратиться к муниципалитету за поддержкой повышает как уровень намерений реализовать проект, так и оценку отношения к результатам его реализации, а также снижает степень влияния авторитетного окружения при повышении уверенности в том, что запланированное получится воплотить. Если необходимость обращаться к кредитам неоднозначно влияет на отношение к реализации проектов, то поддержка со стороны муниципалитета является однозначно позитивным фактором.

Результаты демонстрируют важность продолжения исследований перспектив внедрения института локализованных кредитных проектов домохозяйств: так, одним из актуальных направлений таких исследований представляется углубленный анализ причин той или иной степени «популярности» соответствующих потребительских намерений жителей; выявление проблем, с которыми граждане сталкиваются при решении жилищных проблем и ремонте жилья; получении образования, открытии собственного дела и реализации прочих проектных намерений, в том числе – в контексте потенциально возможных мер финансовой и/или нефинансовой поддержки со стороны местных организаций.

В частности, для данных целей уместным представляется организация и проведение качественных и количественных исследований, которое позволят выявить возможные формы участия (финансовой и нефинансовой поддержки) местной власти в качестве инициатора программ местного социально-экономического развития на основе портфеля локализованных проектов домохозяйств и (или) менеджера портфеля соответствующих проектов. Особый интерес среди таких форм участия местной власти представляют перспективы применения тех или иных методов и техник проектного менеджмента для успешной реализации жилищных проектов домохозяйств, в том числе – предотвращения или минимизации рисков, связанных с возможностью возникновения агентской проблемы при взаимодействии населения с представителями местной администрации.

Список литературы

- Бурдяк А.Я. Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 273–288. URL: https://www.hse.ru/data/2015/06/29/1082429594/JISP_13_2_%D0%91%D1%83%D1%80%D0%B4%D1%8F%D0%BA.pdf.
- Григорьев Л.М., Зубаревич Н.В., Хасаев Г.Р. (ред.) Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации. М.: ТЕИС, 2011.
- Департамент экономического развития Брянской области. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности в 2012 году и основных направлениях деятельности на 2013–2015 годы. 2013. URL: www.econom.brk.ru/bank/effektivnost/doklad_01_04_2013.doc.
- Жихаревич Б.С. (ред.) Какой должна быть хорошая муниципальная стратегия: материалы Конкурса городских стратегий – 2014. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2015.
- Индекс ОКБ. Кредитная нагрузка регионов России. Итоги 2015 г. Объединенное кредитное бюро,

2016. URL: http://www.bki-okb.ru/sites/default/files/report_documents/kreditnaya_nagruzka_regionov_rossii_itogi_2015_0.pdf.
- Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2015 год. Министерство финансов Российской Федерации, 2016. URL: http://minfin.ru/common/upload/library/2016/07/main/Rezultaty_provedeniya_monitoringa_mestnykh_budzhetrov_zh_2015_god.pdf.
- Комитет Администрации Новгородской области по мониторингу и анализу социально-экономического развития области. Сводный доклад Новгородской области о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городского округа и муниципальных районов по итогам 2010 года. 2011. URL: region.adm.nov.ru/economy/doklad/Svod_Doklad_MSU%202010-4.ppt.
- Косинский П.Д., Абраменко О.А. Реформа местного самоуправления: опыт, проблемы, перспективы развития // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2013. № 1 (53). С. 251–256. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/reforma-mestnogo-samoupravleniya-opyt-problemy-perspektivy-razvitiya>.
- Кузина О.Е. Анализ динамики пользования банковскими кредитами и долговой нагрузки россиян // Деньги и кредит. 2013. № 11. С. 30–36. URL: www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/kuzina_11_13.pdf.
- О ходе реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» в субъектах Российской Федерации: аналитический доклад. Министерство экономики Удмуртской Республики, 2010. URL: economy.udmurt.ru/prioriteti/msu/doklad/110216_doklad_1.ppt.
- Рейтинг регионов по доступности покупки семьями жилья в ипотеку. РИА Рейтинг. 2015. URL: riarating.ru/infografika/20151216/630003435.html.
- Трофимова И.Н. Эффективность местного самоуправления в Российской Федерации и проблема гражданского участия // ARS ADMINISTRANDI. 2012. № 1. Р. 55–63. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-mestnogo-samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii-i-problema-grazhdanskogo-uchastiya>.
- Шаститко А.Е., Фатихова А.Ф. Моногорода: новый взгляд на старую проблему // Балтийский регион. 2015. № 1. doi: 10/5922/2074-9848-2015-1-1.
- Шафиров Л.А. Жилищные условия домохозяйств малых монопрофильных городов РФ как основа оценки потенциала рационального кредитования жителей // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 4. Ч. 3. С. 208–217. URL: http://te.sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11_4_3.pdf.
- Шафиров Л.А. Организация локализованных кредитных проектов домохозяйств как инструмент местного экономического развития (на примере моногорода Гуково Ростовской области) // Россия в глобальной экономике: вызовы и институты развития: материалы III Политэкономического конгресса и VI Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2016 г. Т. 2. Ростов на/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2016. С. 214–219.
- Шафиров Л.А. Потенциал кредитования граждан на рациональные цели: особенности населения малых моногородов Российской Федерации // Вопросы регулирования экономики. 2014. Т. 5. № 3. URL: http://www.hjournal.ru/files/JER_5_3/jer_5_3-12.pdf.
- Global Wealth Report. Credit Suisse AG Research Institute. 2014. URL: http://economics.uwo.ca/people/davies_docs/credit-suisse-global-wealth-report-2014.pdf.
- Eyler A.A., Mayer J., Rafii R., Housemann R., Brownson R.C., Kingl A.C. Key informant surveys as a tool to implement and evaluate physical activity interventions in the community // Health Educ. Res. 1999. № 14 (2). Р. 289–298. doi: 10.1093/her/14.2.289.
- Fishbein M., Ajzen I. Predicting and changing behavior: The Reasoned Action Approach. N.Y.: Taylor & Francis, 2010.
- Francis J., Eccles M.P., Johnston M., Walker A.E., Grimshaw J.M., Foy R., Kaner E.F.S., Smith L., Bonetti D. Constructing questionnaires based on the

- theory of planned behaviour: A manual for health services researchers. Newcastle upon Tyne. UK: Centre for Health Services Research, University of Newcastle upon Tyne, 2004a. URL: <http://openaccess.city.ac.uk/1735/>.
- Francis J.J., Johnston M., Eccles M.P., Grimshaw J., Kaner E.F.S. Measurement issues in the theory of planned behaviour: A supplement to the Manual for constructing questionnaires based on the Theory of Planned Behaviour. ReBEQI WP2 Theory of Planned Behaviour Questionnaires: Discussion paper. 2004b.
- Gruchy A.G. Modern Economic Thought. The American Contribution. N.Y.: Prentice-Hall, Inc., 1947.
- Hodgson G.M. What is the essence of institutional economics? // Journal of Economic Issues. 2000. Vol. 34. Is. 2.
- Maksimova D. Russian monotowns. Master's thesis. Lund University, School of Economics and Management. 2015. URL: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=7374168&fileId=7374174>.
- Working with community leaders. People, Partnerships, and Communities. Natural Resources Conservation Service (NRCS) of the U.S. Department of Agriculture (USDA). Social Science Team. 2000. Issue 43. URL: http://www.nrcs.usda.gov/Internet/FSE_DOCUMENTS/stelprdb1045582.pdf.
- Remington T.F. Growth, Inequality and the middle class in post-communist Russia // Poverty in Focus. 2013. № 26. P. 28–30. URL: <http://www.ipc-undp.org/pub/IPCPovertyInFocus26.pdf>.
- Stanfield J.R. The scope, method, and significance of original institutional economics // Journal of Economic Issues. 1999. Vol. XXXIII. № 2. P. 231–255.
- Swinburn G., Soraya G., Fergus M. Local economic development: A primer developing and implementing local economic development strategies and action plans. Bertelsmann Stiftung. Gütersloh. The World Bank. Washington, 2006. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTLED/423069-1099670772921/20738133/led_primer.pdf.
- Russian Economic Report, the launch version. The World Bank in Russia. 2010. № 22. June 16. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/305499-1245838520910/rer_22_eng.pdf.
- Tumiel-Berhalter L., Watkins R., Crespo C.J. Community-based participatory research: Defining community stakeholders // Metropolitan Universities. 2005. № 16 (1). P. 93–106. URL: http://pdxscholar.library.pdx.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1025&context=commhealth_fac.
- Turner R., Huemann M., Anbari F., Bredillet C. Perspectives on Projects. N.Y.: Routledge, 2010.
- Veldman C., Zuckerbraun S., Schneiderman S. Methodology for a community-based key informant survey // Proceedings of The National Opinion Research Center. 1996. URL: http://www.amstat.org/sections/srms/proceedings/papers/1996_156.pdf.
- Warner (Sanagorski) L.A., Galindo-Gonzalez S. Identifying key community leaders to assess extension programming needs. Agricultural Education and Communication Department. University of Florida IFAS Extension. WC164. 2014. URL: <http://edis.ifas.ufl.edu/wc164>.
- Zubarevich N. The regional dimension of the new Russian crisis // Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 46. № 4. P. 3–18. URL: http://www.eastviewpress.com/Files/SS_FROM%20THE%20CURRENT%20ISSUE_No.%204_2015.pdf.
- Рукопись поступила в редакцию 30.11.2016 г.
- PROSPECTS FOR INSTITUTION
LOCALIZED HOUSEHOLD CREDIT
PROJECTS: AN EVIDENCE FROM
A SMALL RUSSIAN MONOTOWN**
- V.V. Volchik, L.A. Shafirov*
- Volchik Vyacheslav V. – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, volchik@sfedu.ru
Shafirov Leonid A. – PhD Student in Skema Business School, Lille, France, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, shafirov@mail.ru

In this article, the research problem of local economic development as participatory process is emphasized. Portfolio of household localized credit projects is being considered as an instrument for local development programs, with the local authority as one of the potential stakeholders. The paper presents the results of the pilot survey – structured interviews with the informal community leaders, conducted in October – December 2015. The research findings showed that correspondence exists between the project-related intentions of the respondents, on the one hand, and goals officially declared by the local government as related to local socio-economic development, on the other hand. These intentions include primarily housing improvements, increase in education level, and starting one's own business. The analysis of the descriptive statistics suggests that use of credit resources might have a positive effect on the respondents' intentions to implement the project. The impact of perceived subjective norm is rather high at that, with the increased confidence that the project would be implemented. Availability of local authority's support as the potential provider of financial and non-financial resources needed for the project delivery affect positively both project-related intentions of the respondents, and expected project outcomes.

Keywords: depressed areas; participatory approach, economic development; household projects; local authority, institutional economics

JEL: D19, G02, G28.

References

- Analytical Report on the implementation of the of the Russian President's Decree of April 28, 2008 No. 607 "On the evaluation of the effectiveness of local governments in urban districts and municipal districts" in the constituent entities of the Russian Federation by totals 2008 and 2009. The Ministry of Economy of the Udmurtian Republic. 2010. URL: economy.udmurt.ru/prioriteti/msu/doklad/110216_doklad_1.ppt (in Russian).
- Burdyak A.Ya. (2015). Housing in post-Soviet Russia: Inequality and the problem of generation. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 273–288 (in Russian).
- Committee of the Administration of the Novgorod region to monitor and analyze the socio-economic development of the region (2011). Consolidated report of the Novgorod region on results of monitoring of the local government effectiveness in towns and municipal districts in 2010. URL: region.adm.nov.ru/economy/doklad/Svod_Doklad_MSU%202010-4.ppt (in Russian).
- Data on the results of monitoring of the local budgets' implementation and inter-budgetary relations in the constituent entities of the Russian Federation at regional and municipal levels in 2015. The Ministry of Finance of the Russian Federation. 2016. URL: http://minfin.ru/common/upload/library/2016/07/main/Rezultaty_provedeniya_monitoringa_mestnykh_budzhetrov_zh_2015_god.pdf (in Russian).
- Department of Economic Development of the Bryansk Region (2013). Report on the results and main activities in 2012 and the main activities for 2013–2015. URL: www.econom.brk.ru/bank/effektivnost/doklad_01_04_2013.doc (in Russian).
- Eyler A.A., Mayer J., Rafii R., Housemann R., Brownson R.C., King I A.C. (1999). Key informant surveys as a tool to implement and evaluate physical activity interventions in the community. *Health Educ. Res.*, no. 14 (2), pp. 289–298, doi: 10.1093/her/14.2.289.
- Fishbein M., Ajzen I. (2010). Predicting and changing behavior: The Reasoned Action Approach. N.Y.: Taylor & Francis.
- Francis J., Eccles M.P., Johnston M., Walker A.E., Grimshaw J.M., Foy R., Kaner E.F.S., Smith L., Bonetti D. (2004a). Constructing questionnaires based on the theory of planned behaviour: A manual for health services researchers. Newcastle upon Tyne. UK: Centre for Health Services Research, University of Newcastle upon Tyne. URL: <http://openaccess.city.ac.uk/1735/>.
- Francis J.J., Johnston M., Eccles M.P., Grimshaw J., Kaner E.F.S. (2004b). Measurement issues in the Theory of Planned Behaviour: A supplement to the Manual for constructing questionnaires based on the Theory of Planned Behaviour. ReBEQI WP2 Theory of Planned Behaviour Questionnaires: Discussion paper.
- Global Wealth Report. Credit Suisse AG Research Institute. 2014. URL: http://economics.uwo.ca/people/davies_docs/credit-suisse-global-wealth-report-2014.pdf.

- Grigoryev L.M., Zubarevich N.V., Khasaev G.R. (eds.) (2011). Russian regions: economic crisis and problems of modernizations. Moscow, TEIS Publ. (in Russian).
- Gruchy A.G. (1947). Modern Economic Thought. The American Contribution. N.Y., Prentice-Hall, Inc.
- Hodgson G.M. (2000). What is the essence of institutional economics? *Journal of Economic Issues*, vol. 34, no. 2.
- Inequality (Inequality in BRICS Countries) (2015). Natalia Zubarevich: "In Russian regions matters have reached the critical point". 15 June. URL: <http://neravenstvo.com/?p=1316> (in Russian).
- Kosinskiy P.D., Abramenko O.A. (2013). Local self-government reform: Experience, problems and development perspectives. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1(53), pp. 251–256 (in Russian).
- Kuzina O.E. (2013). Analysis of the dynamics of Russians' bank loans and debt burden. *Money and Credit*, no. 11, pp. 30–36. URL: www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/kuzina_11_13.pdf (in Russian).
- Maksimova D. (2015). Russian monotowns. Master's Thesis. Lund University, School of Economics and Management. URL: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=7374168&fileId=7374174>.
- Remington T.F. (2013). Growth, Inequality and the Middle Class in Post-communist Russia. *Poverty in Focus*, no. 26, pp. 28–30. URL: <http://www.ipc-undp.org/pub/IPC PovertyInFocus26.pdf>.
- Russian Economic Report (2010). The launch version, The World Bank in Russia, no. 22, June 16. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/305499-1245838520910/rer_22_eng.pdf.
- Shafirov L.A. (2013). Russian monotowns residents' living conditions as the basis for estimation of households' sustainable lending potential. *Terra Economicus*, vol. 11, no. 4, part 3, pp. 208–217. URL: http://te.sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11_4_3.pdf (in Russian).
- Shafirov L.A. (2014). Potential of sustainable lending to individuals: Russian small monotowns' population peculiarities. *Journal of Economic Regulation*, vol. 5, no. 3 (in Russian).
- Shafirov L.A. (2016). Organization of localized credit household projects as an instrument for local economic development (one-enterprise town Gukovo, Rostov region). Russia in the global economy: Challenges and development institutes: Materials of the III Political economy congress and VI International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 26–28 May, 2016. Part 2. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., pp. 214–219 (in Russian).
- Shastitko A., Fatikhova A. (2015). Monotowns: a new take on the old problem. *Baltic Region [Baltiyskiy region]*, no.1 (23), pp. 7–35, doi: 10/5922/2074-9848-2015-1-1 (in Russian).
- Stanfield J.R. (1999). The Scope, Method, and Significance of Original Institutional Economics. *Journal of Economic Issues*, vol. XXXIII, no. 2, pp. 231–255.
- Swinburn G., Soraya G., Fergus M. (2006). Local economic development: a primer developing and implementing local economic development strategies and action plans. Bertelsmann Stiftung, Gütersloh. The World Bank, Washington. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTLED/423069-1099670772921/20738133/led_primer.pdf.
- The rating of Russian regions by mortgage availability for families. RIA RATING. 2015. URL: <http://riarating.ru/infografika/20151216/630003435.html> (in Russian).
- Trofimova I.N. (2012). Local government effectiveness in the Russian Federation and the issue of citizens' participation. *ARS ADMINISTRANDI*, no. 1, pp. 55–63. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-mestnogo-samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii-i-problema-grazhdanskogo-uchastiya> (in Russian).
- Tumiel-Berhalter L., Watkins R., Crespo C.J. (2005). Community-based participatory research: Defining community stakeholders. *Metropolitan Universities*, no. 16 (1), pp. 93–106. URL: http://pdxscholar.library.pdx.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1025&context=commhealth_fac.
- Turner R., Huemann M., Anbari F., Bredillet C. (2010). Perspectives on Projects. N.Y., Routledge.
- UCB Index. Credit burden of the Russian regions. The results of 2015. Russia's United Credit Bureau.

-
2016. URL: http://www.bki-okb.ru/sites/default/files/report_documents/kreditnaya_nagruzka_regionov_rossii_itogi_2015_0.pdf (in Russian).
- Veldman C., Zuckerbraun S., Schneiderman S. (1996). Methodology for a community-based key informant survey. Proceedings of the National Opinion Research Center. URL: http://www.amstat.org/sections/srms/proceedings/papers/1996_156.pdf.
- Warner (Sanagorski) L.A., Galindo-Gonzalez S. (2014). Identifying key community leaders to assess extension programming needs. Agricultural Education and Communication Department, University of Florida IFAS Extension, WC164. URL: <http://edis.ifas.ufl.edu/wc164>.
- Working with Community Leaders. People, Partnerships, and Communities, 43. Natural Resources Conservation Service (NRCS) of the U.S. Department of Agriculture (USDA). Social Science Team. 2000. URL: http://www.nrcs.usda.gov/Internet/FSE_DOCUMENTS/stelprdb1045582.pdf.
- Zhikharevich B.S. (ed.) (2015). What is the good municipal strategy: Proceedings of the contest on city strategies – 2014. Saint-Petersburg: Leontief Centre.
- Zubarevich N. (2015). The regional dimension of the new Russian crisis. *Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences*, vol. 46, no. 4, pp. 3–18. URL: http://www.eastviewpress.com/Files/SS_FROM%20THE%20CURRENT%20ISSUE_No.%204_2015.pdf.

Manuscript Received 30.11.2016

АКТУАРНЫЙ АНАЛИЗ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ДОСРОЧНЫХ ПЕНСИЙ ПО СТАРОСТИ

А.К. Соловьев

Среди главных причин хронического дефицита бюджета пенсионной системы центральное место занимает комплекс проблем, связанных с «досрочным» пенсионным обеспечением застрахованных лиц. Именно сохранение советской системы досрочного пенсионного обеспечения, которая предусматривает назначение и выплату «страховой пенсии» значительно раньше общеустановленного законодательством пенсионного возраста в полном объеме, является одним из ключевых факторов торможения перестройки отечественной пенсионной системы на основе страховых принципов. Закономерным следствием сохранения системы досрочных пенсий является перераспределение финансовых ресурсов (страховых взносов и федеральных трансфертов) пенсионной системы от «пенсионеров на общих основаниях» в пользу досрочно выходящих на пенсию в течение всего периода до наступления общеустановленного возраста. Дополнительная актуальность проблемы финансового обеспечения получателей досрочных пенсий обусловлена углублением бюджетно-финансового кризиса 2014–2016 гг., которая потребовала не только стратегического, но и оперативного решения проблемы разбалансированности бюджета ПФР. В статье рассматривается современное состояние системы досрочных пенсий с точки зрения влияния на перестройку всей отечественной пенсионной системы на основе страховых принципов. Предлагаются варианты ее реформирования.

© Соловьев А.К., 2017 г.

Соловьев Аркадий Константинович – д.э.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, sol26@100.pfr.ru

Ключевые слова: дефицит бюджета ПФР, досрочная пенсия по старости, особые условия труда, профессиональная пенсионная система.

JEL: E69, G22, G23.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ДОСРОЧНЫХ ПЕНСИЙ И ПОЛНОТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Дефицит бюджета ПФР входит в число центральных проблем бюджетного процесса в России. На сокращение этого пенсионного дефицита направлен арсенал мероприятий, ориентированных на сокращение государственных расходов для выполнения уже существующих пенсионных обязательств путем секвестирования прав различных категорий пенсионеров, что привело к заметному росту бедности пенсионеров. Меры «экономии» направлены на сокращение доходной части пенсионного бюджета с целью «снижения нагрузки на бизнес», что создает реальную угрозу для институциональных основ страховой пенсионной системы в нашей стране, поскольку лишает застрахованных лиц возможности (финансового источника) формировать собственные пенсионные права (Стратегия–2020, 2013).

Однако все подобные мероприятия экономии, включая замораживание обязательного накопительного компонента, отказ от индексации пенсионных выплат работающим пенсионерам, отмену законодательных норм по индексации пенсии, не дали обещанного результата для актуарной (долгосрочной) устойчивости бюджета пенсионной системы. Поскольку проблема дефицита пенсионного бюджета не может быть решена параметрическими манипуляциями в локальных сегментах многоукладной пенсионной системы, она требует институциональных реформ, которые позволяют адаптировать ее к макроэкономической и демографической реальности нашей страны (Соловьев, 2015).

Одной из таких объективных реальностей, которые обрекают ПФР на хронический дефицит, является сохранение системы досрочного пенсионного обеспечения (табл. 1) в составе государственной солидарно-страховой пенсионной системы, которая составляет в среднегодовом исчислении более трети планового текущего дефицита. Причина негативного влияния досрочных пенсий на финансовую устойчивость пенсионной системы заключается в том, что доля досрочных пенсионеров (далее – досрочники) сохраняется на высоком уровне, в то время как размер страховой пенсии существенно превышает среднероссийский уровень (особенно это заметно у пенсионеров-северян и пенсионеров – получателей пенсий за работу во вредных и тяжелых условиях труда (по спискам № 1 и № 2)).

В развитых зарубежных пенсионных системах проблема досрочных пенсий решается разными способами: создаются корпоративные пенсионные программы с участием работодателей и работников, предоставляются государственные льготы для снижения пенсионного возраста для целевых групп граждан и т.п. В ряде стран постсоветского пространства досрочные пенсионные права были аннулированы в первые годы рыночной перестройки (Доклад Всемирного банка «Перевернутая пирамида...», 2016).

В нашей стране решение проблем досрочных пенсий затянулось на долгие годы по многим причинам, среди которых основным представляется отсутствие методологических обоснований экономического механизма формирования и реализации досрочных пенсионных прав. Реформирование досрочных пенсий традиционно рассматривается как базовая часть каждой пенсионной реформы в нашей стране (а их было уже пять). Большинство экспертных предложений оперируют тарифными инструментами формирования пенсионных прав.

Однако численность участников досрочных пенсионных программ и размер предоставленных им привилегий требуют адекватного тарифного обеспечения, которое

Таблица 1
Основные характеристики досрочных пенсий

	Численность, тыс. человек		Средний размер пенсий, р. в месяц	В том числе	
	Всего	Из них работающих		Фиксированная выплата к страховой пенсии, р.	Повышение фиксированной выплаты, р.
Численность получателей страховых пенсий, всего	39 145,6	14 975,9	12 381,0	4244,1	849,4
из них:					
численность пенсионеров по старости	35 534,0	14 201,8	12 831,7	4383,3	859,7
в том числе:					
на общих основаниях	24 133,8	8608,1	12 214,2	4383,2	742,3
получатели досрочных пенсий	11 400,3	5593,7	14 139,0	4383,5	1108,2
из них:					
женщины в возрасте до 54 лет, мужчины в возрасте до 59 лет включительно	2761,2	1992,6	12 490,1	4373,1	911,3
в том числе:					
льготные основания (ст. 32 п. 1–5)	1390,8	425,3	11 491,4	4383,6	1239,6
список 1 (ст. 30 п. 1.1–5)	1896,5	821,6	14 091,2	4383,6	699,6
список 2 (включая схожие условия)	3204,2	1498,3	13 634,1	4383,5	690,3
Крайний Север	2897,5	1307,3	17 025,1	4383,6	2276,7
выслуга лет	2007,3	1538,9	12 628,2	4383,3	379,5
из них:					
лица, осуществлявшие педагогическую деятельность в учреждениях для детей	1037,7	848,9	12 171,3	4383,5	297,4
лица, осуществлявшие лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения	620,0	525,3	12 363,3	4382,9	318,7
лица, осуществлявшие творческую деятельность на сцене в театрах или театрально-зрелищных организациях (в зависимости от характера такой деятельности)	14,6	8,5	12 787,9	4383,6	529,9

И с т о ч н и к: расчеты автора по данным Формы федерального статистического наблюдения № 94 (ПЕНСИИ) «Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им страховых пенсий на 1 января 2016 года», утвержденной приказом Росстата от 03.12.2015 № 610.

по различным оценкам приближается и даже превосходит установленный тариф для пенсии на общих основаниях. Размер тарифа для формирования досрочных пенсионных прав до сих пор является непреодолимым препятствием для решения данной проблемы на основе страховых принципов солидарной пенсионной системы.

Следует обратить внимание, что существующий в настоящее время дополнительный «тариф для досрочников» не имеет никакого отношения к рассматриваемой проблеме формирования пенсионных прав, поскольку его экономическое содержание заключается в тарифе на рабочее место (по классу вредности и опасности). Кроме того, он направлен

не на формирование будущих страховых пенсионных прав, а на частичное покрытие уже сложившего дефицита средств бюджета перед досрочными пенсионерами (табл. 2).

Неоднократные попытки реформирования системы досрочного пенсионного обеспечения, выразившиеся во введении законодательных норм, прекращающих учет специального стажа для назначения пенсии через систему ПФР, установлении дополнительного тарифа страховых взносов, попытках перевода получателей досрочных пенсий на весь период до достижения общеустановленного пенсионного возраста в так называемые профессиональные пенсионные системы, в конечном итоге потерпели неудачу (Соловьев и др., 2015; Социальная политика..., 2015).

Максимум, что удалось сделать до настоящего момента, – ввести дополнительный тариф для рабочих мест с вредными и опасными условиями труда, направляемый в бюджет ПФР, и провести аттестацию рабочих мест, позволившую сократить их число и соответственно в будущем уменьшить численность претендентов на получение досрочных пенсий (табл. 3).

Для того чтобы учесть весь комплекс проблем досрочных пенсий, необходима детальная информация о численности, категориальном составе, трудовых характеристиках не только тех застрахованных лиц, кто уже является получателем досрочных пенсий, но и тех, кто имеет стаж работы в условиях, дающих право досрочно выходить на пенсию, и еще не является ее получателем.

Частичный объем необходимой информации о работающих в условиях, дающих право досрочного выхода на пенсию по старости, содержится в отчетности Росстата «Состояние условий труда работников, осуществляющих деятельность по сельскому хозяйству, охоте, лесному хозяйству, добыче полезных ископаемых, в обрабатывающих производствах, по производству и распределению электроэнергии, газа и воды, в строительстве, на транспорте и в связи Российской Федерации», которая формируется на основе результатов статистического наблюдения соответствующих видов экономической деятельности.

Однако, во-первых, данное обследование охватывает далеко не все виды деятельности, связанные с вредными и опасными условиями труда, где работают потенциальные получатели досрочных пенсий. Во-вторых, обследование учитывает только тех, кто работает в соответствующих условиях на момент его проведения. Так, например, по данным Росстата в 2015 г. численность таких работников составила 2,099 млн человек, в том числе по списку № 1 – 537 тыс. человек, по списку № 2 – 1,243 млн человек, в условиях, дающих право на получение досрочных страховых пенсий по прочим условиям труда – 318,7 тыс. человек. В 2014 г. заняты в аналогичных условиях по данным Росстата были 2,194 млн человек.

Таблица 2
Дополнительный тариф страховых взносов в зависимости от условий труда, %

Списки производств, работ, профессий должностей и показателей, дающих право на льготное пенсионное обеспечение	2013 г.	2014 г.	2015 г. и далее
Список № 1	4	6	9
Список № 2 и «малые списки»	2	4	6

Таблица 3
Тарифы по результатам специальной оценки условий труда

Класс условий труда	Дополнительный тариф страхового взноса, %
Опасный	8,0
Вредный	7,0
	6,0
	4,0
	2,0
Допустимый	0,0
Оптимальный	0,0

Другим источником сведений о лицах, работающих в неблагоприятных условиях труда, является Сводная ведомость результатов проведения специальной оценки условий труда в ... г. в Российской Федерации, форма которой предусмотрена Приказом Роструда от 30 октября 2014 г. № 384. Однако в ней содержатся сведения только о тех рабочих местах и лицах, занятых на них, специальная оценка по которым проводилась только в отчетном году. Например, в 2015 г. специальную оценку прошли 4,98 млн рабочих мест, класс вредных и опасных условий труда (3.1–3.4, 4) присвоен 1,18 млн рабочих мест, занято на которых было 2,05 млн человек. При этом информации о заработной плате ни в одной из названных форм вообще не содержится, что делает проблематичным выработку возможных направлений реформирования системы досрочных пенсий.

Еще одним ведомственным источником информации о лицах, работающих на местах, дающих право досрочного выхода на пенсию, является форма «Расчет по начисленным и уплаченным страховым взносам на обязательное пенсионное страхование в Пенсионный фонд Российской Федерации, страховым взносам на обязательное медицинское страхование в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования плательщиками страховых взносов, производящими выплаты и иные вознаграждения физическим лицам» (РСВ), содержащая информацию о дополнительных тарифах для отдельных категорий плательщиков страховых взносов. Ее плюсом является наличие помимо численности застрахованных лиц, работающих на местах, дающих право досрочного выхода на пенсию по старости, общей суммы выплат и вознаграждений, начисленных в пользу указанных лиц, сумм, не подлежащих обложению тарифом, базы начисления взносов и объема начисленных взносов.

Наиболее серьезный недостаток данного информационного ресурса состоит в том, что в нем получают отражение только те застрахованные лица, на выплаты которым

начисляется дополнительный тариф, который, как известно, взимается только с рабочих мест, относящихся к спискам № 1, № 2 и приравненным к ним по условиям уплаты взносов, а также к тем рабочим местам, которые после проведения аттестации получили статус вредных (классы вредности 3.1–3.4 и опасных – класс 4). В то время как такие категории будущих получателей досрочных пенсий по старости, как педагоги, медицинские работники, лица, занятые в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в данной форме не отражены.

Сведения о численности получателей досрочных страховых пенсий по старости, суммах и средних размерах назначенных им пенсий содержатся в ведомственных приложениях 1 и 7 к форме 94-пенсии (годовая).

По состоянию на 1 января 2016 г. численность получателей досрочной страховой пенсии по старости составила 11,4 млн человек (в том числе 8,6 млн человек тех, кто уже достиг общеустановленного пенсионного возраста). Получателей досрочных страховых пенсий по старости, не достигших 55/60 лет (женщины/мужчины соответственно), насчитывается в настоящее время 2,8 млн человек.

Таким образом, главным информационным пробелом, препятствующим профессиональному анализу проблем досрочных пенсий и выявлению способов их решения, является отсутствие в отчетности: сведений о тех людях, которые имеют стаж работы в условиях, дающих право досрочного выхода на пенсию, но не работают в них в настоящее время, а также сведений о стаже, дифференциации по заработной плате и об объемах сформированных пенсионных прав как работающих, так и неработающих лиц, имеющих стаж занятости по каждой из досрочных категорий, предусмотренных законодательством.

Изучение информационных баз данных по вредным и опасным условиям труда показывает, что наиболее полным источником необходимой для государственного управления информации является система персонифицированного учета ПФР. Однако и ее данные не

в полной мере характеризуют потенциальную численность получателей досрочных пенсий, поскольку в СПУ не учитываются отдельные категории застрахованных лиц, чьи пенсионные права связаны не с трудовой деятельностью, а с целевыми социальными функциями, физиологическими особенностями или состоянием здоровья:

1) женщины, родившие пять и более детей и воспитавшие их до достижения ими 8-летнего возраста, или один из родителей инвалидов с детства, воспитавший их до достижения 8-летнего возраста, или опекуны инвалидов с детства, или лица, являвшиеся опекунами инвалидов с детства, воспитавшие их до достижения ими возраста 8 лет;

2) женщины, родившие двух и более детей, при наличии страхового стажа не менее 20 лет и проработавшие не менее 12 календарных лет в районах Крайнего Севера либо не менее 17 календарных лет в приравненных к ним местностях;

3) инвалиды вследствие военной травмы;

4) инвалиды по зрению, имеющие I группу инвалидности;

5) граждане, больные гипопигментарным нанизмом (лилипутам), и диспропорциональные карлики.

Численность лиц большинства из перечисленных категорий может быть определена только в момент назначения досрочной пенсии.

Учитывая, что право на получение досрочных пенсий по указанным основаниям связано не с профессиональной деятельностью, а с социальными факторами, они не могут быть переведены в какие-то специализированные дополнительные пенсионные программы с уплатой дополнительного тарифа, и, следовательно, их характеристики не имеют принципиального значения при анализе проблемы досрочных пенсий по условиям труда. Поэтому в рамках настоящего исследования они рассматриваться не будут.

Еще одной информационной особенностью использования данных о досрочных

пенсионерах из ПТК СПУ является проблема учета пенсионных прав, сформированных до пенсионной реформы, т.е. до 1 января 2002 г. Информация об этих правах изначально хранилась обособленно от других данных СПУ в специально созданном для этих целей компоненте – АРМ «Конвертация». Слияние ПТК СПУ и АРМ «Конвертация» позволило загрузить в ПТК СПУ данные о стаже застрахованных лиц, сформированным до 1 января 2002 г. только по тем из них, кто по состоянию на 2013 г. не являлся пенсионером.

В то же время в другой информационной подсистеме – ПТК назначения и выплаты пенсий (ПТК НВП) – в составе сведений по пенсионерам содержится необходимая информация о стаже (в том числе приобретенном до 1 января 2002 г.) застрахованных лиц, вышедших на пенсию¹.

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАСТРАХОВАННЫХ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ПРАВО ДОСРОЧНО ВЫХОДИТЬ НА ПЕНСИЮ ПО СТАРОСТИ

Численность застрахованных лиц, имеющих право досрочного выхода на пенсию, имеет сложную структуру с точки зрения решения аналитических и прогнозных задач (рис. 1).

Общая численность застрахованных лиц, имеющих стаж различной продолжительности, дающий право досрочного выхода на пенсию по старости в соответствии со ст. 27, 27.1, 28 Федерального закона № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»² (с 2015 г. – ст. 30–32 Федерального закона № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»), на конец 2013 г. составляла 25,4 млн че-

¹ Информация о стаже, приобретенном до 1 января 2002 г., загружалась в нее непосредственно из АРМ «Конвертация».

² Далее – специальный стаж.

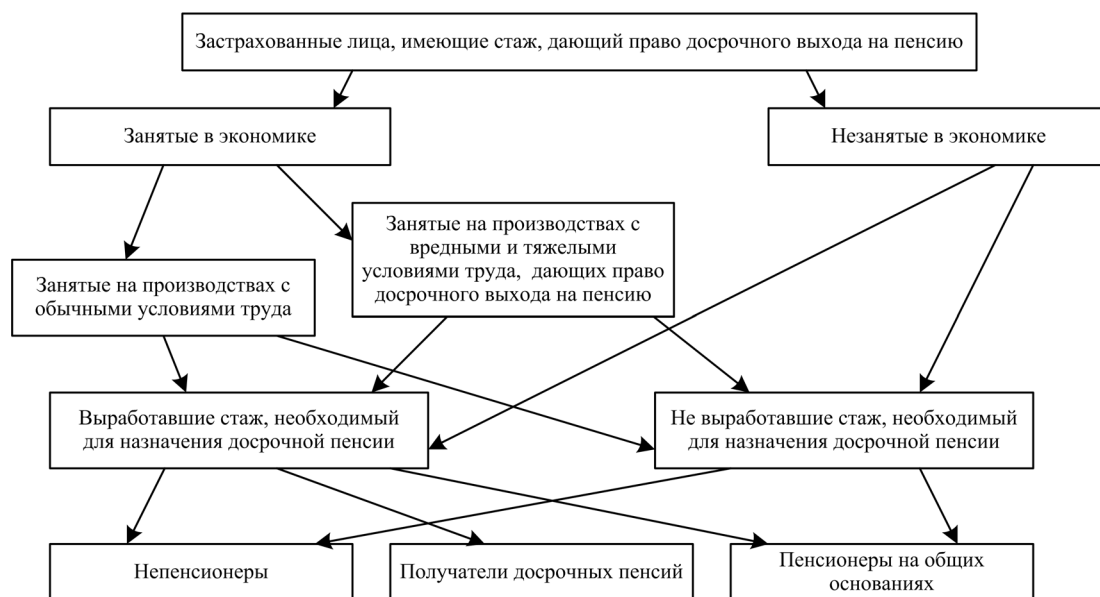

Рис. 1. Структура численности застрахованных лиц, имеющих стаж, дающий право досрочного выхода на пенсию по старости

ловек³. Из них 22,17%, или 5,621 млн человек, в 2013 г. вообще не были заняты в экономике, 19,7 млн человек были заняты в экономике, но работали не только в особых, но и в обычных условиях труда.

Из выделенных 25,4 млн человек застрахованных лиц, имеющих стаж работы во вредных и опасных условиях труда, 8,0 млн человек, т.е. около 31,4%, уже являются пенсионерами (как работающими, так и неработающими), причем не только по досрочным основаниям. Поэтому численность застрахованных лиц, имеющих пенсионные права различного объема, сформированные при работе в условиях труда, дающих право досрочного выхода на пенсию по старости, как в советский, так и постсоветский период, и еще не являющихся пенсионерами, составляет 17,4 млн человек.

³ Наиболее полные данные, которые имеются в базе данных актуарных расчетов по лицам, имеющим стаж, дающий право досрочного выхода на пенсию по старости, относятся к 2013 г., в связи с чем все приводимые данные будут датированы этим же годом.

Именно эти люди могут рассматриваться в качестве потенциальных участников досрочных пенсионных систем, которые планируется создавать за рамками ПФР для финансирования пенсий в период до достижения их получателями общеустановленного пенсионного возраста. Большая их часть – 14,8 млн человек – занята в экономике, в том числе в обычных условиях труда.

Важной особенностью статистических данных о застрахованных лицах, имеющих стаж работы в специальных условиях, является неопределенность будущего основания их пенсии. Пока такой человек не вышел на пенсию, он в любой момент может перейти из одной досрочной категории в другую. Поэтому для целей анализа и прогнозирования требуется методологически дифференцировать застрахованных лиц на несколько групп в зависимости от предполагаемого основания их будущей досрочной пенсии:

- работавшие все время только по одной категории (подстатье) (далее – стаж по постоянной категории);

- работавшие по нескольким подстатьям, стаж по которым не может суммироваться. В этом случае рассчитывается отношение выработанного стажа по каждой категории к необходимому для назначения досрочной пенсии по этой категории, и в качестве категории, к которой человек будет отнесен, выбирается та, по которой у него выработана максимальная доля стажа (далее – стаж по приоритетной категории);

- работавшие по нескольким подстатьям, стаж по которым можно суммировать между собой. В качестве основной категории выбирается та, по которой имеется наибольший стаж (далее – суммируемый стаж).

Для адекватного отражения выделенных характеристик застрахованных лиц в базе данных актуарных расчетов на основе сведений системы персонифицированного учета (СПУ) должен быть разработан комплекс аналитических информационных ресурсов, позволяющих получить необходимый для актуарного моделирования досрочной пенсионной системы максимально широкий спектр агрегированных данных, характеризующих ключевые аспекты этапа формирования пенсионных прав на досрочные пенсии по старости.

Исходя из требований действующего пенсионного законодательства такие информационно-статистические ресурсы должны учитывать конвертацию пенсионных прав в соответствии с пенсионными реформами. Поэтому вся информация распределяется для двух временных периодов:

- 1) для периода, начинающегося с 2002 г., что позволяет анализировать отдельно весь специальный стаж и специальный стаж, сформированный после начала пенсионной реформы (отчеты с буквой «П» в названии);

- 2) для всего периода формирования пенсионных прав (как до, так и после 2002 г.) (в названии отчета стоит буква «К»).

Поскольку в течение своей трудовой жизни большинство работников меняют место работы, то в зависимости от миграции застрахованного лица между различными досрочными категориями в течение трудовой

деятельности и возможности суммирования стажа по разным категориям отчеты подразделяются на четыре группы:

А. Группа «п» характеризует численность застрахованных лиц, которые формировали пенсионные права по какой-либо одной подстатье одной из льготных статей (27, 27.1, 28) и не формировали их ни по какой другой подстатье ни в одном году.

Б. Группа «пр» характеризует численность застрахованных лиц, которые имеют стаж по нескольким подстатьям ст. 27, или 28, или 27.1, суммирование стажа по которым не допускается. Застрахованное лицо относится к той подстатье, по которой оно выработало максимальную долю стажа.

В. Группа «сум» характеризует численность застрахованных лиц, имеющих стаж по нескольким подстатьям ст. 27, или 27.1, или 28, по которым разрешается суммирование стажа. Стаж таких застрахованных лиц рассчитывается путем его суммирования с отношением лица к той из подстатей, по которой им выработана максимальная доля стажа.

Г. Группа «ст» характеризует численность всех застрахованных лиц, которые формировали пенсионные права по соответствующим подстатьям ст. 27, 27.1, 28 в разбивке по видам специального стажа.

Первичными статистическими отчетами для актуарных расчетов пенсионных прав застрахованных лиц, имеющих специальный стаж, являются:

- отчет К39 отражает возраст застрахованного лица, в котором оно впервые начало работать в условиях, дающих право досрочного выхода на пенсию, и год начала этой деятельности. Соответственно в качестве досрочной категории застрахованного лица указывается та, по которой оно впервые начало работать в специальных условиях;

- отчет К34ст отражает возрастно-половое распределение численности застрахованных лиц, имеющих специальный стаж, по интервалам его продолжительности и продолжительности выработанного страхового стажа;

• дополняет отчеты К39 и К34ст отчет К31о, который характеризует среднюю продолжительность специального стажа по каждой статье (подстатье) ст. 27, 27.1, 28, выработанную застрахованными лицами, имеющими специальный стаж по соответствующей статье (подстатье). Общая численность застрахованных лиц, имеющих специальный стаж, в отчетах К39, К31о и К34ст совпадает. Однако внутри отчетов по отдельным подстатьям численность отличается, так как в К39 застрахованное лицо относится к статье (подстатье), по которой оно начало работать в специальных условиях, в отчете К34ст – к той статье (подстатье), по которой у него выработана максимальная доля льготного стажа от требуемой для назначения досрочной пенсии, в отчете К31о – к каждой статье (подстатье), по которой у него имеется специальный стаж (табл. 4);

• отчет К38 отражает возрастно-половое распределение численности застрахованных лиц, имеющих специальный стаж, по интервалам продолжительности специального стажа и по величине соотношения их облагаемого дохода с номинальной начисленной заработной платой по Российской Федерации. Методологическая особенность отчета состоит в том, что в него не включены застрахованные лица, у которых занятость в специальных условиях имела место только в период до 2002 г. и при этом у них в указанный период в СПУ не был отражен облага-

емый доход (данное исключение сделано во избежание некорректного расчета соотношения облагаемого дохода).

Подводя итог анализа основных статистических источников, характеризующих основные параметры процесса формирования досрочных пенсионных прав, следует отметить, что застрахованные лица, учитываемые во всех отчетах, подразделяются:

- по признаку жизни – всего; живые; живые, а также умершие в отчетном году; умершие в отчетном году;
- по признаку занятости – всего; занятые; незанятые. В зависимости от отчета застрахованные лица могут рассматриваться как занятые/незанятые в экономике;
- по признаку пенсионера – всего; пенсионеры; непенсионеры.

СТРУКТУРА АКТУАРНОГО АНАЛИЗА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВ НА ДОСРОЧНЫЕ ВИДЫ СТРАХОВОЙ ПЕНСИИ

Для оценки экономической эффективности и перспектив развития системы досрочных пенсий необходимо обладать, как минимум, следующей информацией по застрахованным лицам, имеющим стаж, дающий право досрочного выхода на страховую пенсию по старости по соответствующим статьям (подстатьям) ст. 30, 31, 32 Федерального закона «О страховых пенсиях»:

- численность застрахованных лиц, имеющих специальный стаж;
- распределение указанных лиц в зависимости от занятости/незанятости в соответствующих специальных условиях;
- их распределение в зависимости от факта назначения пенсии (пенсионеры/непенсионеры);
- возраст начала и прекращения трудовой деятельности в специальных условиях;

Таблица 4

Общая численность застрахованных лиц, имеющих стаж, дающий право досрочного выхода на пенсию по старости, в России, 2013 г., живые, млн человек

К39/П39	К34ст/П34ст	К38ст/П38ст	К31о/П31о
25,357/ 24,808	25,357/ 24,808	25,324/ 24,808	25,357/ 24,808

Источники: расчеты автора по данным Формы федерального статистического наблюдения № 94 (ПЕНСИИ) «Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им страховых пенсий на 1 января 2016 года», утвержденной приказом Росстата от 03.12.2015 № 610.

- распределение застрахованных лиц, имеющих специальный стаж, и не являющихся пенсионерами, по его продолжительности;
- возраст, в котором вырабатывается необходимый для назначения досрочной пенсии по старости специальный стаж;
- продолжительность специального стажа, вырабатываемая после выработки необходимого для назначения досрочной пенсии специального стажа;
- продолжительность специального стажа, зарабатываемая после выхода на досрочную пенсию по старости;
- миграция застрахованных лиц между категориями в период зарабатывания пенсионных прав;
- размер заработной платы застрахованных лиц, имеющих специальный стаж;
- накопленные к настоящему моменту объемы пенсионных прав на досрочную страховую пенсию по старости и ожидаемое распределение этих прав по времени их предъявления к выплате в качестве пенсии в долгосрочной перспективе.

В отсутствие этой информации адекватно оценить параметры профессиональных (или аналогичных – название принципиального значения не имеет) пенсионных систем, в частности: численность лиц, которые должны быть переведены в эти системы, тарифы страховых взносов для обеспечения формирования пенсии на досрочный период, расходы указанных систем и уровень пенсионного обеспечения их участников и т.п. – в принципе невозможно.

Информационные ресурсы интегрированных баз данных позволяют получить достоверную и полноценную информацию для расчетов численности ключевых и самых массовых досрочных категорий застрахованных лиц по следующим нормативным основаниям:

- предусмотренные Федеральным законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (подп. 1 п. 1 ст. 27, далее – категория «27.1») – занятость на подземных работах, на работах с вредными условиями труда и в горячих цехах (право досрочного выхода на пен-

сию имеют мужчины по достижении возраста 50 лет и женщины по достижении возраста 45 лет, если они проработали соответственно не менее 10 лет и 7 лет 6 месяцев на подземных работах, на работах с вредными условиями труда и в горячих цехах и имеют страховой стаж соответственно не менее 20 и 15 лет);

- предусмотренные подп. 2 п. 1 ст. 27 того же закона (далее – категория «27.2») – занятость на работах с тяжелыми условиями труда (право досрочного выхода на пенсию имеют мужчины по достижении возраста 55 лет и женщины по достижении возраста 50 лет, если они проработали на работах с тяжелыми условиями труда соответственно не менее 12 лет 6 месяцев и 10 лет и имеют страховой стаж соответственно не менее 25 и 20 лет);

- основания, предусмотренные подп. 19 п. 1 ст. 27 того же закона (далее – категория «Педагоги»), – осуществление педагогической деятельности в учреждениях для детей (право досрочного выхода на пенсию имеют мужчины и женщины при наличии педагогического стажа не менее 25 лет независимо от возраста);

- основания, предусмотренные подп. 20 п. 1 ст. 27 того же закона (далее – категория «Врачи»), – осуществление лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения (право досрочного выхода на пенсию имеют мужчины и женщины при наличии стажа по данной лечебной деятельности не менее 25 лет в сельской местности и поселках городского типа и не менее 30 лет в городах, сельской местности и поселках городского типа либо только в городах независимо от возраста);

- основания, предусмотренные пп. 6 и 13 ст. 28 (далее – категория «РКС и МКС (всего)») – п. 6 – занятость в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях не менее 15 и 20 календарных лет соответственно (право досрочного выхода на пенсию предоставляется мужчинам по достижении возраста 55 лет и женщинам по достижении возраста 50 лет при наличии страхового стажа соответственно не менее 25 и 20 лет); п. 13 – постоянное проживание в районах Крайнего

Севера и приравненных к ним местностях и занятость не менее 25 (мужчины) и 20 (женщины) лет в качестве оленеводов, рыбаков, охотников-промысловиков (право на досрочную пенсию предоставляется мужчинам по достижении возраста 50 лет, женщинам по достижении возраста 45 лет).

АКТУАРНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАЖЕВО-ВОЗРАСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ДОСРОЧНЫХ ПЕНСИОНЕРОВ

В совокупности численность застрахованных лиц, имеющих стаж по этим категориям, составляет 92,2% общей численности застрахованных лиц, имеющих стаж работы в специальных условиях (табл. 5).

Анализ показывает, что из общей численности застрахованных лиц (25,4 млн человек), когда-либо работавших в условиях труда, дающих право досрочного выхода на страховую пенсию по старости по категориям, предусмотренным ст. 27, 27.1 и 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», 79,4% находятся в возрасте от 23 до 59 лет (рис. 2). Медианной характеристикой (т.е. совокупность застрахованных лиц распределена поровну старше и младше этого возраста) является возраст 43 года.

Пенсионеры (7,96 млн человек) ожидаемо сосредоточены в возрастах 49–69 лет, медианным для них является возраст 58 лет, а самым массовым – возраст 55 лет, в котором находится 6% пенсионеров, имеющих стаж работы в специальных условиях.

Важно отметить сохранение большой численности занятых «непенсионеров» на рабочих местах, дающих право на досрочные

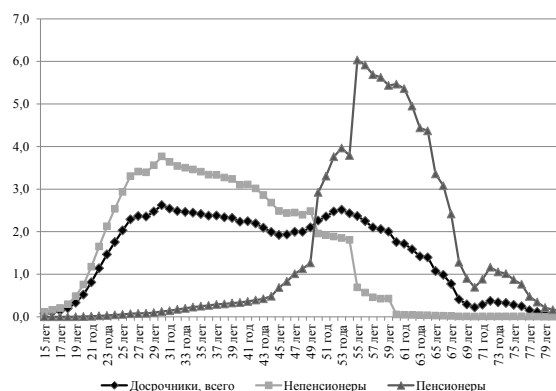

Рис. 2. Распределение численности застрахованных лиц, имеющих стаж, дающий право досрочного выхода на пенсию по старости и возрасту, % численности соответствующей группы

Источники: расчеты автора по данным Формы федерального статистического наблюдения № 94 (ПЕНСИИ) «Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им страховых пенсий на 1 января 2016 года», утвержденной приказом Росстата от 03.12.2015 № 610.

Таблица 5

Структура общей численности застрахованных лиц, имеющих стаж, дающий право досрочного выхода на пенсию по старости, в Российской Федерации, 2013 г., живые, основные категории*, человек

Численность застрахованных лиц, имеющих стаж, дающий право досрочного выхода на страховую пенсию по старости, всего	Статья 27.1	Статья 27.2	Врачи	Педагоги	РКС и МКС, всего
25 356 813	1 572 633	6 020 226	2 440 553	3 864 084	9 507 595
Проценты, всего – 100	6,2	23,7	9,6	15,2	37,5

* Отнесение к категориям проводится по максимальной доле выработанного стажа в специальных условиях (с учетом суммирования стажей) в сравнении с требуемым для назначения досрочной пенсии по соответствующей категории.

Источники: расчеты автора по данным Формы федерального статистического наблюдения № 94 (ПЕНСИИ) «Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им страховых пенсий на 1 января 2016 года», утвержденной приказом Росстата от 03.12.2015 № 610.

пенсии (их численность – 17,39 млн человек) практически во всех возрастных группах 15–59 лет (при этом что почти 70 тыс. из них находятся в возрасте 60 лет и старше, что свидетельствует о невыработке ими страхового стажа, необходимого для получения страховой пенсии). В то время как половина застрахованных лиц, имеющих специальный стаж и не являющихся пенсионерами, находится в возрасте моложе 36 лет, половина – старше этого возраста. Причем 57,4% застрахованных лиц, имеющих стаж работы в специальных условиях и еще не являющихся пенсионерами, находится в возрасте от 26 до 42 лет (в этих возрастных группах их удельный вес превышает 3%).

В общей численности лиц, имеющих специальный стаж, женщины составляют почти половину – 49% (12,424 млн человек). При этом гендерная структура численности не являющихся пенсионерами застрахованных лиц, имеющих стаж работы в специальных условиях, смещена в сторону мужчин, поскольку большая часть рабочих мест, занятость на которых дает право досрочного выхода на пенсию, требует физической силы и выносливости. Мужчин – на 29% больше, чем женщин, они составляют 56,4%, тогда как женщины – 43,6%.

Среди пенсионеров, имеющих стаж работы в специальных условиях, как и в общей численности пенсионеров в Российской Федерации, наоборот, преобладают женщины, поскольку ожидаемая продолжительность их жизни существенно выше, чем у мужчин. В данном случае из 7,962 млн пенсионеров женщины составляют 4,838 млн человек, т.е. 60,76%.

Первым вопросом, на который следует дать ответ при актуарной оценке необходимого тарифа страховых взносов на финансирование досрочных пенсий, является вопрос о продолжительности стажа, в течение которого страховые взносы будут уплачиваться. Он, в свою очередь, зависит от возраста начала и возраста окончания трудовой деятельности застрахованного лица, а также от ее продолжительности. Разумеется, речь идет о трудовой деятельности в конкретных специальных условиях, дающих право досрочного выхода на пенсию.

Средний возраст начала трудовой деятельности в специальных условиях составляет 33,2 года. Половина застрахованных лиц начинает работу в специальных условиях до 30 лет.

Самым распространенным возрастом начала трудовой деятельности в специальных условиях труда является возраст 20–22 года: 16% (т.е. примерно по 5,4% в каждом из этих возрастов) из 25,4 млн человек начинали эту работу именно в указанный возрастной период. Еще 19,55% начали работу в специальных условиях в возрастах 18–19 лет и 23–25 лет. Удельный вес начавших работу в специальных условиях в отмеченных возрастных группах варьировался от 3,2 до 4,5% общей численности имеющих специальный стаж (рис. 3). Всего же 40% общей численности лиц, имеющих стаж работы в специальных условиях, начали работать в специальных условиях в возрасте 15–25 лет.

Начиная с 21-го года занятости во вредных и опасных условиях труда удельный вес лиц, начинавших трудовую деятельность в соответствующем возрасте, постепенно сокращается с 5,54 до 1,5% к 37 годам, но затем вновь начинает повышаться до 2,05% к 45 годам. При этом в каждой последующей воз-

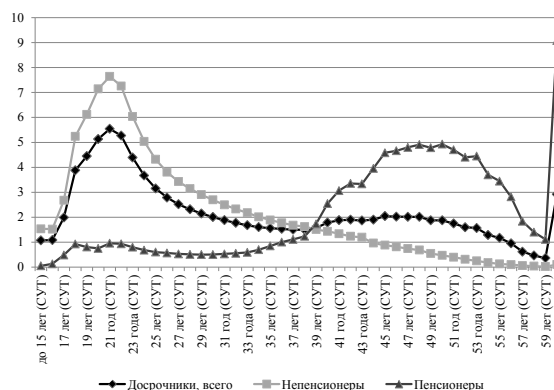

Рис. 3. Распределение численности застрахованных лиц, имеющих стаж, дающий право досрочного выхода на пенсию по старости, по возрасту начала трудовой деятельности в специальных условиях, % численности соответствующей группы

растной группе удельный вес начавших трудовую деятельность в специальных условиях в этом возрасте опять снижается, стремясь к нулю в возрастах старше 60 лет.

Специфическое распределение застрахованных лиц по возрасту начала трудовой деятельности на местах, дающих право досрочного выхода на пенсию, обусловлено значительным удельным весом людей, которые начали работать в специальных условиях незадолго до пенсии, т.е. отработав значительную часть трудовой жизни в обычных условиях, затем, когда до момента приобретения права на досрочную пенсию осталось 10–15 лет (столько, сколько специального стажа требуется по соответствующей досрочной категории), они приходили работать в указанные специальные условия труда, имея за плечами большую часть необходимого страхового стажа. Эта картина очень ярко видна на рис. 3: в возрасте 35–40 лет год начинали работать в специальных условиях 10% общей численности рассматриваемых застрахованных, а в 41–45 лет – еще 11,4%.

Возрастная динамика пенсионеров-досрочников (см. рис. 3) выявляет еще более неожиданную тенденцию: 82% тех граждан, которые, имея специальный стаж, сейчас получают пенсию, начинали работу в специальных условиях в возрасте старше 40 лет, причем пиковые значения (свыше 4,5%) приходятся на возрастные группы 45–51 год.

Это означает, что большая часть тех, кто сейчас является пенсионером и начинал когда-либо трудовую деятельность в специальных условиях, либо не выработал необходимый для назначения досрочной пенсии специальный стаж (в частности, слишком поздно начав работать в этих условиях), либо выработал его позже, чем по закону можно выйти на досрочную пенсию, т.е. фактически не воспользовался правом на досрочную пенсию.

Для тех категорий застрахованных лиц, которые еще не являются пенсионерами, средний возраст начала трудовой деятельности в специальных условиях составляет 27,3 года, а для уже вышедших на пенсию – 46,2 года. Для объяснения причин данной тенденции

рассмотрим структуру численности застрахованных лиц, которые начали работать в специальных условиях с 2013 г. (т.е. для них их собственный возраст и возраст начала работы в специальных условиях совпадают). Численность таких людей составляет 846,6 тыс. человек, из них 32 тыс. человек (3,8%) уже являются пенсионерами.

В младших возрастных группах (17,8% этой численности, т.е. 5,7 тыс. человек) – моложе 40 лет – это могут быть как получатели пенсии по случаю потери кормильца, так и работающие пенсионеры по инвалидности – получатели социальных или трудовых пенсий.

В старших возрастных группах 55,1% (из числа пенсионеров, начавших работать в специальных условиях в 2013 г.) находится в возрасте 55 лет и старше, причем 10,8% начали такую работу непосредственно в 55 лет. К ним относятся получатели пенсий на общих основаниях, продолжившие трудовую деятельность, поменяв привычную работу на работу в специальных условиях труда (рис. 4).

Если же сравнивать совокупность людей, начавших работать в специальных условиях непосредственно в 2013 г., с общей совокупностью лиц, имеющих специальный стаж, то в молодых возрастах динамические тен-

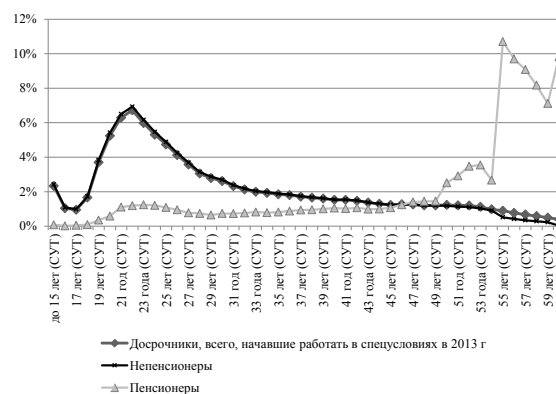

Рис. 4. Структура численности застрахованных лиц, начавших работать в специальных условиях труда в 2013 г., по возрасту начала работы в специальных условиях

денции начала ими трудовой деятельности в специальных условиях внешне схожи. Также пик начала трудовой деятельности в специальных условиях для начавших такую работу в 2013 г. приходится на 21–23 года (хотя в данном случае пик смещен с 21 на 22 года и он значительно ниже – 6,9%, тогда как для всей совокупности – 7,64%).

Изменение тенденции двух графиков имеет место только в возрасте 40 лет и старше. Как отмечалось выше, для общей совокупности застрахованных лиц, имеющих специальный стаж, характерно повышение удельного веса лиц, начавших эту работу в возрасте 40–50 лет. Среди лиц, начавших работу в специальных условиях в 2013 г., столь заметного повышения удельного веса начавших работать в указанных возрастах нет. Это связано с более высоким уровнем жизни нынешних пенсионеров по сравнению с началом 2000-х гг., когда пожилые люди вынуждены были искать любую работу для обеспечения себе средств к существованию (в начале 2000-х гг. пенсия по старости едва превышала величину ПМП, а по инвалидности и по случаю потери кормильца составляла около 80 и 55% ПМП соответственно).

Средний возраст начала трудовой деятельности в специальных условиях для лиц, начавших ее в 2013 г., составляет 30,8 года. Для тех из них, кто еще не стал пенсионером, средний возраст начала трудовой деятельности в специальных условиях составляет 30,06 года, а для уже вышедших на пенсию – 49,8 года. Половина из тех, кто начал трудовую деятельность в специальных условиях в 2013 г., еще моложе – 27 лет.

АКТУАРНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИГРАЦИОННОГО ФАКТОРА ДОСРОЧНЫХ ПЕНСИЙ

Следующий аспект, который должен быть внимательно изучен при разработке эффективной тарифной политики для системы

досрочных пенсий – миграция застрахованных лиц между различными категориями, занятость в которых дает право досрочного выхода на пенсию. Законодательство позволяет по отдельным категориям суммировать продолжительность стажа. В этой связи застрахованные лица переходят из одной категории в другую. Но они могут не только работать у разных работодателей по одной и той же или суммируемой категории (и надо отрабатывать процедуру перевода пенсионных прав на досрочные пенсии при смене работником работодателя и категории), но и переходить в категории, стажи по которым не объединяются.

Анализ основных пяти категорий застрахованных лиц, занятых на рабочих местах со специальными условиями труда, принятыми нами к рассмотрению, показывают, что миграция застрахованных лиц между категориями – не исключительное, а, наоборот, широко распространенное явление. Причем мигрируют они не только в категории, по которым законодательно разрешено объединение стажа для учета прав на досрочную пенсию, но и в категории, абсолютно друг с другом не связанные.

Рассмотрим несколько примеров миграции застрахованных лиц между выбранными для анализа досрочными основаниями для назначения пенсий. Так, 2,1 млн застрахованных лиц, имеющих специальный стаж по основанию категории «27.1», помимо него работали еще по 43 основаниям, предусмотренным в постановлении Правления ПФР от 13 июля 2006 г. № 192п «О формах документов индивидуального (персонифицированного) учета в системе обязательного пенсионного страхования и инструкций по их заполнению». Все они работали по основанию категории «27.1», помимо этого 31,7% из них имеют стаж различной продолжительности по основанию категории «27.2»; 4,4% – по основаниям «Врачи»; еще 0,6% – стаж в качестве педагогических работников; 14,26% были заняты в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и т.д.

Из 4,36 млн человек, имеющих стаж педагогической деятельности, 0,3% работали

по списку № 1 (т.е. по основанию категории «27.1»); 1,25% – по списку № 2 (основание категории «27.2») занимались деятельностью, связанной с охраной здоровья 0,86%, а 11% работали в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, причем не обязательно занимаясь именно педагогической деятельностью (табл. 6 и 7).

Приведенные данные показывают различную интенсивность миграции между категориями, обусловленную в первую очередь

предоставленной законом возможностью суммировать стаж. Это видно, в частности, для оснований категорий «27.1» и «27.2»: если человек претендует на пенсию по основанию категории «27.2», то стаж по основанию категории «27.1» должен быть учтен при определении его права на пенсию (обратная ситуация неверна).

Однако на практике зачастую возникают ситуации с одновременным приобретением стажа по различным основаниям (напри-

Таблица 6

Миграция застрахованных лиц, имеющих стаж, дающий право досрочного выхода на пенсию по старости, между досрочными категориями в период трудовой деятельности, 2013 г., тыс. человек

Категория	Численность застрахованных лиц, имеющих стаж по данной категории, тыс. человек	Число «досрочных» категорий, в которых работали застрахованные лица (включая данную категорию)	Численность застрахованных лиц, из числа указанных в графе «Категория», выработавших специальный стаж в разных категориях, тыс. человек				
			категория «27.1» (стаж)	категория «27.2» (стаж)	врачи (стаж)	педагоги (стаж)	РКС и МКС (стаж)
27.1 (ДК)	2141,3	44	2141,3	679,6	93,9	12,8	305,4
27.2 (ДК)	7072,1	44	679,6	7072,1	329,2	54,7	1424,8
Врачи (ДК)	3020,7	42	93,9	329,2	3020,7	37,7	309,2
Педагоги (ДК)	4359,7	44	12,8	54,7	37,7	4359,7	492,9
РКС и МКС (ДК)	10 674,3	48	305,4	1424,8	309,2	492,9	10 674,3

И с т о ч н и к: расчеты автора по данным Формы федерального статистического наблюдения № 94 (ПЕНСИИ) «Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им страховых пенсий на 1 января 2016 года», утвержденной приказом Росстата от 03.12.2015 № 610.

Таблица 7

Миграция застрахованных лиц, имеющих стаж, дающий право досрочного выхода на пенсию по старости, между «досрочными» категориями в период трудовой деятельности, 2013 г., %

Категория	Удельный вес застрахованных лиц, из числа указанных в графе «Категория», выработавших специальный стаж в разных категориях				
	категория «27.1» (стаж)	категория «27.2» (стаж)	врачи (стаж)	педагоги (стаж)	РКС и МКС (стаж)
27.1 (ДК)	100,0	31,7	4,4	0,6	14,3
27.2 (ДК)	9,6	100,0	4,7	0,8	20,1
Врачи (ДК)	3,1	10,9	100,0	1,2	10,2
Педагоги (ДК)	0,3	1,3	0,9	100,0	11,3
РКС и МКС (ДК)	2,9	13,3	2,9	4,6	100,0

И с т о ч н и к: расчеты автора по данным Формы федерального статистического наблюдения № 94 (ПЕНСИИ) «Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им страховых пенсий на 1 января 2016 года», утвержденной приказом Росстата от 03.12.2015 № 610.

мер, для медицинского работника, занятого в условиях, отнесенных к списку № 2 (основание – категория «27.2») и др.). При этом из двух видов приобретенного специального стажа при назначении пенсии может учитываться только один вид трудового стажа. Поэтому в случае когда взносы на досрочные пенсии будут уплачиваться по обоим основаниям, то каким образом должна будет в такой ситуации исчисляться величина досрочной пенсии – в удвоенном размере, обусловленном суммой уплаченных взносов, или исходя из взносов, только по тому основанию, по которому застрахованное лицо выходит на досрочную пенсию?

АКТУАРНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСРОЧНЫХ ПЕНСИЙ

Принципиальный вопрос, на который необходимо ответить при анализе потенциальной численности участников системы досрочных пенсий и обосновании ее доходов и расходов, – каковы тенденции (пути) распределения застрахованных лиц, которые потенциально могут в нее войти, в зависимости от занятости/незанятости в соответствующих специальных условиях труда? С точки зрения включения тех или иных потенциальных участников создание системы досрочных пенсий может пойти по нескольким путям.

Первый путь заключается во включении в систему только тех застрахованных лиц, которые еще не стали получателями досрочных пенсий. Но тогда досрочная пенсионная система автоматически лишается доходов по дополнительному тарифу, который мог бы уплачиваться за тех получателей досрочных пенсий, которые продолжают работать в специальных условиях.

Второй путь – включение в систему досрочных пенсий и пенсионеров, которые продолжают трудовую деятельность в специ-

альных условиях. Однако этот подход, решая проблему наполнения системы доходами, одновременно упрется в необходимость увеличения размера досрочных пенсий работающим пенсионерам за счет взносов, которые уплачиваются за них по специальному тарифу. Положительный ответ на этот вопрос может сделать систему досрочных пенсий финансово неустойчивой из-за роста расходов, обусловленных активной занятостью пенсионеров-досрочников, а тариф для ее финансирования – чрезмерно высоким для плательщиков.

Если пойти по первому пути и в систему досрочных пенсий включать только тех, кто, имея специальный стаж, еще не стал получателем досрочной пенсии, то предельная суммарная численность участников такой системы может достигнуть 17,39 млн человек – это 69% всех застрахованных лиц, имеющих специальный стаж. В программу, обеспечивающую финансирование досрочных пенсий тем, кто формирует права преимущественно по категории «27.1», могут войти 0,97 млн человек (62% численности имеющих такие права), по категории «27.2» – 4,3 млн человек (71%), для педагогических и медицинских работников удельный вес участников досрочных пенсионных программ может составить 60–61% их общей численности (табл. 8).

Как отмечено выше, часть застрахованных лиц, имеющих стаж работы в специальных условиях, в настоящее время по различным причинам не только не работает в условиях, дающих право досрочного выхода на пенсию, но и вообще не занята в экономике. В целом среди непенсионеров удельный вес незанятых составляет 15%, для такой категории, как медицинские работники, он минимален – 7%, по основанию «занятость в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» – он максимален – 19% (табл. 9).

Исходя из общей численности незанятых в экономике лиц, имеющих специальный стаж и не являющихся пенсионерами, которая составляет 2,635 млн человек, после создания добровольной досрочной пенсионной системы эти люди вернутся к трудовой деятель-

Таблица 8

Соотношение пенсионеров и непенсионеров среди застрахованных лиц, имеющих специальный стаж,
Российская Федерация, 2013 г., живые

Категории*	Всего, млн человек	Непенсионеры, млн человек	Пенсионеры, млн человек	В % от «всего» по соответствующей категории	
				непенсионеры	пенсионеры
Досрочные пенсионеры, всего	25,357	17,394	7,962	69	31
Категория «27.1»	1,573	0,974	0,599	62	38
Категория «27.2»	6,020	4,286	1,734	71	29
Врачи	2,441	1,457	0,984	60	40
Педагоги	3,864	2,370	1,494	61	39
РКС и МКС	9,508	6,833	2,675	72	28

* При наличии нескольких видов специального стажа застрахованное лицо относилось к той категории, по которой у него выработана максимальная доля стажа от необходимого для назначения досрочной пенсии.

Таблица 9

Соотношение занятых и незанятых среди застрахованных лиц, имеющих специальный стаж,
не являющихся пенсионерами, Российская Федерация, 2013 г., живые

Категория*	Непенсионеры	Из них		В % от непенсионеров	
		занятые	незанятые	занятые непенсионеры	незанятые непенсионеры
Досрочные пенсионеры, всего	17,394	14,760	2,635	85	15
Категория «27.1»	0,974	0,848	0,125	87	13
Категория «27.2»	4,286	3,641	0,645	85	15
Врачи	1,457	1,360	0,097	93	7
Педагоги	2,370	2,142	0,228	90	10
РКС и МКС	6,833	5,508	1,325	81	19

* При наличии нескольких видов специального стажа застрахованное лицо относилось к той категории, по которой у него выработана максимальная доля стажа от необходимого для назначения досрочной пенсии (с учетом суммирования стажа). Рассчитано автором по форме 94.

ности в специальных условиях, проблема финансирования для них периода пребывания на досрочной пенсии до наступления общеустановленного пенсионного возраста будет, по крайней мере частично, решена путем уплаты за них в досрочную пенсионную систему специального тарифа.

Третий из возможных способов финансового обеспечения досрочных пенсий – индивидуальное накопление – возможен только для тех, кто будет продолжать трудовую деятельность в специальных условиях после

введения программы досрочных пенсий и лишь в случае, если остающийся период стажа работы в специальных условиях, который должен быть выработан для назначения досрочной пенсии, будет достаточным для накопления необходимой суммы взносов для финансирования досрочного периода. Это является основной проблемой для таких категорий, как «27.1» и «27.2» и аналогичных им, учитывая ранее выявленные стажевые особенности вступления в трудовую деятельность в специальных условиях: 20% начавших

в 2013 г. трудовую деятельность в условиях, дающих право досрочного выхода на пенсию, старше 40 лет.

Это означает на практике, что период накопления пенсионных прав на досрочную пенсию у них будет очень коротким и, если права будут формироваться по накопительному принципу, тариф страховых взносов окажется чрезмерно высоким. Для накопления пенсии в размере 40% заработной платы за 10 лет стажа работы в специальных условиях по основанию категории «27.1» на 10 лет с момента выхода на досрочную пенсию и до достижения общеустановленного пенсионного возраста тариф должен составлять 40%.

Гипотетически застрахованное лицо может прекратить деятельность в специальных условиях после выработки специального стажа, необходимого для назначения досрочной пенсии. Однако на практике такого не наблюдается по разным основаниям. Стаж работы в специальных условиях, необходимый для назначения досрочной пенсии по основанию «27.1», среди тех, кто достиг 32-летнего возраста, выработали 10% среди женщин и 13% среди мужчин. Среди достигших 35 лет таких уже более 20%, а среди 37-летних – 30%. В 41 год по 40% и мужчин, и женщин имеют стаж, равный или больше необходимого, а в 44 года, за год до законодательно установленного возраста выхода на пенсию женщин, удельный вес имеющих необходимый специальный стаж среди них приближается к 50%. Также и 50% мужчин за год до выхода на пенсию (49 лет) имеют полный необходимый стаж работы в специальных условиях (рис. 5).

Пенсионеры-досрочники в подавляющем большинстве продолжают трудовую деятельность после назначения пенсии. Из тех, кто продолжал работу после назначения пенсии, 17% имеют страховой стаж менее одного года, у 11% он составляет от 1 до 2 лет. Еще у 33% страховой стаж варьируется в пределах от 2 до 5 лет (удельный вес лиц, выработавших его, снижается с 9% (2 года стажа) до 7%

(5 лет стажа)). Половина пенсионеров-досрочников, работавших после назначения пенсии выработывает стаж, не превышающий 4,5 лет; 28% пенсионеров-досрочников, работавших после назначения пенсии, заработали страховой стаж продолжительностью свыше 5, но не более 10 лет (рис. 6).

В среднем застрахованные лица, работавшие после назначения досрочной пенсии, выработали страховой стаж 5,07 года, те из них, кто на момент выборки прекратил трудовую деятельность (т.е. не работал 2 года и более), 3,81 года (рис. 7).

Чем больше лет проходит с момента назначения досрочной пенсии и чем ближе общеустановленный пенсионный возраст, тем выше страховой стаж, вырабатываемый пенсионерами-досрочниками. Снижение продолжительности стажа в 45, 50 и 55 лет показывает основные возраста, в которых в численность пенсионеров-досрочников вливаются новые группы таких получателей, приобретших права по другим досрочным категориям.

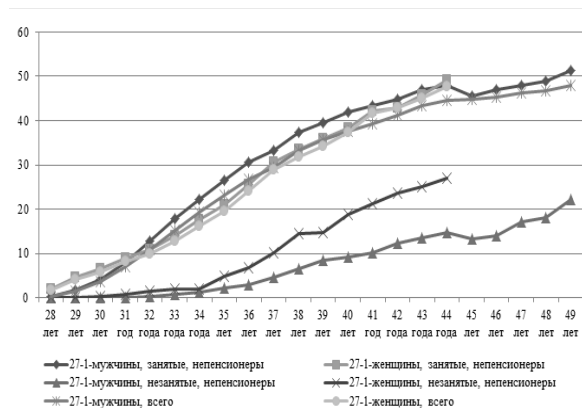

Рис. 5. Удельный вес лиц в возрастах 28–49 лет (мужчины) / 28–44 года (женщины), выработавших необходимый стаж работы в специальных условиях для назначения досрочной пенсии по основанию «27.1», в численности лиц соответствующей возрастной группы, имеющих данный стаж работы в специальных условиях, 2013 г.

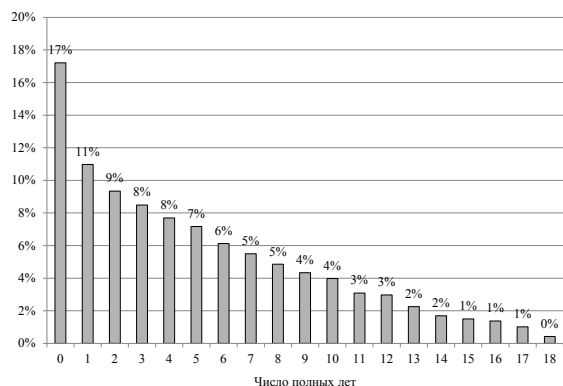

Рис. 6. Распределение численности получателей досрочных пенсий, работавших после назначения пенсии, по продолжительности страхового стажа, выработанного после ее назначения, 2014 г.

Проведенные исследования наглядно показывают масштаб и сложность сложившейся к настоящему времени государственной системы досрочного пенсионного обеспечения. По своей экономической сущности досрочная пенсионная система является такой же инородной для государственной солидарно-страховой пенсионной системы, как и обязательная накопительная пенсионная система.

В практике развитых зарубежных пенсионных систем подобных аналогов не существует: все профессиональные (отраслевые) льготы сосредоточены вне общегосударственных пенсионных систем, как правило, в корпоративных программах. Государства с переходной экономикой постсоветского пространства тем или иным способом решили данную проблему еще на первом этапе рыночных реформ (в середине 1990-х гг.).

В нашей стране льготы по досрочным основаниям всем рассмотренным категориям населения являются экономическим бременем как для бюджета ПФР в целом, так и для каждого застрахованного в ПФР человека, поскольку пенсионные права, заработанные на общих основаниях (т.е. для получения

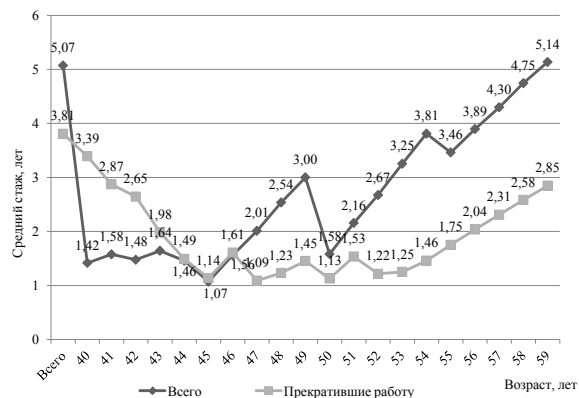

Рис. 7. Средняя продолжительность страхового стажа, вырабатываемого получателями досрочных пенсий по старости, работавшими после их назначения, 2014 г.

страховой пенсии в установленный возраст), автоматически частично перераспределяются в пользу досрочников. Трансферт федерального бюджета на покрытие соответствующей части дефицита ПФР является производной (расчетной) величиной и не учитывает перераспределенной части пенсионных прав застрахованных лиц.

Затягивание решения проблемы досрочных пенсий по всем категориям объективно обусловлено не только институционально-методологическими задачами, но и дефицитом полноценной и достоверной статистической информации, которая позволяет выработать экономически сбалансированную и социально справедливую модель досрочных пенсионных программ. Приведенные примеры актуарно-статистического анализа нескольких базовых характеристик формирования досрочных пенсионных прав работников (трудового стажа, возраста, миграции пенсионных прав, финансовых источников) выявляют существенные недостатки, которые, по сути, не позволяют выработать эффективную модель, обеспечивающую сбалансированность накопленных пенсионных прав и условий реализации государственных пенсионных обязательств.

Список литературы

- Стратегия – 2020. Новая модель роста – новая социальная политика: итоговый доклад. Кн. 1. Гл. 6 «Реформа пенсионной системы». М.: Дело, 2013. С. 197–228.
- Соловьев А.К. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность: учеб. пособие. М.: Проспект, 2015.
- Доклад Всемирного банка «Перевернутая пирамида: системы пенсионного обеспечения перед лицом демографических проблем в странах Европы и центральной Азии», 2016.
- Социальная политика: долгосрочные тенденции и изменения последних лет. М.: НИУ ВШЭ, 2015.
- Соловьев А.К., Донцова С.А., Попов В.Ю. и др. Актuarное оценивание в обязательном пенсионном страховании: проблемы оптимизации. М.: Вариант, 2015.

Рукопись поступила в редакцию 16.08.2016 г.

ACTUARIAL ANALYSIS OF EARLY RETIREMENT PENSION FORMING

A.C. Solovyev

Solovyev Arcadiy C. – State University of Finance under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia, sol26@100.pfr.ru

The main reason of the chronic deficit in the pension system is a complex problem associated with “early” retirement insurance of the insured persons. It is the preservation of the Soviet system of early pensions, that provides the appointment and paying “pension insurance” much earlier than the generally established retirement age, that institutes one of the key factors braking restructuring of the domestic pension system based on insurance principles.

The logical consequence of the early retirement saving system is the redistribution of financial resources (premiums and federal transfers) of the pension system for “pensioners

on a common basis” in favor of early retirement during the entire period before the generally established age.

The importance of the problem of financial security of early pensions recipients becomes acute because of the deepening 2014–2016 fiscal crisis, which required not only strategic, but also the operational FIU budget balancing. The article discusses the current state of early retirement system in terms of impact on the reconstruction of the entire national pension system based on insurance principles. Proposed the options for its reforming.

Keywords: budget deficit, early retirement pension, special working conditions, occupational pension system.

JEL: E69, G22, G23.

References

- Social policy (2015). Social policy: Long-term trends and changes in recent years. Moscow, National Research University – Higher School of Economics, (in Russian).
- Solovyev A. (2015). Pension reform: Illusion and reality: a tutorial. Moscow, Prospect (in Russian).
- Solovyev A., Dontsova S., Popov V. et al. (2015). Actuarial assessment in compulsory pension insurance: optimization problems. Moscow, Variant (in Russian).
- Strategy–2020 (2013). The new growth model – a new social policy. The final report. Bk. 1. Ch. 6 “The reform of the pension system”. Moscow, Delo, pp. 197–228 (in Russian).
- The World Bank Report (2016). “The inverting pyramid. Pension Systems Facing Demographic Challenges in Europe and Central Asia” (in Russian).

Manuscript Received 16.08.2016

ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОГО УЧЕТА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ ПРИ РЕФОРМИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ¹

Л.В. Оболенская

Автор применяет системный подход к анализу институциональных рисков для полноценного учета в процессах реформирования экономических институтов. В основе предлагаемого подхода использовалась блок-схема, отражающая структуру системы государственного регулирования экономического института. На основе анализа литературных источников показано, что структурные блоки этой схемы правомерно интерпретировать как места локализации институциональных рисков. Такой подход позволяет: 1) предложить общее определение термина «институциональный риск», включающее многие известные определения в качестве частных случаев; 2) классифицировать институциональные риски по месту локализации в системе регулирования; 3) выявить причинно-следственные связи возникших классификационных групп.

Ключевые слова: институциональные риски, государственное регулирование, экономический институт, институциональная среда, система, структурная схема, причинно-следственная цепочка, неоптимальность.

JEL: E11, E65, O17.

© Оболенская Л.В., 2017 г.

Оболенская Людмила Владиславна – к.т.н., ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, obolenskayalv@gmail.com

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-02-00018а).

1. ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Экономическим институтам посвящены многие исследования российских и зарубежных авторов. Критический обзор различных *определений* институтов содержит, например, работа (Иншаков, 2007). В работе (Ерзнкян, Акинфеева, 2015) развивается понятие «институт» и дается классификация его определений исходя из типологии экономических систем, введенной в (Клейнер, 2007). В нашем исследовании за основу берется определение института, предложенное представителем неоклассического институционального направления Д. Нортом: «*Институты* – это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» (Норт, 1993). Согласно этому определению в институты включаются не только правила, но и механизмы, обеспечивающие их устойчивое выполнение. Продолжая логику данного определения, мы включаем в институты также и субъектную основу этих механизмов. Под субъектной основой понимаются субъекты институционального регулирования – организации и органы власти, которые приводят эти механизмы в действие. Внутренняя мотивация субъектов регулирования, определяющая выбор стратегий их поведения, составляет движущую силу институциональных механизмов. Возможен также случай саморегулирования.

В работах по институциональной тематике показаны два варианта формирования экономических институтов. Первый вариант соответствует случаю, когда экономический институт формируется стихийно: без адресных воздействий со стороны государства. Второй вариант: в рамках государственной политики ставится и решается задача формирования института или его составляющей путем целенаправленных воздействий. При этом в обоих вариантах могут иметь место воздействия государства на институт через изменение состо-

яния и параметров институциональной среды. Рамки нашего исследования ограничиваются вторым вариантом – задачей государственного регулирования института. Она включает актуальную проблему реформирования национального института, в том числе с использованием зарубежных моделей, которая рассматривается в ряде работ (см., например, (Клейнер, 2005; Полтерович, 1999, 2001)).

В задаче государственного регулирования экономического института могут возникать институциональные риски, полноценный учет которых требует системного подхода. Системные подходы к анализу рисков, не привязанных к институциональной тематике, присутствуют, например, в работах (Балабанов, 1996; Качалов, 2002; Дроздовская, Рожнов, 2010; Фролов, 2015). Авторы ряда работ предлагают классификации рисков по разным критериям. Обзор и критический анализ предлагаемых классификаций приводится в работе (Мадера, 2014). Если говорить о системном анализе институциональных рисков, то следует особо отметить работу (Качалов, 2014).

Понятие институциональных рисков стало активно использоваться в экономической литературе сравнительно недавно. Вследствие этого общепринятое определение данного термина пока не сформировано. Обзор существующих определений *институциональных рисков* приводится в работе (Шайбакова, Молокова, 2014). Многие определения, встречающиеся в литературе, имеют частный характер. Они, как правило, формулируются для конкретной области экономики и относятся, по сути, к отдельным элементам системы регулирования экономического института. Нередко институциональные риски определяются косвенно – через вызывающие их факторы. Следствием такого положения дел является фрагментарность общей картины институциональных рисков в системе государственного регулирования.

Цель данной работы – преодолеть эту фрагментарность и расширить применение системного подхода в анализе институциональных рисков, возникающих в процессах

государственного регулирования экономического института. Для достижения этой цели:

1) предлагается общее определение термина «институциональный риск», включающее многие известные определения в качестве частных случаев;

2) институциональные риски классифицируются по месту локализации в системе регулирования;

3) выявляются причинно-следственные связи между возникшими классификационными группами.

При этом в качестве мест локализации институциональных рисков рассматриваются звенья системы государственного регулирования экономического института. Система государственного регулирования представляется в виде пяти звеньев, образующих вместе со связями причинно-следственную цепочку.

2. СТРУКТУРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

В данном разделе рассматривается система государственного регулирования экономического института или его составляющей. При этом термин «система регулирования» (или «система управления») используется в широкой трактовке. В этом смысле она содержит как управляющую, так и управляемую подсистемы (см., например, (Система управления, 2011)).

Предлагается рассматривать систему государственного регулирования экономического института в виде, представленном на рис. 1. Предложенную структурную схему можно применить к разным институтам (Оболенская, 2016а, 2016б), поскольку она отображает характерные свойства системы институционального регулирования, не зависящие от специфических особенностей регулируемого института. Схема состоит из пяти блоков, ко-

торые вместе со связями между ними образуют *причинно-следственную цепочку*. Направления воздействий звеньев этой цепочки показаны на схеме стрелками. Отметим, что кроме прямой причинно-следственной цепочки, представленной на рис. 1, возможны также обратные связи из информационных потоков, которые в целях наглядности на схеме не вводятся.

Остановимся вкратце на звеньях причинно-следственной цепочки, возникающей в системе государственного регулирования экономического института.

Блок 1. В начале причинно-следственной цепочки стоит государственный регулятор института и его институциональной среды.

Предполагается, что, занимаясь регулированием экономического института, государство может использовать широкий спектр управляющих воздействий, включая обеспечение развития, поддержку, стимулирование и пр. При этом оно способно воздействовать на институт непосредственно или опосредованно – через трансформирование институциональной среды. Трансформация институцио-

нальной среды может быть условием, а также сопровождением непосредственного регулирования института.

Блок 2. Институциональная среда рассматривается на блок-схеме применительно к регулируемому объекту. Это означает, что в качестве структурного блока «институциональная среда» присутствует не вся среда, а только ее часть, существенно влияющая на регулируемый объект (институт или его составляющую).

По сути, институциональная среда входит в состав звеньев регулирования. Она выполняет функции промежуточной подсистемы, способной трансформировать и передавать регулирующие воздействия государства. В таком контексте противодействие институциональной среды реформированию института допустимо трактовать как: 1) неоптимальную работу государственного регулятора или 2) нереалистичную постановку задачи регулирования на фоне ограниченности управленческого ресурса государства.

Блок 3. В качестве центрального звена причинно-следственной цепочки на схеме представлен регулируемый институт.

Блок 4. Следствием работы института становятся те или иные результаты на выходе из него – в сфере непосредственно институционального регулирования. Сюда включаются мотивационные предпочтения субъектов этой сферы. Сформированные предпочтения определяют выбор требуемых или альтернативных норм поведения.

Блок 5. Завершающим звеном причинно-следственной цепочки служат конечные результаты на выходе системы институционального регулирования. Здесь имеются в виду результаты деятельности институционально регулируемых субъектов экономики из предыдущего блока. Например, для инновационной сферы это могут быть инновационные проекты, технологии, продукция с учетом конкретики института, регулирующего эту сферу.

Предложенное представление системы институционального регулирования составляет структурный каркас анализа институциональных рисков в последующих разделах.

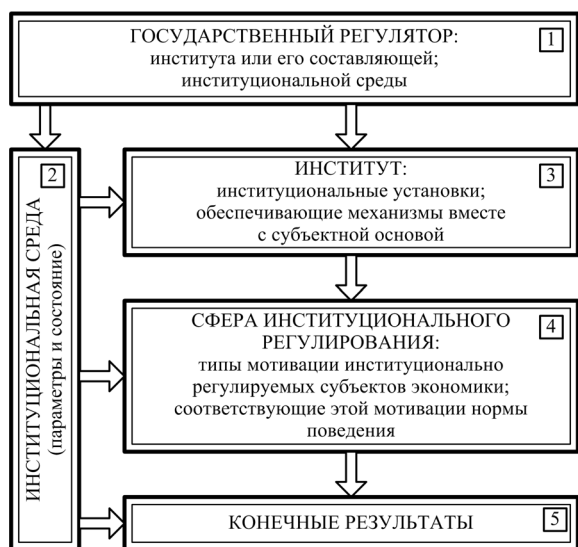

Рис. 1. Система государственного регулирования экономического института

Источники: схема разработана автором.

3. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И РАЗЛИЧИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ

Несмотря на разброс мнений, в существующих определениях институциональных рисков (Шайбакова, Молокова, 2014; Грозова, Цветкова, 2012; Звездичев, 2014; Бокушева, Хайдельбах, 2007; Брега, 2007; Коржова, 2007 и др.) удается проследить общие черты. Проанализируем эти общие черты и различия.

Трактовка термина «институциональный» в определениях институциональных рисков. Объединяющим признаком разнородных определений является фактическая привязка рисков к предложенному нами структурному представлению системы институционального регулирования (см. рис. 1). Различия определений проявляются в выборе авторами конкретных звеньев системы регулирования как мест локализации институциональных рисков. Подробнее речь об этом пойдет в следующем разделе.

Трактовка термина «риск» в определениях институциональных рисков. Возможны две основные трактовки термина «риск», мы условно назовем их вероятностно-негативной и вероятностно-позитивной. В первой из них риск – возможность (вероятность) опасности или неудачи, угроза, вероятность потерь, неблагоприятного исхода и пр., а во второй – «действие наудачу в надежде на счастливый исход» (см., например, (Риск..., 2016)).

Общей чертой разных определений институциональных рисков является опора на вероятностно-негативную трактовку. Институциональные риски и их факторы определяются через негативные явления в системе регулирования института.

Различия в определениях состоят в конкретизации негативных проявлений.

Применительно к государственному регулятору института различия состоят: в нерациональности государственной политики, изменчивости и нерациональности политики регулирования, несовершенстве законодатель-

ства, противоречивой позиции государства; частых изменениях в государственном регулировании; нестабильности и неопределенности правовой базы и др. Применительно к институциональной среде это несовершенство, неопределенность, неоптимальность и др. Применительно к институту это нерациональность, неэффективность, неразвитость, несовершенство институтов, нестабильность формальных институтов, неустойчивость структур, нестабильность правил; формально закрепленные нормы, критерии рискованного поведения; неэффективность институциональных механизмов и др. Применительно к сфере институционального регулирования это оппортунистическое поведение экономических агентов и др. Применительно к результатам на выходе из сферы институционального регулирования это неопределенность; вероятность наступления нежелательного события; неоптимальность; возможность наступления нежелательных последствий; нежелательное отклонение от цели; вероятность возникновения убытков или недополучения доходов по сравнению с прогнозируемыми; опасность возникновения непредвиденных потерь и др.

4. КЛАССИФИКАЦИЯ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ

В данном разделе мы предлагаем классификацию определений институциональных рисков, встречающихся в литературе. Критерием группировки различных определений служит выбор авторами мест локализации институциональных рисков в системе государственного регулирования института. В качестве мест локализации рассматриваются пять звеньев причинно-следственной цепочки, возникающей в системе государственного регулирования экономического института (см. рис. 1). Заметим, что место локализации

риска может отличаться от места локализации его причин, или факторов.

В зависимости от выбора авторами тех или иных звеньев системы регулирования в качестве мест локализации институциональных рисков можно выделить три основных подхода к определению институциональных рисков, которые мы условно назвали: 1) узкоинституциональный; 2) расширенно-институциональный; 3) целевой.

Узкоинституциональный подход. К этому подходу мы отнесли определения, в которых понятие «институциональный риск» относится только к одному, хотя и центральному звену системы институционального регулирования – непосредственно институту (блок 3 на рис. 1). Под институциональными рисками здесь понимается вероятность негативных явлений в самих институтах – правилах, нормах и обеспечивающих их механизмах. Например, в (Брега, 2007) применительно к политической сфере институциональный риск определяется как «наличие определенных формально закрепленных норм, критериев рискованного поведения субъектов принятия решений, которые отражают признание неизбежности риска при принятии военно-политических решений». При таком определении явно или неявно подразумевается, что последствием этих рисков станут нежелательные результаты на выходе из сферы институционального регулирования.

Расширенно-институциональный подход. К этому подходу мы отнесли определения, в которых понятие «институциональные риски» распространяется на любые (хотя и разные для конкретных определений) звенья системы институционального регулирования, предшествующие конечным результатам на выходе из нее (блоки 1–4 на рис. 1). Под институциональными рисками понимается вероятность негативных проявлений в этих звеньях. Пример такого определения: «категория “риск” во взаимосвязи с термином “институциональный” означает неэффективность структурирующих механизмов, нерациональность инсти-

тутов и несовершенство институциональной среды в целом» (Звездичев, 2014).

Сравнивая данный подход с предыдущим, отметим, что здесь расширяются границы охвата возможных мест локализации институциональных рисков в системе институционального регулирования.

Целевой подход. К этому подходу мы относим определения, в которых понятие «институциональный риск» применяется только к конечным результатам на выходе из системы институционального регулирования (блок 5 на рис. 1). Под институциональными рисками понимается (иногда неявно подразумевается) вероятность нежелательных отклонений от намеченной цели (запланированного результата).

При таком подходе, как правило, очерчивается круг факторов, или источников, институциональных рисков. Анализ показывает, что к факторам, или источникам, институциональных рисков авторы относят негативные проявления в тех или иных звеньях системы институционального регулирования, предшествующие конечным результатам на выходе из нее (блоки 1–4 на рис. 1).

Если институциональные риски определяются в явном виде, то приходится дополнять их перечислением институциональных факторов, чтобы исключить остальные факторы, не связанные с институтами. Пример такого определения: «институциональный риск можно определить как вероятность наступления нежелательного события, вызванного нерациональностью институтов, несовершенством институциональной среды и оппортунистическим поведением экономических субъектов» (Грозова, Цветкова, 2012).

В случае неявного определения институциональных рисков перечисление их факторов, или источников, играет роль специфицирующего признака. Пример неявного определения: «...немаловажным источником риска являются частые изменения в государственном регулировании сельского хозяйства, нестабильность и неопределенность правовой базы сельскохозяйственного производства...

Риски такого рода называют институциональными» (Бокушева, Хайдельбах, 2007).

Приведем еще один пример неявного определения «институциональный риск». Вот как оно сформулировано у (Коржова, 2007): «Влияние составляющих институтов (институтов-доминантов) внешней среды на внутреннюю... порождает явления, которые можно обозначить как “институциональные риски рынка труда рыбохозяйственного комплекса”» (Коржова, 2007). При этом «под факторами институционального риска рынка труда» понимаются «причины нежелательного отклонения от преследуемой цели» – достижения такого результата, как формирование гармоничного рынка труда. Здесь за основу подхода к факторам институционального риска взята работа (Качалов, 2002), где анализируется понятие «хозяйственный риск». При анализе этого вида рисков автор разъясняет: «Хозяйственный риск проявляется в возможности нежелательного развития событий и отклонения от преследуемой цели хозяйственной деятельности предприятия». И далее: «Факторы хозяйственного риска суть такие изменения ситуации принятия хозяйственного решения, которые увеличивают шансы и величину нежелательного отклонения от цели хозяйственной деятельности предприятия (от планируемого результата)». Отметим, что в (Качалов, 2002) хозяйственные риски относятся не только к результатам, но и к предшествующему нежелательному развитию событий.

Сопоставляя целевой подход с предыдущим – расширенно-институциональным, отметим следующее. Различие между этими двумя подходами состоит также и в том, что факторы институциональных рисков из целевого подхода расценивались в предыдущем подходе как сами институциональные риски (сравним, например, определение (Грозова, Цветкова, 2012; Звездичев, 2014)).

В связи с этим возникает вопрос, какой из двух подходов правомерен. Ответ видится в анализе содержательной природы одних и тех же объектов, по-разному интерпретируемых в двух подходах: как факторы институцио-

нальных рисков (в целевом подходе) или как сами институциональные риски (в расширенно-институциональном подходе).

С одной стороны, анализируемые объекты по отношению к негативным институциональным результатам играют роль факторов. Она определяется местом этих объектов в причинно-следственной цепочке, возникающей в системе институционального регулирования.

С другой стороны, анализируемые объекты имеют рисковый и притом институциональный характер. Рисковый, или вероятностно-негативный, характер следует из того, что: а) для этих объектов характерна неопределенность и в отношении степени реализации, и в отношении степени влияния на конечные результаты; б) они относятся к причинам получения негативных результатов. Институциональный характер следует из их локализации в некотором блоке системы институционального регулирования.

Если считать, что в каждом из двух подходов акцентируется внимание на определенной стороне анализируемых объектов, то оба подхода можно считать одинаково правомерными. В случае акцента на причинно-следственной связи с негативностью результатов эти объекты правомерно отнести к факторам институциональных рисков. В случае акцента на институциональной и вероятностно-негативной природе анализируемые объекты правомерно интерпретировать как институциональные риски. Отмечая равноправность двух подходов, одновременно считаем, что односторонний акцент, присущий обоим подходам, можно расценивать как их ограничение.

5. ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ

Положительные стороны и ограничения трех подходов к определению институциональных рисков, соответствующих пред-

ложенной нами классификации, сведены в таблицу.

Внесем три предложения для обобщения положительных сторон и устранения ограничений рассмотренных подходов к определению институциональных рисков. Первые два предложения остаются в методологических рамках существующих подходов. Их цель – преодолеть ограничения конкретных определений. Третье предложение – обобщить существующие подходы в рамках формирования комплексного подхода.

Обобщение различных определений институциональных рисков в рамках расширенно-институционального подхода. Оставаясь в методологических рамках расширенно-институционального подхода и преодолевая фрагментарность охвата и смещение соподчиненных групп рисков в конкретных определениях, можно следующим образом определить институциональные риски.

В расширенно-институциональной трактовке под институциональными рисками мы будем понимать вероятность негативных про-

явлений в разных звеньях системы государственного регулирования института, вызывающих нежелательные результаты на выходе данной системы. В числе этих звеньев – государственный регулятор и институциональная среда на входе системы; институт; сфера институционального регулирования.

Обобщение различных определений институциональных рисков в рамках целевого подхода. Оставаясь в методологических рамках целевого подхода, можно следующим образом определить институциональные риски, ориентируясь на преодоление неполноты учета, а также смещения соподчиненных факторов в конкретных определениях.

В целевой трактовке под *институциональными рисками* будем понимать вероятность нежелательных результатов на выходе системы государственного регулирования института, вызванных негативными явлениями в предшествующих звеньях данной системы. В числе этих звеньев – государственный регулятор и институциональная среда на входе системы; институт; сфера институционального регулирования.

Таблица

Положительные стороны и ограничения основных подходов к определению институциональных рисков

Подход	Положительные стороны	Ограничения
Узкоинституциональный	Выделение центральной части системы институционального регулирования – институтов – как места локализации рисков	Неполнота охвата взаимосвязанных звеньев системы институционального регулирования
Расширенно-институциональный	Учет не только наиболее очевидных рисков – в самих институтах, но и рисков, относящихся к другим звеньям системы институционального регулирования	Односторонний акцент на институционально-рисковой природе негативных проявлений без учета причинно-следственных связей. Смещение соподчиненных факторов. Неполнота охвата взаимосвязанных звеньев системы институционального регулирования в рамках конкретных определений
Целевой	Включение итогового результата институционального регулирования в сферу институциональных рисков	Односторонний (без учета рискового характера) акцент на факторной природе негативных проявлений, предшествующих конечным результатам. Смещение соподчиненных факторов. Неполнота охвата взаимосвязанных звеньев системы институционального регулирования в рамках конкретных определений. Косвенный характер определения институциональных рисков в одном из двух вариантов подхода

Формирование комплексного подхода. Из проведенного нами анализа терминологии следует, что институциональные риски могут возникать в любых звеньях системы институционального регулирования. С учетом этого в качестве обобщения существующих подходов можно предложить подход, в котором понятие «институциональный риск» распространяется на все звенья системы институционального регулирования, включая выходные результаты. Такой подход правомерно охарактеризовать как *комплексный*.

В комплексной трактовке под *институциональными рисками* мы будем понимать вероятность негативных явлений в разных звеньях системы государственного регулирования института, включая: государственный регулятор и институциональную среду на входе системы; институт; сферу институционального регулирования; результаты на выходе из этой сферы.

В зависимости от целей и границ исследования могут использоваться определения институциональных рисков с разными границами охвата звеньев системы институционального регулирования. Рассматриваемой задаче государственного регулирования институтов, требующей полноценного охвата разных групп рисков с учетом их причинно-следственных связей, в наибольшей степени отвечает комплексный подход.

6. СИСТЕМНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ В ЗАДАЧЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

В данном разделе конструируется системная картина институциональных рисков, в рамках которой:

1) осуществляется классификация институциональных рисков по месту их локали-

зации в системе государственного регулирования экономического института;

2) идентифицируются причинно-следственные связи возникших классификационных групп.

Структурную основу конструирования составляет блок-схема институционального регулирования, предложенная выше (см. рис. 1). Методологические границы охвата институциональных рисков соответствуют введенному выше комплексному подходу. В соответствии с этим подходом институциональные риски могут возникать во всех пяти блоках системы институционального регулирования.

На рис. 2 институциональные риски разделены на пять блоков. Стрелками показаны направления воздействий групп институциональных рисков, образующих причинно-следственную цепочку.

Остановимся вкратце на структурных звеньях причинно-следственной цепочки рисков, возникающей в системе государственного регулирования экономического института.

Блок 1 включает риски возможной неоптимальной работы государственного регу-

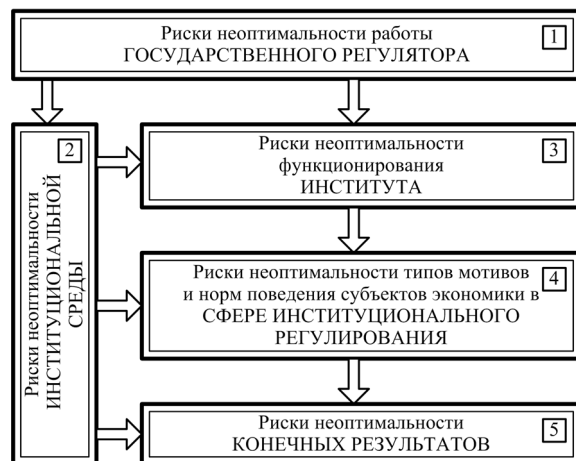

Рис. 2. Институциональные риски в системе государственного регулирования экономического института

Источники: схема разработана автором.

лителя. Среди них – риски неоптимальности: 1) создания, развития, стимулирования, поддержки и других воздействий государства на регулируемый институт; 2) мер, направленных на адаптацию институциональной среды.

Данная группа рисков возникает на входе системы институционального регулирования. Располагаясь в начале причинно-следственной цепочки, блок 1 играет роль фактора в отношении остальных структурных блоков. Риски в начале причинно-следственной цепочки порождают риски в последующих блоках системы институционального регулирования.

Блок 2 включает риски возможной неоптимальности институциональной среды при адаптационных воздействиях государства. Если считать, что оптимизация институциональной среды входит в задачу государства и при этом оно располагает достаточным управленческим ресурсом, то этот блок допустимо рассматривать как производный от предыдущего. В случае частичного выполнения названных условий только управляемые риски институциональной среды относятся к производным. Неуправляемые риски институциональной среды, как и риски государственного регулятора, правомерно отнести к начальному звену причинно-следственной цепочки.

Блок 3 включает риски возможной неоптимальности функционирования института, в том числе выбора и реализации институциональных установок и обеспечивающих механизмов. Данные риски локализованы непосредственно в самом институте, они занимают центральное (или промежуточное) положение в цепочке причинно-следственных связей. При этом они выступают как производные (или вторичные) по отношению к предыдущим двум блокам и как факторные по отношению к следующему блоку.

Блок 4 включает риски, локализованные в сфере институционального регулирования. Сюда относятся риски неоптимальных типов мотивации и, как следствие, норм поведения институционально регулируемых субъектов экономики. Мотивационные и поведенческие риски являются производными по отношению

к рискам неоптимального регулирования в предшествующих блоках.

Блок 5 включает риски возможной неоптимальности конечных результатов институционального регулирования. Данные риски проявляются на выходе системы институционального регулирования. Они являются завершающим звеном причинно-следственной цепочки институциональных рисков.

В отношении термина «неоптимальность» на схеме отметим следующее. Выше мы показали, что для характеристики сути институциональных рисков может использоваться обширный диапазон отчасти синонимичных терминов: «негативные проявления», «нерациональность», «неэффективность», «нежелательные отклонения», «неоптимальность» и т.д. Используя эти термины, можно давать разные, близкие по сути определения институциональных рисков. Считая, что государство, регулируя экономический институт и адаптируя институциональную среду, решает некоторую оптимизационную задачу, мы остановили свой выбор на термине «неоптимальность». При этом под *неоптимальностью* выходного звена – конечных результатов институционального регулирования – понимается отклонение от допустимого уровня. Неоптимальность исходных и промежуточных звеньев системы институционального регулирования оценивается с позиции вероятного влияния на это отклонение.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрена проблема создания системной картины институциональных рисков с позиций звеньев регулирования. Были получены следующие результаты.

Предложена блок-схема, раскрывающая структуру системы государственного регулирования экономического института. Структурные блоки на схеме образуют причинно-следственную цепочку, включающую:

государственный регулятор и институциональную среду на входе системы; институт; сферу институционального регулирования; конечные результаты на выходе системы регулирования. Данную блок-схему можно применить к разным экономическим институтам, поскольку она отражает общие свойства системы, не зависящие от специфики регулируемого института. Предложенная блок-схема стала основой метода системного анализа институциональных рисков, использованного в работе.

Выделены общие черты различных определений институциональных рисков, встречающихся в научной литературе. В том числе показано, что объединяющим признаком разнородных определений является фактическая привязка к предложенному структурному представлению системы институционального регулирования. При этом разные авторы определяют институциональные риски и их факторы через негативные проявления в отдельных структурных звеньях этой системы.

Предложена классификация основных подходов к определению институциональных рисков. В зависимости от выбора авторами тех или иных звеньев системы институционального регулирования в качестве мест локализации институциональных рисков выделены три подхода, условно названных нами «узко-институциональный», «расширенно-институциональный» и «целевой». Неполнота охвата звеньев единой системы институционального регулирования и соответствующей ей причинно-следственной цепочки интерпретируется в работе как определенное методологическое ограничение данных подходов.

Предложен комплексный подход к определению институциональных рисков, охватывающий все звенья системы институционального регулирования. Делается вывод, что задаче государственного регулирования института в наибольшей мере отвечают методологические границы описанного комплексного подхода.

С учетом принятой методологии предложена блок-схема институциональных ри-

сков в задаче государственного регулирования экономического института. Применение этой схемы при реформировании институтов будет содействовать полноценному анализу причинно-следственной цепочки рисков, возникающей в системе институционального регулирования.

Список литературы

- Балабанов И.Т. Риск-менеджмент. М.: Финансы и статистика, 1996.
- Бокушева Р., Хайдельбах О., Кусайынов Т. Страхование посевов в Казахстане. Анализ возможностей эффективного управления рисками. 2007. URL: http://www.iamo.de/fileadmin/documents/sr_vol37.pdf (дата обращения: 15.03.2016).
- Брега А.В. Политический риск в обеспечении военной безопасности: теория и основы управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007. URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskiy-risk-v-obespechenii-voennoy-bezopasnosti-teoriya-i-osnovy-upravleniya> (дата обращения: 27.02.2016).
- Грозова О.С., Цветкова Г.С. Природа и факторы институционального риска // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Экономика и менеджмент. 2012. № 22. С. 54–59.
- Дроздовская Л.П., Рожков Ю.В. Интермедиация риска на информационно-кредитном рынке: монография. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2010.
- Ерзикян Б.А., Акинфеева Е.В. Системная интерпретация институтов // Материалы III Международной научно-практической конференции «Системный анализ в экономике – 2014». Москва, 13–14 ноября 2014 г. / под общ. ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. Т. 2. М.: ЦЭМИ РАН, 2015. С. 147–151.
- Звездичев Г.Ю. Проблема институциональных рисков в инновационной деятельности // Вестник Российского гос. торгово-экон. ун-та. 2014. № 12 (91). С. 5–17.
- Инишаков О.В. Институты и институции в современной экономической теории // Вестник Волго-

- град. гос. ун-та. Сер. 3. Экономика. Экология. 2007. Вып. 11. С. 6–21.
- Качалов Р.М. Управление хозяйственным риском. М.: Наука, 2002.
- Качалов Р.М. Феномен экономического риска в институциональном пространстве: системный анализ: монография. М.: Финансовый университет, 2014.
- Клейнер Г.Б. Институциональные изменения: проектирование, селекция или протезирование? // Постсоветский институционализм / под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005.
- Клейнер Г.Б. Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 141–149.
- Коржова С.В. Институциональные риски рынка труда рыбохозяйственного комплекса России // Вестник Астрахан. гос. техн. ун-та. Сер. Экономика. 2007. № 3 (38). С. 191–194.
- Мадера А.Г. Риски и шансы: неопределенность, прогнозирование и оценка. М.: КРАСАНД, 2014.
- Норт Д.К. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 73.
- Оболенская Л.В. Системный подход к государственному регулированию институтов на примере инновационной сферы // Управление инновациями – 2016: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Р.М. Нижегородцева, Н.П. Горидько. Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2016а. С. 32–37.
- Оболенская Л.В. Схема регулирования инновационной деятельности на основе приоритетных институциональных механизмов // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 5: материалы Семнадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 12–3 апреля 2016 г. / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: ЦЭМИ РАН, 2016б. С. 124–127.
- Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. № 2. С. 3–20.
- Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
- Риск. Словарь Ожегова. (2009–2017). URL: <http://ozhegov-online.ru/slovar-ozhegova/risk/29813/> (дата обращения: 10.03.2016).
- Система управления. Большая политехническая энциклопедия. М.: Мир и образование. Рязанцев В.Д., 2011. URL: http://polytechnic_dictionary.academic.ru/2381 (дата обращения: 22.03.2016).
- Фролов И.Э. Проблемы и риски воссоздания транспортной и военной инфраструктуры в российской зоне Арктики // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 4. С. 125–134.
- Шайбакова Л.Ф., Молокова Е.Л. Теоретические подходы к определению понятия институционального риска системы высшего профессионального образования // Экономика образования. 2014. № 3. С. 87–90.

Рукопись поступила в редакцию 23.05.2016 г.

SYSTEMIC PROBLEM CONCERNING INSTITUTIONAL RISK IN ECONOMIC INSTITUTION REFORMING

L. V. Obolenskaya

Obolenskaya Ludmila Vladislavna – Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, obolenskayalv@gmail.com

The aim of the author is to contribute to the problem of applying a systematic approach and to propose full account of risks in the processes of national institution reforms as a part of the solution. The article proposes a functional diagram showing the structure of the system of public regulation of the economic institute. Based on the analysis of literature, it shows that the structure blocks of the scheme may be interpreted as localization of institutional risks. This interpretation provides us with (1) a general definition of institutional risks, including special cases of many well-known definitions; (2) classified institutional risks according to their lo-

cal destination in the regulatory system; (3) identified the cause-and-effect relationship among emerging classification groups.

Keywords: institutional risks, public regulation, economic institute, institutional environment, system, functional diagram, cause-and-effect, non-optimality.

JEL: E11, E65, O17.

References

- Balabanov I.T. (1996). Risk management. Moscow, Finansy i Statistika (in Russian).
- Bokusheva R., Heidelberg O., Kusayinov T. (2007). Insurance of crops in Kazakhstan. The analysis of effective risk management possibilities. URL: http://www.iamo.de/fileadmin/documents/sr_vol37.pdf (reference date: 15.03.2016) (in Russian).
- Brega A.V. (2007). Political risk in ensuring military security: the theory and basis of management // The extended abstract from the Dr. dissertation in political sciences. Moscow. URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskiy-risk-v-obespechenii-voennoy-bezopasnosti-teoriya-i-osnovy-upravleniya> (reference date: 27.02.2016) (in Russian).
- Grozova O.S., Tsvetkova G.S. (2012). Nature and factors of institutional risks. *Bulletin of South Ural State University*. Series: Economics and Management, no. 22, pp. 54–59 (in Russian).
- Drozdovskaya L.P., Rozhkov Yu.V. (2010). Intermediation of risk in the information and credit market: monograph. Khabarovsk: RIC HGAEP (in Russian).
- Erznkian B.A., Akinfeeva E.V. (2015). System interpretation of institutions. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference «System Analysis in Economics – 2014». Moscow, November 13–14, 2014. Ed. by G.B. Kleiner, vol. 2. Moscow, CEMI RAS, pp. 147–151 (in Russian).
- Zvezdichev G.Yu. (2014). The problem of institutional risks in innovation. *Vestnik of the Russian State University of Trade and Economy*, no. 12 (91), pp. 5–17 (in Russian).
- Inshakov O.V. (2007). Institutions and institutions in modern economic theory. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 3. Ekonomika. Ekologiya, no. 11, pp. 6–21 (in Russian).
- Kachalov R.M. (2002). Management of economic risk. Moscow, Nauka (in Russian).
- Kachalov R.M. (2014). Phenomenon of economic risk in institutional space: a system analysis. Monograph. Moscow, Financial University, 2014 (in Russian).
- Kleiner G.B. (2005). Institutional changes: design, selection or prosthetics? // Post-Soviet Institutionalism. Ed. P.M. Nureyev, V.V. Dementieva. Donetsk, Kashtan (in Russian).
- Kleiner G.B. (2007). System paradigm and economic policy. *Social Sciences and the Present*, no. 2, pp. 141–149 (in Russian).
- Korzhova S.V. (2007). Institutional risks of the labor market of the Russian fisheries complex. *Vestnik of Astrakhan state technical university*. Series: Economics, no. 3 (38), pp. 191–194 (in Russian).
- Madera A.G. (2014). Risks and chances: uncertainty, forecasting and evaluation. Moscow, KRASAND (in Russian).
- Nort D.S. (1993). Institutions and economic growth: a historical introduction. *THESIS*, vol. 1, no. 2, p. 73 (in Russian).
- Obolenskaya L.V. (2016a). A systems approach to the state regulation of institutes on the example of the innovation sphere. Innovation Management – 2016: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Ed. R.M. Nizhegorodtseva, N.P. Goridko. Novocherkassk, YURGPU (NPI), pp. 32–37 (in Russian).
- Obolenskaya L.V. (2016b). The scheme for regulating innovation based on priority institutional arrangements. Strategic planning and enterprise development. Section 5. The proceedings of the Seventeenth All-Russian Symposium. Moscow, April 12–13, 2016. Ed. by the corresponding member of the Academy of Sciences. G.B. Kleiner. Moscow, CEMI RAS, pp. 124–127 (in Russian).
- Polterovich V.M. (1999). Institutional traps and economic reforms. *Economics and Mathematical Methods*, no. 2, pp. 3–20 (in Russian).
- Polterovich V.M. (2001). Transplantation of economic institutions. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3, pp. 24–50 (in Russian).

-
- Risk. Dictionary of Ozhegov. 2009–2017. URL: <http://ozhegov-online.ru/slovar-ozhegova/risk/29813/> (reference date: 10.03.2016) (in Russian).
- Control System (2011). Great Polytechnic encyclopedia. Moscow, World and Education, Ryazantsev V.D. URL: http://polytechnic_dictionary.academic.ru/2381 (reference date: 22.03.2016) (in Russian).
- Frolov I.E. (2015). Problems and risks of reconstructing transport and military infrastructure in the Russian Arctic zone. *MIM (Modernization. Innovation. Management)*, vol. 6, no. 4, pp. 125–134 (in Russian).
- Shaybakova L.F., Molokova E.L. (2014). Theoretical approaches to the definition of the concept of institutional risk in the system of higher professional education. *Ekonomika obrazovaniya*, no. 3, pp. 87–90 (in Russian).

Manuscript Received 23.05.2016

ПРИМЕНЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ ПРИ УПРАВЛЕНИИ ПРОЕКТАМИ ПО ЛИКВИДАЦИИ НАКОПЛЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА¹

*И.М. Потравный, К.П. Колотырин,
И.Б. Генгут*

Рассматриваются вопросы применения экологического страхования при реализации проектов ликвидации накопленного экологического ущерба. В условиях ограниченности бюджетных источников финансирования для реализации природоохранных проектов и построения эффективной системы управления рисками предлагается использовать инструмент экологического страхования. С целью поощрения участников проектов ликвидации накопленного экологического ущерба в статье предлагается схема инвестирования на основе экологического страхования, что предполагает участие всех заинтересованных сторон и позволяет обеспечить эффективность процесса стимулирования инвесторов при реализации экологических и социально значимых проектов.

© Потравный И.М., Колотырин К.П., Генгут И.Б., 2017 г.

Потравный Иван Михайлович – д.э.н., профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, esoaudit@bk.ru

Колотырин Константин Павлович – д.э.н., профессор, Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова, Саратов, kpk75@mail.ru

Генгут Игорь Борисович – к.э.н., докторант, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Самара, igengut@gmail.com

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ-ОГОН) (проекты № 15-02-00141а, № 15-22-03003).

Ключевые слова: накопленный экологический ущерб, риски, экологическое страхование, управление природопользованием, экономическое стимулирование природоохранной деятельности, эффективность.

JEL: Q56.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях хозяйствования одной из приоритетных проблем является ликвидация накопленного экологического ущерба (НЭУ) в результате прошлой хозяйственной и иной деятельности. В настоящее время в России на значительных территориях образовались многочисленные свалки различных отходов, скопления металлолома, брошенных транспортных средств, емкостей для хранения горюче-смазочных материалов и т.п. Данные объекты НЭУ требуют безопасной ликвидации, эффективной переработки и утилизации накопленных отходов с привлечением государственных и частных инвесторов на основе единых методологических принципов регулирования (Новоселов, Новоселова и др., 2016). Одновременно решается вопрос об экономии первичных ресурсов за счет вовлечения техногенных месторождений в хозяйственный оборот (Потравный, Новоселов и др., 2016).

На заседании Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений, которое состоялось 27 декабря 2016 г., вопрос о ликвидации НЭУ в нашей стране рассматривался в числе приоритетных. В настоящее время накоплено 200 млрд т бытовых и производственных отходов, которые занимают порядка 4 млн га. В этой связи принято решение о реализации ряда инвестиционных проектов ликвидации накопленных отходов, что позволит улучшить экологическую ситуацию, перерабатывать отходы и вовлекать вторичные ресурсы в хозяйственный оборот, сохраняя тем самым первичные природные ресурсы. Особое внимание при этом

необходимо уделить созданию экономических стимулов для использования ресурсов техногенных месторождений, вовлечения отходов в хозяйственный оборот².

В Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденных Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г., отмечается, что для обеспечения экологически ориентированного роста экономики, сохранения благоприятной окружающей среды необходимо осуществить инвентаризацию территорий с неблагоприятной экологической ситуацией для реализации программ минимизации негативного воздействия на окружающую среду и ликвидации экологического ущерба, связанного с прошлой экономической деятельностью³.

Следует отметить, что в результате инвентаризации объектов НЭУ, проведенной Минприроды России в 2013 г., было выявлено 340 таких объектов НЭУ, которые оказывают существенное воздействие на окружающую среду, экологические условия проживания населения, на социально-экономическое развитие в целом. В настоящее время в России влиянию объектов НЭУ подвержено 17 млн человек. В Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (2017 г.) в качестве одного из основных направлений государственной политики обеспечения экологической безопасности отмечена ликвидация НЭУ и восстановление деградированных природных экосистем⁴. В этой

² Доклад «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений». М.: Государственный Совет Российской Федерации, 2016. 312 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/52549760>.

³ Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (утв. Президентом Российской Федерации от 30 апреля 2012 г.). URL: <http://base.garant.ru/70169264>.

⁴ Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Президента Российской Федерации от

связи важным направлением регулирования деятельности в сфере ликвидации НЭУ является стимулирование данных проектов, в том числе на основе экологического страхования.

1. ЛИКВИДАЦИЯ НАКОПЛЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАДАЧА

В рамках Государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды на 2012–2020 гг.» предусмотрены меры по минимизации экологических рисков, так или иначе связанных с прошлой и текущей хозяйственной деятельностью. Сферы деятельности, в которых необходимо проводить мероприятия, направленные на ликвидацию НЭУ, представлены на рис. 1.

Нарушенные и загрязненные земельные участки, на которых располагаются отвалы и хвостохранилища⁵, зачастую не имеют соб-

19 апреля 2017 г. № 176. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420396664>.

⁵ *Хвостохранилище* – комплекс специальных сооружений и оборудования, предназначенный для хранения или захоронения радиоактивных, токсичных и других отвальных отходов обогащения полезных ископаемых, именуемых хвостами. На горно-

Рис. 1. Направления экологически значимых и социально ориентированных проектов

ственника. Значительные нарушенные территории, загрязненные нефтью и нефтепродуктами, также требуют очистки и экологической реабилитации.

В системе управления природопользованием может рассматриваться «расширенная» и «суженная» трактовки НЭУ. Согласно «*расширенной*» трактовке под НЭУ понимается комплекс негативных изменений окружающей среды, вызванных загрязнением, утратой или истощением ее природных компонентов (земли, воды, фауны и флоры), включая ущерб, причиненный здоровью населения в результате прошлой хозяйственной деятельности, а также затраты на ликвидацию или предотвращение негативного воздействия загрязненной окружающей среды на экономику (Генгут, 2015). Согласно «*суженной*» трактовке под НЭУ понимаются затраты на подготовку, разработку и реализацию инвестиционных проектов ликвидации последствий загрязнений, нарушений земель в результате прошлой хозяйственной и иной деятельности.

По мнению А.В. Шевчука, наличие в Российской Федерации значительных запасов природных ресурсов не обеспечивает «автоматического» удовлетворения секторов экономики и населения в их качественном и количественном потреблении, а проблемы экологии в последние годы становятся только острее (Шевчук, 2015). С.Н. Бобылев отмечает, что экологические риски и недостаточность инвестиционных ресурсов должны лежать в основе формирования и выбора сценариев развития экономики России и ее регионов (Бобылев, 2015).

Как показывает мировой опыт, в экономике природопользования к числу экономических инструментов обеспечения экологической безопасности инвестиционных проектов относят также *систему природоохранных (страховых) облигаций*, которая представляет собой расширенное применение принципа платно-

обогатительных комбинатах (ГОК) из поступающей добытой руды получают концентрат, а отходы переработки перемещают в хвостохранилище.

сти за негативное воздействие на окружающую среду (принцип «загрязнитель платит») (Markandya, Perelet, 2001). В соответствии с этой системой те, кто желает использовать общественные экологические блага для своей деятельности, должны приобрести облигацию (вексель) на сумму, равную максимально возможному экологическому ущербу в результате новой экономической деятельности, до ее начала. Если же ресурсопользователь сможет продемонстрировать, что реальный экологический ущерб оказался меньше указанного в облигации (векселе) в течение указанного в нем периода времени, разница возвращается природопользователю. Тем самым эта система обеспечивает равенство имеющихся фондов на защиту окружающей среды сумме потенциального экологического ущерба. Другими словами, если экологический ущерб был нанесен, то такая экологическая облигация (вексель) будет использована для восстановления экологических нарушений, а также для компенсации пострадавшим сторонам.

В настоящее время большой интерес вызывает экологическое страхование в связи с разработкой системы страховой защиты имущественных интересов в области охраны окружающей среды. В Резолюции IV Всероссийского съезда по охране окружающей среды (г. Москва, 2–4 декабря 2013 г.) сформулирована задача перехода Российской Федерации к «зеленой» экономике, что связано с увеличением прямых и сопряженных инвестиций в природоохранные технологии, поддержкой экологической деятельности бизнеса в отраслях нового технологического уклада, созданием условия для привлечения капитала на рынок экологических товаров и услуг⁶. Особое значение в формировании рынка «зеленых» инвестиционных проектов имеют механизмы экологического страхования.

⁶ Резолюция IV Всероссийского съезда по охране окружающей среды. 2–4 декабря 2013 г. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=131936> (дата обращения 11.06.2017).

Востребованность экологического страхования приобретает в связи с реализацией проектов промышленного освоения территорий Арктической зоны Российской Федерации (Потравный, Калаврий и др., 2013). Результаты социологических исследований, выполненных в 2016 г. в рамках НИР «Оценка влияния на этнологическую среду в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера в зоне деятельности горно-добычных участков р. Молодо на территории Булунского улуса (района)» в Республике Саха (Якутия) по заказу алмазодобывающей компании «Нижне-Ленское» (АО «Алмазы Анабара»), показали, что 13,6% опрошенных (198 человек) представителей коренных малочисленных народов Севера считают применение экологического страхования гарантией защиты их интересов и компенсации причиненного ущерба. Еще 27,8% опрошенных отметили в качестве такой гарантии создание фонда для компенсации возможных потерь.

А.А. Гусев считает, что одной из составляющих эколого-экономических критериев хозяйственного развития в условиях «зеленой» экономики является минимизация экономического ущерба при переходе от «традиционных» технологий и продуктов к экологически чистым (Гусев, 2016). Следует учитывать, что проблема ликвидации НЭУ наряду с решением ряда экологических и социальных задач тесно связана с вопросами ресурсосбережения, сохранения природного капитала за счет вовлечения в хозяйственный оборот отходов и вторичных материальных ресурсов (Gengut, Alnykina at al., 2015). Использование тех или иных инструментов регулирования в сфере «зеленой» экономики может осуществляться путем моделирования эколого-экономических процессов на основе оценки негативного воздействия производства на окружающую среду (Потравный, Зоилов, 2012).

2. ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ

С целью эффективного решения проблем ликвидации НЭУ, безусловно, необходимо привлечь значительные инвестиционные ресурсы как из государственных, так и из частных источников. Очевидно, что частные инвесторы будут заинтересованы в инвестировании средств в подобные проекты только в случае гарантии получения достаточной прибыли и минимальных рисков. Достичь этого можно при условии финансовой и других видов поддержки со стороны органов государственного управления (Яшалова, Пахолков, 2009). По данным Росстата, в России наблюдается сокращение удельных расходов на природоохранные мероприятия, в частности, объем затрат к ВВП страны снизился с 1,1 (2005 г.) до 0,7% (2015 г.)⁷, в то время как в экономически развитых странах этот показатель вырос с 2,0 до 2,25%. В этих условиях необходимо увеличить долю частных инвестиций в реализации природоохранных проектов и программ. Распределение инвестиционных ресурсов по направлениям использования и источникам финансирования в 2013 г. в Рос-

сийской Федерации на природоохранные цели представлено в табл. 1.

Как видно из данных таблицы, доля частных инвестиций относительно невысока, основу финансирования составляют собственные средства предприятий и федеральные источники.

Благодаря реализации разработанной Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации Федеральной целевой программы «Ликвидация накопленного экологического ущерба на 2015–2026 годы» на указанные цели выделено 218,7 млрд р. за счет различных источников финансирования. Причем на долю федерального финансирования приходится 129 млрд р., средств консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации – 22,4 млрд р., а за счет финансирования из внебюджетных источников предлагается привлечь 67,1 млрд р., что составляет 30,7% общего объема финансирования данной программы. Для привлечения внебюджетных источников финансирования и активизации бизнеса с целью реализации проектов ликвидации НЭУ необходимо создать условия для мотивации инвесторов.

В табл. 2 приведены примеры проектов ликвидации НЭУ, которые могут осуществляться за счет бюджетных и внебюджетных источников финансирования.

Как показывает анализ хозяйственной практики в сфере ликвидации объектов НЭУ,

⁷ Охрана окружающей среды в России. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 19.

Таблица 1
Инвестиции в основной капитал на охрану окружающей среды в Российской Федерации, 2013 г., в фактических ценах, млн р.

Охрана и рациональное использование природных ресурсов	Инвестиции, всего	В том числе за счет средств			
		федерального бюджета	бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов	собственных средств предприятий	других источников
Водных ресурсов	59 807	7170	4293	43 076	5268
Атмосферного воздуха	41 196	14	42	41 091	49
Земель	13 743	4733	2612	5877	521
Всего	124 050	13 027	7854	97 668	5501

По данным Росстата.

Таблица 2

Мероприятия по ликвидации объектов НЭУ за счет смешанных источников финансирования

Мероприятие	Исполнитель	Ожидаемый результат
Рекультивация хвостохранилища Центральной обогатительной фабрики Солнечного горнообогатительного комбината, Хабаровский край	Минприроды России, ГБУ «Всероссийский НИИ охраны окружающей среды»	Предотвращение пылевого загрязнения атмосферного воздуха токсичными отходами обогащения, вовлечение в хозяйственный оборот земель, ликвидация угрозы безопасности для жизни и здоровья населения
Восстановление загрязненных нефтепродуктами земель в районе г. Мирного, Архангельская область	Минприроды России, ГБУ «Всероссийский НИИ охраны окружающей среды», Правительство Архангельской области	Ликвидация поверхностных разливов нефтепродукта, улучшение экологических условий населения, ликвидация угрозы загрязнения подземных вод, являющихся источником водоснабжения населения города
Демеркуризация территории и муниципального имущества Руднянского района Смоленской области (ликвидированного ЗАО «Еврогласс»), Смоленская область	Минприроды России, ГБУ «Всероссийский НИИ охраны окружающей среды», Администрация Смоленской области	Утилизация отходов, содержащих ртуть, демеркуризация загрязненного ртутью грунта
Ликвидация НЭУ и экологическая реабилитация оработанных иловых карт, расположенных в г. Владимире, Владимирская область	Минприроды России, ГБУ «Всероссийский НИИ охраны окружающей среды»	Улучшение экологических условий проживания населения, рекультивация и вовлечение в хозяйственный оборот земель
Рекультивация Самосыровской коммунальных бытовых отходов в г. Казани, Республика Татарстан	Минприроды России, ГБУ «Всероссийский НИИ охраны окружающей среды», Правительство Республики Татарстан	Улучшение экологических условий проживания населения, рекультивация земель, ликвидация отходов

Примечание. Составлено авторами по данным «Комплекс первоочередных мероприятий, направленных на ликвидацию последствий загрязнения и иного негативного воздействия на окружающую среду в результате экономической и иной деятельности», утвержденного Распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 2462-п. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/files/docs/2462p.pdf>.

развитие экономических методов управления в данной сфере предполагает использование системы тарифов, льгот и стимулов для организаций, участвующих в ликвидации такого ущерба. Очевидно, что в рамках проектного управления эффективность проекта тесно связана с источниками инвестирования, способными воздействовать на его реализацию с помощью различных инструментов. В случае государственного финансирования будет достигаться экологическая и социальная эффективность, частный инвестор будет более заинтересован в получении экономической выгоды или, иными словами, в коммерческой эффективности проекта (Колотырин, 2009). Одним из таких источников внебюджетно-

го финансирования проектов по ликвидации НЭУ, на наш взгляд, могут стать *средства страховых фондов*, которые формируются за счет экологического страхования опасных производственных объектов. В общем виде источники и интересы участников инвестиций в реализации проектов ликвидации НЭУ показаны на рис. 2.

Привлечение инвесторов станет возможным лишь при создании таких условий, которые бы позволили сделать инвестиционные риски минимальными, а отдача от вложений отвечала бы интересам инвесторов (Борлакова, 2012).

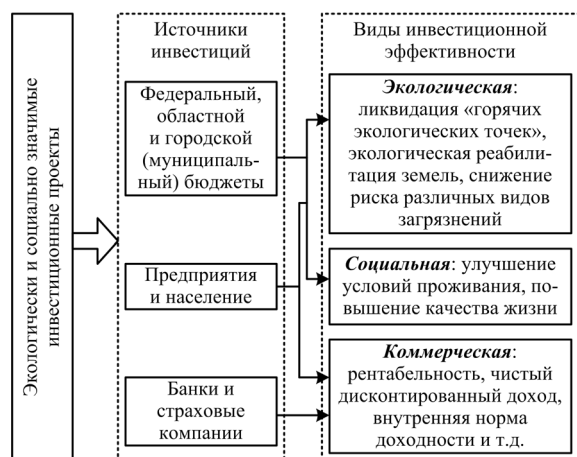

Рис. 2. Источники инвестиционных ресурсов и виды их эффективности

3. СТРАХОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ ПРИ УПРАВЛЕНИИ ИНВЕСТИЦИОННЫМИ ПРОЕКТАМИ

В рамках Государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды на 2012–2020 гг.» по ряду видов экономической деятельности предусмотрены меры по минимизации экологических рисков, связанных с прошлой и текущей хозяйственной деятельностью⁸. Одним из инструментов стимулирования инвестиционной деятельности при реализации экологически значимых проектов может стать, на наш взгляд, экологическое страхование.

В России, как и за рубежом, под *экологическим страхованием* понимается страхование гражданской ответственности владельцев потенциально опасных объектов по обязатель-

ствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью в результате загрязнения окружающей среды. Экологическое страхование напрямую связано с выполнением сберегательно-рисковой, превентивной или предупредительной функций (Кабанцева Н., Кabanцева В., 2012). В этой связи риск природопользования с позиций страхового обеспечения можно классифицировать как риски, обусловленные природными явлениями, которые не зависят от человека, связанные с конкретными объектами реализации природоохранных проектов, нарушением правил эксплуатации технических систем и объектов, способных привести к чрезвычайным экологическим ситуациям (Voronikov, Kolotyurin et al., 2014).

В рамках исследования проблем управления рисками, проведенного А. Монти (Monti, 2012), предлагается несколько вариантов управления экологическими рисками: 1) передача последствий рисков в случае невозможности их компенсаций; 2) управление рисками и их компенсация; 3) безразличное отношение к риску. В случае непринятия риска этот автор предлагает хозяйствующим субъектам передавать его страховым компаниям. Такой подход вполне применим и в российских условиях. Однако основная проблема здесь заключается в поощрении страховых компаний принимать на себя риски, так как эта процедура не установлена законодательно. К преимуществам экологического страхования относят также гарантированное снижение нагрузки на бюджеты всех уровней, формирование внебюджетных источников финансирования природоохранной деятельности, создание страхового резерва для проведения превентивных мероприятий в целях предотвращения экологических катастроф и снижения негативных для экологии последствий. Следует отметить, что методы экологического страхования применяются в деятельности, связанной с обращением с отходами, в частности, при регулировании ответственности и компенсации за ущерб, причиненный в результате трансграничной перевозки опасных отходов и их удаления в рамках Базель-

⁸ Паспорт государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы. Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 326 (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 31 марта 2017 г. № 397). URL: <http://base.garant.ru/70643488/> (дата обращения 11.05.2017).

ской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (1989 г.), согласно которой предусмотрено использование таких инструментов, как страхование и создание фондов. С целью развития экологического страхования в Европейском Союзе в 1999 г. была разработана «Белая книга», в которую вошли предложения, направленные на закрепление ответственности за загрязнение окружающей среды. Данные положения позволяют применить на практике три основных принципа, связанные со страховыми функциями: предупреждение (превенция) и осторожность, возмещение ущерба у источника, а также «загрязнитель платит».

Исследователи в области экологического страхования, в частности А.С. Тулупов, отмечают, что взаимосвязанная с уровнем экологической опасности страхователя дифференцированная тарифная ставка может существенно повлиять на достижение экологических показателей и создает дополнительные стимулы для потенциальных природопользователей снижать негативную нагрузку на окружающую среду (Тулупов, 2008, 2013). Очевидно, что основную роль в мотивации сторон прибегнуть к экологическому страхованию будет играть размер тарифа: страхователь будет заинтересован в минимизации тарифа, так как страховая премия будет относиться к дополнительным издержкам. Оптимально выстроенная система страхования экологических рисков в этом случае позволит не только возмещать экономический ущерб, но и стимулировать снижение негативной экологической нагрузки хозяйствующих субъектов на население, испытывающее последствия загрязнения окружающей среды, но и минимизировать стоимость экологических рисков для всех участников процесса экологического страхования. Страховые компании участвуют в выработке решений, направленных на предупреждение или ликвидацию экологического ущерба, этот процесс финансируется из страховых взносов страхователей.

Г.А. Моткин приходит к выводу, что в настоящее время для развития института эко-

логического страхования необходимо искать *убедительные и эффективные методы воздействия на природопользователей*, которые сочетали бы принципы добровольности с выраженной экономической заинтересованностью и контролем со стороны государства (Моткин, 2009). С этой целью предлагается встраивать экологическое страхование в механизм имущественной ответственности. Страховщики заинтересованы в экологическом страховании, потому что снижение вероятности загрязнения окружающей среды и убытков у реципиентов обеспечивает финансовую устойчивость страховых операций. Страхователь экономически заинтересован в снижении экологического риска, так как с ростом вероятности аварий растут и тарифные ставки страховых взносов.

Снижение экологических рисков является одной из приоритетных задач при реализации экологически и социально значимых инвестиционных проектов. Наиболее эффективными в этом случае могут быть следующие функции страхования: возмещения ущерба в случае наступления страхового события (компенсация); превентивная (или предупредительная), которая заключается в проведении мероприятий по предотвращению наступления страхового случая. Функция возмещения ущерба, или компенсационная функция, в данном случае будет выражаться в возмещении убытков пострадавшей стороне в случае наступления страхового события. Данная функция позволит повысить инвестиционную привлекательность природоохранных проектов, так как ущерб будет передан страховой компании. Превентивная же функция страхования при реализации экологически и социально значимых инвестиционных проектов позволит страховой компании воздействовать на объект загрязнения окружающей среды (на основании данных мониторинга), тем самым предотвращая чрезвычайные ситуации в сфере природопользования.

В плане экологического сопровождения проектной деятельности могут использоваться такие инструменты, как страхование и резервирование собственных средств орга-

низаций на случай чрезвычайной ситуации. Однако из всех предусмотренных российским законодательством видов страхования, перечисленных в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте», обязательным является страхование гражданской ответственности владельца опасных объектов. При этом страховая сумма по договору обязательного страхования составляет от 10 млн до 6,5 млрд р. в зависимости от максимально возможного числа потерпевших.

Практика показывает, что подобный механизм востребован не только для работ с опасными объектами. В последнее время прослеживается тенденция закреплять в договоре между заказчиком и подрядчиком иные формы страхования, например страхование ответственности предприятия – источника повышенной опасности и др. В основном требования по обязательному страхованию предъявляются крупными международными компаниями.

Процесс экологического страхования в рамках реализации проектов ликвидации НЭУ показан на рис. 3. Данная схема позволит создать дополнительные стимулы для потенциальных инвесторов экологически и социально значимых проектов. В данном случае частные инвесторы получают гарантии со сто-

роны государства и страховых компаний, так как последние будут компенсировать часть страховых взносов, как это делается, например, в сельском хозяйстве. Такой подход позволяет обеспечить прозрачность финансовых потоков в ходе реализации экологически значимых и социальных проектов. Инвестор и страховые компании будут заинтересованы в коммерческой отдаче, а государство будет отстаивать общественные интересы в области охраны окружающей среды.

Страховые компании смогут выполнять превентивную функцию экологического страхования, направленную на предотвращение неблагоприятного экологического события. В результате будет достигнут синергетический эффект от взаимодействия заинтересованных сторон, приводящий к решению экологических и социальных проблем. Таким образом, стимулирование мероприятий, направленных на реализацию общественно значимых проектов с включением схем экологического страхования, позволяет привлекать дополнительные источники финансирования за счет повышения инвестиционной привлекательности проекта и делает инвестиции такого рода выгодными для всех участников, обеспечив прозрачность финансовых схем, а также позволит снизить экологические риски и уменьшить нагрузку на бюджет. Основными элементами в данной схеме будут источники экологической опасности, инвесторы, органы государственного управления и сами страховые компании. Основной задачей экологического страхования в рамках предложенной схемы будет распределение ответственности между потенциальными страхователями.

В рамках проектов ликвидации НЭУ может быть задействовано и обязательное экологическое страхование, так как некоторые объекты НЭУ подлежат страхованию на основании Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 116 «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (в ред. Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 232-ФЗ). Однако часть объектов НЭУ не подпадает под действие данного закона, и в этом случае

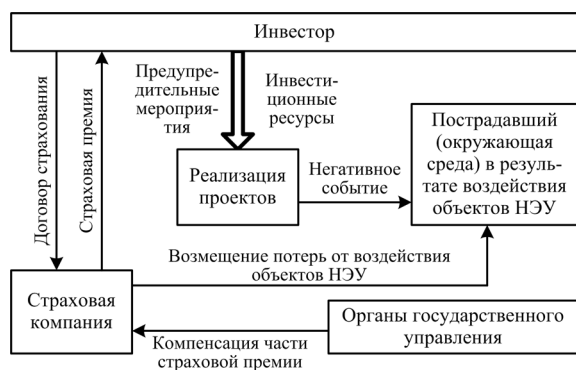

Рис. 3. Схема финансирования инвестированного проекта с применением экологического страхования

также может применяться добровольное экологическое страхование, что позволяет снизить риски инвесторов. Предложенные подходы в рамках ликвидации НЭУ позволяют применять механизмы страхования на добровольной основе. Так, к примеру, договор экологического страхования предусматривает участие не только страховщика и инвестора, но и органов государственного управления. В таком договоре обычно прописаны условия участия всех сторон, в том числе органов государственного управления. Например, в страховом договоре могут быть указаны возможность компенсации страховой премии, дополнительные гарантии инвестору, доля государства в фонде превентивных мероприятий страховщика и т.д. В свою очередь страховщик получит дополнительные стимулы для участия в проекте в результате прозрачности страховой сделки, возможности установления более корректного страхового тарифа по данному виду страхования, что в конечном итоге отразится на финансовой устойчивости страховой компании.

Постоянный мониторинг объектов НЭУ позволит более корректно оценить вероятность наступления аварийной ситуации и размер убытков, что даст возможность страховщикам более адекватно оценить тарифы по экологическому страхованию и, следовательно, повысит заинтересованность страховых компаний в экологическом страховании проектов ликвидации НЭУ. В случае если размер экологического ущерба велик, а вероятность наступления страхового события высока, возможно применение такой формы страхования, как перестрахование, позволяющее повысить уровень ответственности. Очевидно, что перестрахование приведет к повышению страховых тарифов, однако компенсация страховой премии или ее части из федерального и регионального бюджетов позволит повысить заинтересованность инвесторов и страховых компаний в реализации проектов по ликвидации НЭУ. Одним из перспективных направлений в системе экологического страхования может стать создание *страховых пулов*, представляющих собой объединение само-

стоятельных страховых организаций, создаваемых для осуществления организационных мероприятий по страхованию и перестрахованию специфических видов рисков, к которым относятся и экологические, с целью обеспечения финансовой надежности страховщиков.

В результате применения данной схемы инвесторы получают дополнительные гарантии, органы государственного управления смогут усилить контроль за экологической обстановкой путем участия страховых компаний, в значительной мере сократятся риски неблагоприятных событий для окружающей среды, а в случае наступления неблагоприятного страхового события страховые компании компенсируют ущерб из специальных фондов. Кроме того, данная схема позволит обеспечить прозрачность финансовых потоков и адресность расходования средств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующие механизмы финансирования природоохранных проектов в России требуют совершенствования. Это связано с недостаточным финансированием и неполным учетом рисков реализации природоохранных проектов. В сфере ликвидации НЭУ необходимо создать условия для стимулирования всех участников в реализации проектов ликвидации накопленного экологического ущерба. Одним из таких стимулирующих направлений может стать экологическое страхование, которое позволяет привлечь дополнительные источники финансирования за счет повышения инвестиционной привлекательности проектов и сделать это направление деятельности взаимовыгодным для всех участников. Такой подход обеспечит прозрачность финансовых схем, снизит экологические риски, уменьшит бюджетную нагрузку и повысит эколого-экономическую эффективность и безопасность проектов благодаря выполнению превентивной функции страхования.

Список литературы

- Бобылев С.Н. Энергоэффективность российской экономики и «зеленая» экономика // Теория и практика экономического регулирования природопользования и охраны окружающей среды: сб. трудов XIII Междунар. научно-практ. конф. Российского об-ва экологической экономики RSEE-2015 / РОЭЭ-2015. М.: СОПС, 2015. С. 20–27.
- Борлакова А.К. Оценка инвестиционных проектов с учетом экологического фактора // Эффективное антикризисное управление. 2012. № 6. URL: <http://www.cfin.ru/finanalysis/invest/eco.shtml>.
- Гусев А.А. Переход к политике «зеленого» роста экономики // Экономическая наука современной России. 2016. № 2 (73). С. 27–36.
- Генгут И.Б. К вопросу о развитии понятийного аппарата экономики природопользования в контексте накопленного экологического ущерба // Горизонты экономики. 2015. № 1 (20). С. 31–34. <http://www.economizdat.ru/zhurnal/archive/gorizonty-ekonomiki-2015-1>.
- Кабанцева Н.Г., Кabanцев В.С. Страхование как механизм защиты от экологических рисков. Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ, 2012.
- Колотырин К.П. Экономические инструменты стимулирования природоохранной деятельности // Вестник Саратов. гос. техн. ун-та. 2009. № 1 (37). С. 186–196.
- Новоселов А.Л., Новоселова И.Ю., Потравный И.М., Мелехин Е.С. Экономика и управление природопользованием: учеб. и практ. для бакалавриата и магистратуры. М.: ЮРАЙТ, 2016. URL: <https://biblio-online.ru/book/9DCEE963-211A-4A87-9B14-D691B58F4CC5>.
- Моткин Г.А. Экономическая теория природопользования и охраны окружающей среды: лекции теоретической систематики. М.: Изд. дом «Тиссо», 2009.
- Потравный И.М., Зоидов К.Х. Моделирование эколого-экономических процессов на основе применения функций негативного воздействия на окружающую среду // Экология. Экономика. Информатика: материалы XL конференции «Математическое моделирование в проблемах рационального природопользования». Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2012. С. 424–429. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24787095>.
- Потравный И.М., Калаврий Т.Ю., Ларин А.С. Анализ влияния крупномасштабных проектов в сфере природопользования: экологические и социальные аспекты // ЭКО. 2013. № 11. С. 145–158. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20389558>.
- Потравный И.М., Новоселов А.Л., Генгут И.Б. Формализация общей модели «зеленой» экономики на региональном уровне // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 2. С. 438–450.
- Тулупов А.С. Экономика ущерба: проблемы и решения // Экономическая наука современной России. 2008. № 1. С. 209–210.
- Тулупов А.С. Экономические аспекты добровольного и обязательного экологического страхования // Экономика и математические методы. 2013. Т. 49. № 2. С. 44–53.
- Шевчук А.В. Государственная экологическая политика на современном этапе развития страны // Теория и практика экономического регулирования природопользования и охраны окружающей среды: сб. трудов XIII Междунар. научно-практ. конф. Российского об-ва экологической экономики. RSEE-2015 / РОЭЭ-2015. М.: СОПС, 2015. С. 7–19.
- Яшалова Н.Н., Пахолков Н.А. Привлечение инвестиций в природоохранную деятельность промышленных предприятий: монография / под общ. ред. Н.А. Пахолкова. Вологда: ВоГТУ, 2009.
- Markandya A., Perelet R., Mason P., Taylor T. Dictionary of Environmental Economics Earthscan Publications Ltd. London and Sterling, 2001. URL: <http://bookre.org/reader?file=602056>.
- Gengut I., Alnykina E., Davaakhuu N., Potravnyy I. Management of environment cost in the project: The experience of Russia and Mongolia // Baltic Journal of Real Estate Economics and Construction Management. 2015. Vol. 3. P. 140–150.
- Monti A. Environmental risk and insurance a comparative analysis of the role of insurance in the management of environment related risks. OESD Report. 2012.

Voronikov I.L., Kolotyryn K.P., Vlasova O.V. The system of the biological waste management improvement on the basis of state-private partnership and ecological insurance mechanisms // *Economical Annals*. 2014. № 9–10 (1). P. 53–57.

Рукопись поступила в редакцию 02.02.2016 г.

THE USE OF ENVIRONMENTAL INSURANCE IN THE MANAGEMENT OF PROJECTS TO ELIMINATE ACCUMULATED ENVIRONMENTAL DAMAGE

*I.M. Potravny, K.P. Kolotyryn,
I.B. Gengut*

Potravny Ivan M. – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, ecoaudit@bk.ru

Kolotyryn Konstantin P. – Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia, kpk75@mail.ru

Gengut Igor B. – Plekhanov Russian University of Economics, Samara, Russia, igengut@gmail.com

Discusses the use of environmental insurance in the implementation of projects of liquidation of accumulated environmental damage. In conditions of limited budgetary financing sources for the implementation of environmental projects and development of an effective risk management system are encouraged to use the tools of environmental insurance. To encourage project participants of liquidation of accumulated environmental damage in article the scheme of investment based on environmental insurance, that involves the participation of all stakeholders and helps to ensure the effectiveness of the process of encouraging investors in the implementation of environmental and social projects.

Keywords: accumulated environmental damage, risk, environmental insurance, environmental management, economic incentive, environmental activities, efficiency.

JEL: Q56.

References

- Bobylev S.N. (2015). Green economy: main features and priorities: Natural resource management and environmental protection: theory and practice of economic regulation. Theory and practice of economic regulation of nature management and environmental protection. Sat. Works XIII Int. Scientific-practical. Conf. Russian Society of Environmental Economics. RSEE-2015. Moscow, SOPS, pp. 20–27 (in Russian).
- Borlakova A.K. Evaluation of investment projects taking into account the environmental factor. *Effective crisis management*, no. 6. URL: <http://www.cfin.ru/finanalysis/invest/eco.shtml> (in Russian).
- Gengut I., Alnykina E., Davaakhuu N., Potravny I. (2015). Management of environment cost in the project: The experience of Russia and Mongolia. *Baltic Journal of Real Estate Economics and Construction Management*, vol. 3, pp. 140–150.
- Gengut I.B. (2015). On the question of the development of a conceptual framework of environmental Economics in the context of environmental damage. *Horizons of Economics*, no. 1 (20), pp. 31–34 (in Russian).
- Gusev A.A. (2016). The transition to a green growth economy. *Economics of contemporary Russia*, no. 2 (73), pp. 27–36 (in Russian).
- Kabantseva N.G., Kabantsev V.S. (2012). Insurance as a mechanism to protect against environmental risks. Saratov, Publishing house of the Saratov Institute of the Russian Trade and Economic Institute (in Russian).
- Kolotyryn K.P. (2009). Economic instruments as nature-conservative measures stimulation. *Vestnik Saratov State Technical University*, no. 1 (37), pp. 186–196 (in Russian).
- Markandya A., Perelet R., Mason P., Taylor T. (2001). Dictionary of Environmental Economics Earthscan Publications Ltd. London and Sterling. URL: <http://bookre.org/reader?file=602056>.
- Monti A. (2012). Environmental risk and insurance a comparative analysis of the role of insurance in the management of environment related risks. OESD Report.
- Motkin G.A. (2009). Economic theory of nature management and environmental protection: lectures of

theoretical taxonomy. Moscow, Publishers. House Tissot (in Russian).

Novoselov A.L., Novoselova I.Yu., Potravny I.M., Melekhin E.S. (2016). Economics and management of natural resources. The tutorial and workshop for undergraduate and graduate programs. Moscow, Publishing house of YURAYT.

Potravny I.M., Kalavry T.Yu., Larin A.S. (2013). Analysis of influence of large projects in the field of nature on the environment and population: Environmental and social aspects. *ECO*, no. 11, pp. 145–158 (in Russian).

Potravny I.M., Zoidov K.Kh. (2012). Modeling ecological and economic processes on the basis of application functions negative impact on the environment. Ecology. Economy. Informatics. Materials of XL conference “Mathematical modelling in problems of rational use of nature”. Rostov-on-Don, Publishing house of southern Federal University, pp. 424–429 (in Russian).

Shevchuk A.V. (2015). State ecological policy at the present stage of the country’s development. Theory and practice of economic regulation of nature management and environmental protection. Sat. Works XIII Int. Scientific-practical. Conf. Russian Society of Environmental Economics. RSEE-2015. Moscow, SOPS, pp. 7–19 (in Russian).

Tulupov A.S. (2008). The economy of prejudice: problems and solutions. *Economics of Contemporary Russia*, no. 1, pp. 209–210 (in Russian).

Tulupov A.S. (2013). Economic aspects of voluntary and obligatory environmental insurance. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 49, no. 2, pp. 44–53 (in Russian).

Voronikov I.L., Kolotyryn K.P., Vlasova O.V. (2014). The system of the biological waste management improvement on the basis of state-private partnership and ecological insurance mechanisms. *Economical Annals*, no. 9–10 (1), pp. 53–57.

Yashalova N.N., Pakholkov N.A. (2009). Attraction of investments into environmental activities of industrial enterprises: monograph. Ed. by N.A. Pakholkov. Vologda, VSTU (in Russian).

Manuscript Received 02.02.2016

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ РЕСУРСНО- КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА¹

Я.В. Данилина

Исследуются внутренние стимулы модернизации вузов с точки зрения ресурсно-компетентностного подхода. Декомпозиция поставленной задачи позволила, во-первых, сформулировать необходимость исследования специфики вуза как организации, во-вторых, сопоставить имеющиеся у вуза объемы и структуру ресурсов с реализуемыми им во внешней среде компетенциями. В результате были выявлены специфические виды ресурсов, способностей и компетенций, определяющие целеполагание их функционирования. Исследование исходит из того, что социальная значимость вузов изначально определяет ряд возможностей и ограничений, которые должно контролировать общество. Вузы относятся к некоммерческим организациям, которым присуща высокая ресурсная зависимость и необходимость в прочных связях с их держателями. Установлено, что поскольку вуз привлекает в качестве основного ресурса, обладает в качестве способностей и реализует во внешней среде знания в различных формах в качестве компетенций, то он также должен быть участником создания особых экономических отношений в обществе по поводу этого экономического блага. Показано, что образование относится к так называемым мериторным благам, опекаемым государством, значение

© Данилина Я.В., 2017 г.

Данилина Ярослава Владимировна – к.э.н., старший научный сотрудник, ЦЭМИ РАН, Москва, yavdanilina@yandex.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-06-04481).

которых будет возрастать, поскольку они непосредственно влияют на формирование одного из основных факторов экономики знаний – человеческого капитала. На основе результатов анализа структуры и особенностей привлекаемых вузами ресурсов, а также востребованных в экономике, основанной на знаниях, компетенций сделан вывод: необходимым условием модернизации вузов является развитие их способностей управлять знаниями (как во внутренней, так и во внешней среде организации), отношениями со стейкхолдерами и организационными изменениями.

Ключевые слова: модернизация образования, стратегия модернизации, ресурсы, компетенции, способности, стейкхолдеры, управление знаниями, управление изменениями, образовательные организации высшего образования.

JEL: D20, H40, I21.

ВВЕДЕНИЕ

Возрастающая роль образования в условиях становления экономики знаний находит отражение в повышенном интересе исследователей во всем мире к процессам модернизации и развития как систем образования в целом, так и высшего образования в частности. Огромное число научных работ, например, В. Баумола, В. Гордона, Г. Хансмана, А. Хилмана, посвящено исследованию этой темы – системы высшего образования как отрасли экономики, особенностей рынка образовательных услуг и университетов как фирм, действующих на этом рынке. В этих исследованиях применяется методология неоклассической экономической теории; функционирование высших учебных заведений в них рассматривается именно с этих позиций.

Стратегии модернизации как системы высшего профессионального образования (ВПО), так и собственно самих высших учебных заведений посвящены работы, например, Г. Минцберга, Дж. Псахарополуса, Е. Князева, А. Ключева. Большинство исследователей при анализе изменений в организациях высшего образования используют *методологию классической теории фирмы*, хотя функции

фирмы далеко не в полной мере совпадают с функциями высшего учебного заведения – одного из основных элементов национальной инновационной системы.

Большее внимание роли и месту высших учебных заведений и в целом системы образования в новых экономических условиях, соответствующих экономике, которая характеризуется как экономика знаний, уделено в работах Д. Белла, П. Друкера, Э. Тоффлера, М. Кастельса, Н. Штера, У. Бека, Д. Хелда, Д. Гольдблатта, З. Баумана, Н. Кляйна, П. Скотта, Э. Гидценса, Ф. Уэбстера, а также В.Л. Иноземцева, С.М. Климова, Н.М. Римащевской, В.Ф. Галедкого, Д.С. Львова.

В рамках исследования, целью которого является совершенствование методологии формирования стратегии модернизации организаций высшего образования в условиях становления экономики знаний, сформулирована задача – рассмотреть образовательные организации высшего образования (далее – вуз) с точки зрения нового ресурсно-компетентностного подхода, который позволяет сосредоточиться на внутренней мотивации организации проведения модернизации. Декомпозиция задачи позволила, во-первых, сформулировать необходимость исследования особенностей, отличающих вуз от других организаций; во-вторых, провести сопоставление имеющегося у организации объема и структуры ресурсов с реализуемыми ею во внешней среде компетенциями. Такой подход позволит разработать стратегию модернизации конкретного вуза на основании специфики вуза как организации и специфики конкретного вуза.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РЕСУРСНО-КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Базой для создания ресурсно-компетентностной теории фирмы послужил ресурсный подход к конкурентной стратегии, появившийся на Западе в 1990-е гг. в рабо-

тах, например, К.К. Прахалада и Г. Хамела (Prahalad, Hamel, 1990), Г. Сталка, П. Эванса и Л. Шульмана (Stalk, Evans at al., 1992), а также Э.Т. Пенроуз (Penrose, 1959). В отечественной науке этот подход получил развитие в публикациях В.С. Катькало (Катькало, 2003), В.Л. Тамбовцева (Тамбовцев, 2010), Г.Б. Клейнера (Клейнер, Тамбовцев и др., 1997).

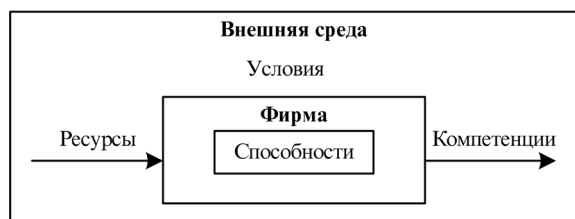
Основные положения новой ресурсно-компетентностной теории фирмы: факторы деятельности фирмы разделяются на ресурсы и способности. К *ресурсам* относятся блага, отторжение которых от организации не приводит автоматически к ликвидации или перерождению самой фирмы. Под *способностями* в данной теории понимаются возможности организации использовать ресурсы и условия производства (см. рисунок). Организация может привлекать необходимые ресурсы из внешней среды, тогда как способности неотделимы от нее и могут быть развиты или подавлены в ее внутренней среде. *Условиями* называются параметры внешней среды функционирования организации. Разделение на ресурсы, условия и способности не является фиксированным, так как способности могут проявляться в ответ на приобретение фирмой новых ресурсов или при изменении условий ее функционирования. Способности фирмы применительно к ее профильной деятельности трактуются в этой теории как *компетенции*. Таким образом, фирма или организация, используя привлеченные ресурсы и имеющиеся у нее способности, реализует свои компетенции во внешней среде (Клейнер, 2011).

В данной концепции к способностям организации относятся:

- неформализованные (неотторжимые) знания;
 - имманентные данной организации технологии;
 - внутрифирменные институциональные факторы;
 - культурные факторы;
 - ментальные факторы.
- К ресурсам организации относятся:
- материально-финансовые ценности;
 - нематериальная отделимая часть технологий;
 - исторические образцы (кейсы внутрифирменные);
 - имитируемые образцы (кейсы внешние);
 - формализованное (отторжимое) знание.

Основываясь на представленной выше классификации, данная теория предлагает «эндогенный» подход к цели деятельности фирмы, согласно которому внутренней мотивацией модернизации в вузе является несоответствие набора привлекаемых ресурсов и способностей компетенциям организации и условиям ее функционирования. Соответственно разработка стратегии изменений должна основываться на как можно более точном выявлении и спецификации:

- имманентных способностей конкретного вуза;
- необходимых для реализации компетенций вуза ресурсов;
- доступных вузу ресурсов, для освоения которых в нем не развиты соответствующие способности;
- способностей, требующих развития в связи с возможностями или вызовами условий функционирования вуза и т.д.

Ресурсно-компетентностная структура фирмы

ОСОБЕННОСТИ РЕСУРСОВ, СПОСОБНОСТЕЙ И КОМПЕТЕНЦИЙ ВУЗА

Для анализа вуза через призму данного подхода целесообразно определить специфи-

ческие особенности вузов как *организаций*, что позволит выявить специфические виды ресурсов, способностей и компетенций, определяющих цели их функционирования.

Необходимо акцентировать внимание на том, что объектом исследования являются вузы, в которых получают первое и второе высшее образование, формируются профессиональные и научные кадры, а также производятся научные разработки. Вуз существенно отличается от других образовательных организаций, связанных с профессиональной подготовкой, таких как организации, осуществляющие подготовку, например, по программам МВА, бухгалтерские курсы, курсы иностранных языков и т.п. Самым значимым отличием вуза является его социальная и институциональная значимость, поскольку в этих организациях происходит воспроизводство как формальных, так и неформальных, как уже действующих, так и (и это особенно важно) нацеленных на будущее базовых институтов данного общества. Специалисты в области возрастной и социальной психологии отмечают, что студенческий возраст представляет собой особый период жизни и развития личности (Малютина, 2014). Именно в этом возрасте будущее в обозримых пределах становится частью сознательного плана (Эриксон, 2000). Можно утверждать, что в период обучения в вузе у человека формируется полный набор социальных ролей: гражданских, профессионально-трудовых и т.п., воплощение которых будет определять облик общества через 20–30 лет. Игнорировать это обстоятельство и рассматривать вуз как организацию, просто предоставляющую образовательные услуги, – значит сознательно отказаться от прогнозирования и планирования будущего всего общества. Поэтому в нашем исследовании мы будем исходить из того, что социальная значимость вуза изначально определяет ряд возможностей и ограничений, которые должно контролировать общество.

Анализ различных взглядов на природу вуза как организации позволяет выявить его отличия.

Во-первых, вузы квалифицируются как *некоммерческие организации* (государственные или частные)², которые могут получать прибыль как превышение доходов над расходами, однако эта прибыль не является основной целью деятельности организации, не может быть распределена между собственниками, но направлена только на нужды организации.

Некоторые исследователи утверждают, что некоммерческая организация ориентирована не на максимизацию прибыли, а на *достижение абсолютных ценностей* (справедливость, равенство и т.д.). Вследствие того что «продукция» («выпуск») таких организаций, как вузы, не поддается прямой оценке, они стремятся не к достижению эффективности, а к *обеспечению легитимности* своей деятельности (Павлюткин, 2007). Логика данного утверждения основывается прежде всего на ресурсной зависимости некоммерческой организации, которая вынуждает такие организации прикладывать дополнительные усилия на поддержание связей с держателями ресурсов. Для выживания вузов критичным часто является государственное финансирование, поэтому они действуют в соответствии с интересами государства, обеспечивая себе легитимность в глазах этого главного держателя ресурсов (Maassen, Gornitzka, 1999; Павлюткин, 2007).

Это обстоятельство необходимо принять во внимание, с той лишь оговоркой, что в данной концепции к ресурсам относится только та часть необходимых для деятельности организации ресурсов, которые она привлекает извне, но не учитываются имманентно присущие ей *способности*. Итак, можно констатировать, что источником внутренней и внешней мотивации вуза не является стремление максимизировать прибыли; вузу присуща высокая ресурсная зависимость, в связи с чем

² Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 19.12.2016).

вузу необходимо устанавливать и поддерживать прочные связи с держателями ресурсов.

Следующий отличительный признак вуза как организации состоит в том, что его непосредственной функцией как экономического субъекта является передача и производство знаний. Знание по определению, сформулированному в (Макаров, Клейнер, 2007), «представляет собой совокупность оформленного опыта, ценностей, контекстуальной информации, экспертного понимания, составляющих основу для оценки и интеграции нового опыта и информации».

Для выполнения своей функции вуз использует ресурсы и способности, большую часть которых также составляют знания в формализованном, неформализованном, а также в явном и неявном виде (Нонака, Такеучи, 2011). Неформализованное знание передается и создается в стенах высших учебных заведений в виде умений, навыков, способностей и талантов профессорско-преподавательского состава и студентов, а формализованное – в виде методик, научных разработок, программных продуктов, учебников, лекций и т.п. Таким образом, вуз привлекает знания в различных формах в качестве основного ресурса, обладает ими в качестве способностей и реализует их в качестве компетенций.

Знания – экономическое благо, которое становится основным фактором экономического развития, оно также обладает специфическими характеристиками, отличающими его от других экономических благ. Знаниям присущи такие отличительные от других ресурсов характеристики, как неистощимость, дискретность, неотчуждаемость, неаддитивность, синергетические свойства. Все перечисленные характеристики формируют *особые экономические отношения* по поводу данного экономического блага. Например, закон убывающей отдачи ресурсов в случае со знанием действует в противоположном направлении, т.е. при введении дополнительных единиц знаний наблюдается возрастающая отдача, хотя о конкретных единицах в отношении знаний рассуждать не приходится, поскольку они не установлены

(Данилина, 2013). Также нет оснований утверждать, что каждая последующая единица потребленного знания принесет меньшую полезность, чем предыдущая, поэтому исследователи утверждают, что «в экономике знаний вместо закона убывающей предельной полезности будет действовать закон возрастающей отдачи» (Макаров, 2007). В условиях неаддитивности знаний и синергетических эффектов, которые возникают при его накоплении, проблемы оценки отдачи от затрат на знания как на ресурс не могут быть решены стандартными средствами бухгалтерского и управленческого учета. Таким образом, понятно, что анализ эффективности деятельности организаций, использующих знания в качестве основного ресурса, должен быть разработан на принципах, которые будут полнее отвечать объективным свойствам данного блага и сущности процессов его трансформации.

Третьей особенностью вуза является *специфика продукции* деятельности.

Во-первых, существуют расхождения в оценке того, что именно можно называть конечной продукцией образования. Очевидно, что вузы выпускают специалистов на рынок труда. С экономической точки зрения мы не можем утверждать, что конечной продукцией вузов является *индивид с умениями и навыками*, поскольку человек в современном обществе не может быть предметом купли-продажи. Подробно этот вопрос исследован, например, профессором В.Л. Тамбовцевым (Тамбовцев, 2005, с. 9), который считает, что продукцией образовательных организаций является *образовательная услуга*. В терминах экономической теории он доказывает, что трактовка образовательных услуг как исключительно общественных благ неверна. Он показывает, что признак неисключаемости в данном случае не выполняется, поскольку существует возможность сделать образовательные услуги недоступными для некоторых потребителей. Признак неконкурентности присущ образовательным услугам только до определенных пределов, поскольку возможна перегрузка образовательных услуг как блага,

например, неоптимальное соотношение числа учащихся и преподавателей.

Безусловно, невозможно не согласиться с этими доводами, но стоит обратить внимание на то, что мы можем рассматривать образование не только как процесс передачи знаний, а как определенный набор знаний и умений, что может внести некоторую упорядоченность в вопрос оценки качества образования. Например, при анкетировании студентов, целью которого является оценка труда преподавателя (т.е. процесса передачи знаний), среди прочих часто задается вопрос о доступности подачи материала. Можно ли утверждать, что передача знаний в доступной форме *a priori* приведет к более качественным знаниям у студентов?

Заметим, что в самом вопросе можно наблюдать разделение между процессом предоставления услуги и конечным результатом. Конечно, в процессе обучения учащиеся бывают недовольны, если материал излагается на непривычном для них уровне и языке, и в этом случае они низко оценивают качество услуги. Но возможен такой методический подход, который подводит учащихся к необходимости самостоятельно постигать малознакомый язык и подтягиваться к уровню, который предлагает преподаватель. Такой подход способствует накоплению навыков саморазвития и самообразования – одновременно с постижением предметных знаний. В этом случае высокая оценка труда преподавателя будет произведена позднее, когда синергетические свойства приобретенных таким образом навыков и знаний позволят выпускнику в большей мере проявить свои способности.

Существует также точка зрения, что продукцией вуза являются *образовательные программы*, которые собственно и называются образовательной услугой (Гусева, 2007). Безусловно, такой подход дает возможность маркетологам сконцентрироваться на вполне осязаемом продукте. Однако он исключает очень важный компонент неформализованных знаний и сам процесс передачи знаний, качество которых зачастую бывает критич-

ным для образования. Также необходимо обратить внимание на то, что потребителями продукции ООВО являются *студенты и их работодатели*, и если студенты могут выбирать образовательные программы, то работодателей интересует только результат обучения. Акцентируем внимание на том, что процесс образования и его результат необходимо различать по сути.

Другим спорным моментом в отношении образования является его оценка как частного или общественного блага.

Сторонники взгляда на высшее образование как на общественное благо выдвигают аргумент о том, что в конечном итоге результатами высшего образования пользуется все общество, а благосостояние общества в свою очередь зависит от уровня его технологического развития. Технологический прогресс требует увеличения числа высокообразованных специалистов в различных областях знаний (Салихов, 2009). Эти аргументы вполне справедливы, с той лишь оговоркой, что речь идет об общественной значимости образования.

Изучение этого вопроса с точки зрения другой классификации благ позволило отнести образование к категории благ, опекаемых государством, а именно, – к так называемым *мериторным благам* (Рубинштейн, 2011). Мериторные блага – товары и услуги, спрос на которые со стороны частных лиц отличается от нормативных установок общества (Musgrave, 1959, 1987, 1994).

В своих исследованиях А.Я. Рубинштейн показывает, что мериторные блага – это самостоятельная группа благ, сформированная по другому признаку, не как общественные блага. Отличительным признаком общественного блага являются свойства неисключаемости и несоперничества, тогда как мериторное благо выделяется по причине нормативно «неверного» поведения индивидумов (Рубинштейн, 2011).

Многие исследователи указывают на то, что по мере развития экономики, основанной на знаниях, значение мериторных благ (например, образование, здравоохранение, культура)

будет возрастать, поскольку они непосредственно влияют на формирование одного из основных факторов экономики знаний – человеческого капитала (Горяинова, 2015; Корчагина, 2010; Фаттахов, 2013). Соответственно ответственность государства за поддержание количественных и качественных характеристик основного экономического ресурса будет возрастать по мере развития экономики, основанной на этом ресурсе.

Значимым отличием продукции вуза является также то обстоятельство, что уровень качества этой продукции зависит не только от деятельности организации, но и от усилий и способностей студентов, являющихся одновременно потребителями. Следовательно, качество конечной продукции в значительной степени зависит от подбора потребителей с соответствующими свойствами и способности организации продуктивно сотрудничать с потребителем.

Здесь следует уточнить: решения многих задач и проблем, которые встают перед вузами, *не могут быть найдены силами только самих вузов*. Такие параметры системы образования в целом, как уровень подготовки на предыдущих ступенях образования, а также система аттестации учащихся должны способствовать тому, чтобы в вузах могли учиться наиболее мотивированные и способные люди. Отсутствие же платежеспособного спроса со стороны бизнеса, науки и государства приводит к деформации и деградации вузов. Это обстоятельство связано с тем, что *спрос предъявляется на дипломы, а не на профессиональные знания* высокого уровня, а это вынуждает вузы больше заботиться о росте числа принятых и выпущенных студентов, чем о качестве знаний, которыми они обладают. Такая смена приоритетов приводит к перераспределению ресурсов в направлении обеспечения численности обучающихся, соблюдения преимущественно формальных требований к вузу, а также выхолащиванию образовательного процесса и снижению научного и профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Еще одна отличительная черта вуза состоит в том, что потребители продукции такой организации могут одновременно являться и ее поставщиками. Наука, бизнес и государство, предъявляющие спрос на все виды продукции вуза, одновременно являются поставщиками такого ресурса, как труд (в виде профессорско-преподавательских кадров), а также других носителей знаний (научных публикаций, описания новых технологий и т.д.). Государство, бизнес и физические лица могут быть поставщиками материальных ресурсов. Таким образом, получается, что интересы всех стейкхолдеров вуза связаны как с входными, так и с выходными параметрами этой организации как системы. Это дает основание утверждать, что баланс между ресурсами вуза и его компетенциями в большой степени зависит от взаимодействия со стейкхолдерами организации.

Здесь представляется вполне правомерным проанализировать вуз с позиций стейкхолдеров, такой подход был разработан Фрименом (Freeman, 1984). Предложенный Фрименом подход основан на том, что целью существования организации и залогом ее устойчивого развития является удовлетворение интересов всех заинтересованных в ее деятельности сторон. Относительно цели существования вузов исследователи (Нащекина, Тимошенков, 2011) рассматривали различные точки зрения, среди которых существуют и позиции, отрицающие целесообразность прямого применения принципов стейкхолдерского подхода к вузу – в том виде, в котором он применяется к коммерческой организации (Cooper...).

Например, рассматривается ситуация, когда вуз, находясь в финансовой зависимости от студентов и их родителей, отдает приоритеты этой группе стейкхолдеров. Краткосрочные интересы данной группы потребителей вуза в силу экономической, демографической и тому подобной обстановки в стране могут быть не нацелены на получение образования высокого качества. В этом случае вуз, ориентируясь на наиболее влиятельную с точки зрения получения материальных ресурсов груп-

пу стейкхолдеров, будет снижать требования к студентам и абитуриентам (Mitchell, Agle et al., 1997). Сложно предположить, что администрация образовательных учреждений будет отдавать предпочтение долгосрочным интересам общества и работодателей, если идет речь о выживании образовательного учреждения в краткосрочной перспективе (Нащекина, Тимошенков, 2011).

Такой ситуации общество не должно допускать, иначе в результате оно получит снижение своего человеческого капитала. И здесь снова возникает необходимость патронажа государства, так как в противном случае краткосрочные интересы индивидов изменят стратегические перспективы общества в целом.

В связи с этим вполне обоснованной выглядит точка зрения (Греско, Рахманова и др., 2012; Солодухин, 2007), согласно которой вуз находится на пересечении интересов большого числа стейкхолдеров, которые осуществляют обмен ресурсами не только с вузом, но и между собой. Соответственно, создавая эффективную сеть взаимоотношений со своими стейкхолдерами, а также осуществляя миссию посредника по перемещению ресурсов между всеми заинтересованными сторонами, вуз:

- получает партнерские преимущества и генерирует отношенческие ренты особого рода;
- способствует возникновению социального эффекта, выраженного:
 - в получении стейкхолдерами более качественных ресурсов;
 - более полном достижении стейкхолдерами своих стратегических целей.

В поддержку данной концепции заметим, что основной функцией вуза является передача знаний, которые становятся все более востребованным ресурсом для всех стейкхолдеров, следовательно, функция посредника для таких организаций является вполне органичной. Целенаправленное выстраивание сетевых отношений и более интенсивный обмен ресурсами также позволит диверсифицировать источники ресурсов для вуза.

НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ВУЗОВ

В соответствии с вышеизложенным можно сделать промежуточный вывод: при разработке стратегии модернизации вуза одной из задач должно стать создание в организации стратегического направления – управление взаимодействием со стейкхолдерами и развитие компетенций посредника между ними.

Технология управления взаимодействием со стейкхолдерами относится (с точки зрения ресурсно-компетентностного подхода) к способностям организации трансформировать ресурсы в компетенции, принципиальный анализ которых необходим для выявления возможностей модернизации вуза. Ключевые способности вуза как организации, основной функцией которой является передача и создание знаний, формируются силами ее интеллектуального капитала (ИК). Традиционно ИК организации условно разделяется на человеческий, организационный и потребительский (или рыночный). Не вдаваясь в данной работе в тонкости трактовки и уточнений в структуре ИК организации, которые не имеют принципиального характера, подчеркнем, что конфигурация, пропорции и взаимоотношения между элементами ИК определяют возможности организации реализовать свои компетенции во внешней среде. Будем утверждать, что особенности ИК как раз определяют имманентные способности конкретного вуза.

Соответственно диагностика не только общего состояния, но и специфических особенностей ИК каждого вуза является обязательной составляющей процесса формирования стратегии модернизации.

В результате стратегии модернизации компетенций, проводимые вузом, должны соответствовать запросам и условиям экономики, основанной на знаниях:

- знания являются основным и незамечаемым экономическим фактором развития общества;

- во всех сферах и отраслях экономики широкомасштабно используются информационно-коммуникационные технологии;
- глобализация экономических процессов и информационных потоков;
- высокая степень изменчивости и неопределенности социально-экономической, технологической и прочих сред;
- развитие формальных и неформальных сетевых структур;
- высокая значимость человеческого капитала и инвестиций в систему образования;
- основным источником конкурентоспособности предприятий, регионов и национальных экономик становятся инновации;
- основными факторами сверхприбыли становятся наукоемкие товары и услуги (Измерение экономики знаний..., 2008);
- усиление индивидуализации потребностей людей приводит к усилению индивидуализации товаров и услуг, сделок и цен;
- персонализация знаний и возрастание ценности неформализованного и неотторжимого знания (Макаров, Клейнер, 2007).

В соответствии с проанализированной структурой и особенностями привлекаемых вузом ресурсов, а также ресурсами, востребованными в экономике, основанной на знаниях и компетенциях, на данном этапе исследования можно утверждать, что необходимым условием достижения целей модернизации является *развитие способностей вуза в управлении* знаниями (как во внутренней, так и во внешней среде организации), отношениями со стейкхолдерами и изменениями.

В целом перечисленные направления можно определить как составляющие управления ИК вуза. Управление всеми элементами ИК вуза должно быть основано на понимании того, что:

- процессы сбора, анализа, создания, распространения, хранения и использования знаний являются основными производственными процессами вуза;
- налаженные взаимоотношения со стейкхолдерами выступают залогом устойчивого обеспечения вуза ресурсами надлежаще-

го качества, источником дополнительных доходов и даже в некотором роде его миссией;

- способность проводить гибкие организационные изменения в ответ на изменения внешней среды является одной из ключевых способностей как организации в целом, так и ее сотрудников.

Ключевым элементом ИК организации являются *люди*, поскольку только люди могут создавать новое знание, формулировать цели и ценности, быть носителями и распространителями неформализованных знаний. Поэтому работа с преподавателями и студентами вуза, их обучение, мотивация, консолидация посредством развития корпоративной культуры являются залогом не только успешных преобразований, но и их дальнейшего функционирования.

Такой подход позволит ИК стать надежной основой устойчивого функционирования вуза и залогом удовлетворения ожиданий общества.

Однако в связи со всем вышесказанным хотелось бы обратить внимание, что в условиях неуклонного сокращения государственного финансирования, неразвитости механизмов использования других источников финансирования, низкого платежеспособного спроса на специалистов вузы вынуждены следовать стратегии выживания. Стратегия выживания, как хорошо известно из отечественной истории 1990-х гг., не гарантирует развития организации, а часто приводит как раз к ее деградации.

Список литературы

- Горяинова Л.В. Инфраструктурные услуги в концепции опекаемых благ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 6. С. 43–47.
- Гресько А.А., Рахманова М.С., Солодугин К.С. Отношенческий подход и стейкхолдерская концепция как теоретические основы разработки новых методов стратегического управления

- вузом // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4.
- Гусева А.А. Маркетинговый аспект в разработке стратегии вузов // Вестник Чуваш. ун-та. 2007. № 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/marketingovyy-aspekt-v-razrabotke-strategii-vuzov>.
- Данилина Я.В. Информация и знания как факторы производства // Экономический анализ: теория и практика. 2013. Т. 12. Вып. 2. С. 15–21.
- Катъкало В.С. Место и роль ресурсной концепции в развитии теории стратегического управления (предисловие к разделу) // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 8. Менеджмент. 2003. № 3. С. 3–16.
- Клейнер Г.Б. Ресурсная теория системной организации экономики // Российский журнал менеджмента. 2011. № 3. С. 3–28.
- Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л., Качалов Р.М. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. М.: Экономика, 1997.
- Корчагина Т.В. Новая экономика и мериторные блага // Вестник Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 8. С. 7–15.
- Макаров В.Л., Клейнер Г.Б. Микроэкономика знаний. М.: Экономика, 2007.
- Малютина Т.В. Психологические и психофизиологические особенности развития в юношеском (студенческом) возрасте // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2014. № 2 (126). С. 129–133.
- Нащекина О.Н., Тимошенков И.В. О применении теории стейкхолдеров к анализу деятельности высших учебных заведений // Вестник Нац. техн. ун-та «ХПИ». Темат. вып.: Актуальные проблемы управления и финансово-хозяйственной деятельности предприятия. 2011. № 61. С. 92–99.
- Нонака И., Такеучи Х. Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. М.: Олимп-Бизнес, 2011.
- Павлюткин И.В. Образовательные организации как открытые системы: детерминанты вузовских стратегий в трех организационных популяциях // Вопросы образования. 2007. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/resursnaya-zavisimost-i-institutny-determinanty-vuzovskogo-povedeniya-v-treh-organizatsionnyh-populyatsiyah>.
- Рубинштейн А.Я. К теории рынков опекаемых благ // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Экономика. 2011. № 5.
- Салихов А.В. Высшее образование как общественное благо и диверсификация его финансирования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 5 (38).
- Солодухин К.С. Проблемы применения теории заинтересованных сторон в стратегическом управлении организацией // Проблемы современной экономики. 2007. № 4 (24). URL: <http://www.mecconomy.ru/art.php3?artid=23057>.
- Тамбовцев В. Реформы российского образования и экономическая теория // Вопросы экономики. 2005. № 3.
- Тамбовцев В.Л. Стратегическая теория фирмы: состояние и возможное развитие // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8. № 1. С. 5–40.
- Фаттахов Ф.Г. Разработка и реализация конкурентных стратегий предпринимательских структур на отраслевых рынках мериторных благ: дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2013.
- Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Питер, 2000.
- Cooper T. Edu-business: The hidden presumptions of commercially derived quality management in higher education [Электронный ресурс]. URL: <http://interdisciplinary.net/ati/education/ioe/ioe2/cooper%20paper.pdf>.
- Freeman R.E. Strategic management: A stakeholder approach. Boston, Pitman, 1984.
- Maassen P., Gornitzka A. Integrating two theoretical perspectives on organization adaptation // From the Eye of the Storm. Higher Education's Changing Institution. B. Jongbloed, P. Maassen, G. Neave (eds.). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1999.
- Mitchell R.K., Agle B.R., Wood D.J. Toward a theory of stakeholder identification and salience: defining the principle of who and what really counts // Academy of Management Review. 1997. Vol. 22. № 4. P. 853–886.
- Musgrave R.A. The theory of public finance. N.Y., Toronto; L.: McGraw-Hill Book Company Inc., 1959.

- Musgrave R.A. Merit goods // Eatwell J., Milgate M., Newman P. The New Palgrave: A Dictionary of Economics. L.: Basingstoke, 1987.
- Musgrave R.A., Musgrave P.B., Kullmer L. Die öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis. B. 1, 6. Auflage, Tübingen, 1994.
- Penrose E.T. The theory of the growth of the firm. Oxford: Basil Blackwell, 1959.
- Prahalad C.K., Hamel G. The core competence of the corporation // Harvard Business Review. 1990. № 68 (3). P. 79–93.
- Stalk G., Evans P., Shulman L. Competing on capabilities: the new rules of corporate strategy // Harvard Business Review. 1992. March–April. P. 57–69.

Рукопись поступила в редакцию 05.12.2016 г.

MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: ANALYSIS ON THE BASIS OF RESOURCE-COMPETENCE APPROACH

Ya. V. Danilina

Danilina Yaroslava V. – Central Economics and Mathematics Institute Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, yavdanilina@yandex.ru

Internal incentives for modernization of higher education institutions are examined from the point of view of resource-competence approach. The decomposition of the task made it possible, first, to formulate the need to investigate the specifics of the institution as an organization, and secondly, to compare the volume and structure of resources available to the university with the competences it realizes in the external environment. As a result, specific types of resources, abilities and competencies were identified that determine the purpose of their functioning. The study proceeds from the fact that the social importance of higher education institutions initially determines a number of opportunities

and constraints that society must control. Universities are non-commercial organizations, which are characterized by high resource dependence and the need for strong ties with their holders. It is established that since the university attracts as the main resource, possesses as capabilities and realizes in the external environment knowledge in various forms as competencies, it must also be a participant in creating special economic relations in the society with respect to this economic good. It is shown that education refers to the so-called meritorious benefits guarded by the state, the importance of which will increase, as they directly influence the formation of one of the main factors of the knowledge economy – human capital. Based on the results of the analysis of the structure and features of the resources attracted by higher education institutions, and also claimed in the knowledge-based economy, the following conclusion has been made: the necessary condition for the modernization of high school is the development of their abilities to manage knowledge (both in the internal and external environment of the organization), relations with stakeholders and manage organizational changes.

Keywords: modernization of education, strategy of modernization, resources, competencies, abilities, stakeholders, knowledge management, change management, higher educational institutions.

JEL: D20, H40, I21.

References

- Cooper T. Edu-business: The hidden presumptions of commercially derived quality management in higher education. URL: <http://interdisciplinary.net/ati/education/ioe/ioe2/cooper%20paper.pdf>.
- Danilina Ya.V. (2013). Information and knowledge as production factors. *Economic Analysis: Theory and Practice*, vol. 12, iss. 2, pp. 15–21 (in Russian).
- Erikson E.H. (1950). Childhood and society. N.Y., Norton (in Russian).
- Fattakhov F.G. (2013). Development and implementation of competitive strategies of entrepreneurial structures in the industry markets of meritorious goods. Diss. To the soot. ... cand. Econ. Sciences. Kazan (in Russian).

- Freeman R.E. (1984). Strategic management: A stakeholder approach. Boston, Pitman.
- Goryainova L.V. (2015). Infrastructure services in the conception of subsidized goods. *Theory and Practice of Social Development*, no. 6, pp. 43–47 (in Russian).
- Gresko A.A., Rakhmanova M.S., Solodukhin K.S. (2012). The relational approach and stakeholder concept as the framework for the new university strategic management methods development. *Modern Problems of Science and Education*, no. 4 (in Russian).
- Guseva A.A. (2007). Marketing aspect in developing the strategy of universities. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, no. 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/marketingovyy-aspekt-v-razrabotke-strategii-vuzov> (in Russian).
- Katkalo V.S. (2003). The place of resource-based concept in strategic management theory development. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management Series*, no. 3, pp. 3–16 (in Russian).
- Kleiner G.B. (2011). The resource-based view and the system organization of economy. *Russian Management Journal*, no. 3, pp. 3–28 (in Russian).
- Kleiner G.B., Tambovtsev V.L., Kachalov R.M. (1997). An enterprise in an unstable economic environment: Risks, strategies, security. Moscow, *Economica* (in Russian).
- Korchagina T.V. (2010). New economy and merit goods. *Tambov University Review. Series Humanities*, no. 8, p. 7–15 (in Russian).
- Maassen P., Gornitzka A. (1999). Integrating two theoretical perspectives on organization adaptation. From the Eye of the Storm. Higher Education's Changing Institution. B. Jongbloed, P. Maassen, G. Neave (eds.). Dordrecht, Kluwer Academic Publishers.
- Makarov V.L., Kleiner G.B. (2007). Microeconomics of knowledge. Moscow, *Economica* (in Russian).
- Malyutina T.V. (2014). Psychological and psychophysiological peculiarities of adolescence (student age) development. *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*, no. 2 (126), pp. 129–133 (in Russian).
- Mitchell R.K., Agle B.R., Wood D.J. (1997). Toward a theory of stakeholder identification and salience: defining the principle of whom and what really counts. *Academy of Management Review*, vol. 22, no. 4, pp. 853–886.
- Musgrave R.A. (1959). The theory of public finance. N.Y., Toronto, L., McGraw-Hill Book Company Inc.
- Musgrave R.A. (1987). Merit goods. Eatwell J., Milgate M., Newman P. The New Palgrave: A Dictionary of Economics. L., Basingstoke.
- Musgrave R.A., Musgrave P.B., Kullmer L. (1994). Die öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis. B. 1, 6. Auflage, Tübingen.
- Nashchekina O.N., Timoshenkov I.V. (2011). On the application of the theory of stakeholders to the analysis of the activities of higher education institutions. *Bulletin of NTU "KhPI". Series: Actual problems of management and financial and economic activity of the enterprise*, no. 61, p. 92–99 (in Russian).
- Nonaka I.H., Takeuchi H. (1995). The Knowledge-creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation. N.Y., Oxford, Oxford University Press.
- Pavlyutkin I.V. (2007). Resource dependence and institutions: Determinants of college behavior in three organizational populations. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*, no. 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/resurnaya-zavisimosti-institutov-determinanty-vuzovskogo-povedeniya-v-treh-organizatsionnyh-populyatsiyah> (in Russian).
- Penrose E.T. (1959). The theory of the growth of the firm. Oxford, Basil Blackwell.
- Prahalad C.K., Hamel G. (1990). The core competence of the corporation. *Harvard Business Review*, no. 68 (3), pp. 79–93.
- Rubinshtein A.Y. (2011). To the theory of the markets of the sponsored blessings. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzby narodov. Seria Ekonomika*, no. 5, pp. 298–307 (in Russian).
- Salikhov A.V. (2009). Degree as public benefit and diversification of its financing. *National interests: Priorities and security*, no. 5 (38) (in Russian).
- Solodukhin K.S. (2007). The problems of applying stakeholder theory in the strategic management of an organization. *Problems of Modern Economics*, no. 4 (24). URL: <http://www.mecconomy.ru/art.php3?artid=23057> (in Russian).

-
- Stalk G., Evans P., Shulman L. (1992). Competing on capabilities: The new rules of corporate strategy. *Harvard Business Review*, March–April, pp. 57–69.
- Tambovtsev V. (2005). Economics and reforms of Russia's education. *Voprosy Ekonomiki*, no. 3 (in Russian).
- Tambovtsev V.L. (2010). The strategic theory of the firm: the state and possible development. *Russian Management Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 5–40 (in Russian).

Manuscript Received 05.12.2016

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОПЛАТЫ ТРУДА И ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОМПАНИЙ

*Р.В. Губарев, Е.И. Дзюба,
Ф.С. Файзуллин*

Исследование посвящено повышению эффективности управления на корпоративном уровне с позиции управляющей подсистемы. Выдвигается и доказывается гипотеза об отсутствии в современной России (на примере нефтегазового сектора национальной экономики) прямой и сильной зависимости уровня оплаты труда менеджмента от эффективности управления государственными компаниями. Следствием подобной ситуации является низкая мотивация менеджмента к эффективному управлению коммерческими организациями, подконтрольными государству. По мнению авторов, кардинально изменить ситуацию возможно за счет разработки и внедрения методики определения экономически обоснованного вознаграждения менеджмента государственных компаний. Процесс разработки и применения соответствующей методики осуществляется в несколько последовательных этапов: 1) формируется система частных ключевых показателей эффективности (КПЭ) (при необходимости их значения нормализуются); 2) опреде-

© Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С.,
2017 г.

Губарев Роман Владимирович – к.э.н., доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, gubarev.roma@yandex.ru

Дзюба Евгений Иванович – эксперт Отделения Общероссийского народного фронта в Республике Башкортостан, Уфа, intellectRus@yandex.ru

Файзуллин Фаниль Саитович – д.фил.н., профессор, главный научный сотрудник Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, philosugatu@mail.ru

ляются значения весовых коэффициентов для системы частных КПЭ методом экспертных оценок; 3) на основе расчета интегрального (обобщающего) показателя эффективности деятельности хозяйствующего субъекта осуществляется количественная оценка эффективности управления государственными компаниями; 4) проводится кластеризация хозяйствующих субъектов в зависимости от уровня эффективности управления на основе качественной интерпретации результатов ранее проведенной количественной оценки; 5) с помощью экономико-математического моделирования (теории игр) разрабатывается прогрессивная шкала: интегральный (обобщающий) показатель эффективности деятельности госкомпаний – уровень премирования менеджмента хозяйствующего субъекта и 6) рассчитывается экономически обоснованный объем премирования менеджмента государственных компаний. Разработка прогрессивной шкалы является «ядром» методики, которая призвана, с одной стороны, обеспечить «заинтересованность» топ-менеджеров в эффективном управлении государственными компаниями, а с другой – способствовать экономному (рациональному) использованию фонда их премирования.

Ключевые слова: эффективность управления, государственные компании, менеджмент, вознаграждение правления, премии, нефтегазовый сектор, чистая прибыль.

JEL: D73, L32, M21, M54, P11.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время экономика РФ находится под гнетом секторальных санкций, введенных США и странами ЕС в связи с событиями на Украине. С учетом сырьевой направленности отечественной экономики и неблагоприятного изменения цен на энергоносители на мировых рынках актуализируется вопрос обеспечения эффективности производственно-хозяйственной деятельности государственных компаний, прежде всего, функционирующих в нефтегазовом секторе страны. В свою очередь, обеспечить эффективность деятельности госкомпаний в условиях рыночной экономики можно за счет

мотивации их руководства путем «привязки» уровня оплаты труда к результатам деятельности хозяйствующего субъекта. Об актуальности обозначенной проблемы прямо говорится первым лицом страны. Так, В.В. Путин в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию указывает на то, что «... во всех компаниях, где государству принадлежит более 50% акций, должны быть внедрены ключевые показатели эффективности... оплата труда руководства госкомпаний должна прямо соотноситься с достигнутыми результатами и экономическими реалиями...»¹. В связи с вышесказанным цель нашего исследования – установить, является ли экономически обоснованным вознаграждение менеджмента российских нефтегазовых государственных компаний? И при отрицательном ответе предложить решение проблемы.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМИ НЕФТЕГАЗОВЫМИ КОМПАНИЯМИ

Управление государственными компаниями предполагает постоянный мониторинг эффективности их деятельности. Если рассматривать государственную компанию в качестве открытой сложной социально-экономической системы, то воздействие управляющей подсистемы на управляемую в конечном итоге выражается в изменении основных показателей деятельности хозяйствующего субъекта. Роль эффективного управления государственной компанией мы раскроем на примере ПАО «Газпром» и ПАО НК «Роснефть». Выбор компаний здесь совсем не случаен: обе компании занимают лидирующие позиции не только на российском, но и мировом рынке газа, неф-

¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному собранию РФ на 2015 год [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>.

ти и продуктов ее переработки. Так, в 2015 г. доля ПАО «Газпром» составила 11% мирового и 66% российского объема добычи газа. Доля ПАО НК «Роснефть» в тот же год составила 5,4% мирового и 38% российского объема добычи нефти, а также 30% отечественного рынка переработки нефти. Методической основой экспресс-оценки эффективности управления государственными компаниями выступает совокупность различных приемов экономического анализа и прежде всего конкурентного бенчмаркинга. Информационной базой в основном послужили данные годовой отчетности хозяйствующих субъектов, подготовленной в соответствии с МСФО за 2013–2015 гг. Результаты экспресс-оценки эффективности управления нефтегазовыми госкомпаниями в РФ представлены в табл. 1.

Как видно из данных табл. 1, в анализируемом периоде не наблюдалось прямой и сильной взаимосвязи между уровнем оплаты труда менеджмента и эффективностью деятельности ПАО «Газпром» и ПАО НК «Роснефть», что указывает на экономическую необоснованность уровня премирования менеджмента соответствующих российских нефтегазовых государственных компаний в 2013–2015 гг. Следствием чего является низкая «заинтересованность» (материальный мотив) руководства коммерческих организаций, подконтрольных государству, из-за гарантированно высокого уровня вознаграждения вне зависимости от эффективности деятельности таких бизнес-единиц. Попытаемся обосновать такое утверждение. Так, в 2014 г. объем премирования менеджмента (из числа членов правления) в Газпроме был несколько выше, чем в Роснефти, – 1494,2 млн и 1210 млн р., или 0,95 и 0,35% чистой прибыли соответственно. При этом существенно выше была эффективность деятельности в Роснефти, а не в Газпроме. На это указывает анализ интегрального показателя эффективности деятельности организаций: он составлял соответственно 7,2 и 2,2%. В 2013–2014 гг. по объективным причинам наблюдалось резкое снижение эффективности деятельности

Газпрома. Значение соответствующего интегрального показателя снизилось с 15 до 2,2. Однако объем премирования менеджмента (из числа членов правления) организации не только не снизился, а, наоборот, существенно вырос – с 715,5 млн до 1494,2 млн р., т.е. более чем в два раза. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Роснефти. Так, объем премирования руководства Роснефти в 2015 г. существенно (в 1,7 раза) превысил значение 2014 г. (соответственно 2006,8 млн и 1210 млн р.). При этом эффективность деятельности организации не только не осталась на прежнем уровне, но даже несколько снизилась. Так, интегральный показатель эффективности деятельности Роснефти в 2014 г. составлял 7,2%, в 2015 г. – уже только 6,4%. Возникает вопрос: а что явилось основанием для увеличения объемов премирования правления Роснефти в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом?

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости разработки и внедрения методики определения вознаграждения менеджмента государственных компаний «по результатам», базирующейся на системе ключевых показателей эффективности (КПЭ).

СИСТЕМА ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ МЕНЕДЖМЕНТА РОССИЙСКИХ НЕФТЕГАЗОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОМПАНИЙ

Особенности системы вознаграждения менеджмента российских госкомпаний достаточно полно отражены в корпоративных документах, регламентирующих процесс определения размера оплаты труда руководства в ПАО «Газпром» и ПАО НК «Роснефть». Система годового бонуса распространяется на руководящих работников ПАО «Газпром» и основных дочерних обществ и предусматривает использование единых принципов и подходов к премированию, основанных на оценке результатов их деятельности, путем установ-

Таблица 1

Экспресс-оценка эффективности управления российскими нефтегазовыми государственными компаниями

Показатель	Газпром			Роснефть		
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Активы, млрд р.	12 696,5	14 306,9	16 114,8	5754,5	8137	9187
Собственный капитал, млрд р.	9057,2	9877,2	10 517,3	2743,5	3023	2905
Доля собственных средств, %	71,3	69,0	65,3	47,7	37,2	31,6
Среднесписочная численность работников, тыс. человек	445,4	459,6	461	197,1	238,5	255,2
Расходы на оплату труда (текущие), млрд р.	440,1	485,5	554,5	144	178	195
Среднемесячная заработная плата работника, тыс. р.	82,4	88,0	100,2	60,9	62,2	63,7
Средняя численность правления, человек	17	17	17	11	11	10
Вознаграждение правления, млн р.	1780,1	2499,2	2703,3		2797,6	3682,8
в том числе:						
заработная плата	814,5	950,3	1429,3		743,7	682,1
премии	715,5	1494,2	1155,3		1210	2006,8
Среднемесячное вознаграждение менеджера из правления, млн р.	8,7	12,3	13,3		21,2	30,7
Соотношение среднего уровня оплаты труда менеджера из правления и работника организации	106	139	132	×	341	482
Доля в денежном вознаграждении менеджера из правления, %						
в том числе:						
заработной платы	45,8	38,0	52,9		26,6	18,5
премии	40,2	59,8	42,7		43,3	54,5
Прибыль до налогообложения, млрд р.	1486,1	306,8	925,2	632	478	460
Чистая прибыль, млрд р.	1165,7	157,2	805,2	551	350	356
Экономическая (общая) рентабельность, %	11,7	2,1	5,7	11,0	5,9	5,0
Рентабельность собственного капитала, %	12,9	1,6	7,7	20,1	11,6	12,3
Интегральный (обобщающий) показатель эффективности деятельности организации, %	15,0	2,2	7,9	15,1	7,2	6,4
Уровень премирования менеджеров из правления, % (от чистой прибыли)	0,06	0,95	0,14	×	0,35	0,56

Примечание. Показатель рассчитывается исходя из соответствующей методики; × – отсутствие данных о вознаграждении менеджмента из правления ПАО НК «Роснефть» в 2013 г.

ления зависимости размера вознаграждения от итогов достижения КПЭ. Общий бонусный фонд определяется на основании общекорпоративных КПЭ (табл. 2), характеризующих результаты работы ПАО «Газпром» и его дочерних обществ по наиболее важным направлениям деятельности.

Как видно из данных табл. 2, общекорпоративные КПЭ Газпрома подразделяются на две группы: 1) финансово-экономические

(не более семи показателей с общим весом до 70% суммы весов всех КПЭ) и 2) отраслевые, учитывающие специфику деятельности компании (не более четырех показателей с общим весом до 50% суммы весов всех КПЭ). Размер годового бонуса руководящих работников ПАО «Газпром» определяется с учетом уровней результативности по каждому КПЭ. При невыполнении КПЭ размер годового бонуса снижается. Начиная с 2015 г. целевые

Таблица 2
Общекорпоративные КПЭ в системе
годового бонуса ПАО «Газпром»

Наименование КПЭ	Весовой коэффициент КПЭ при расчете бонуса за отчетный период, %	
	2014 г.	Начиная с 2015 г.
Финансово-экономические КПЭ		
Удельные затраты по бизнес-сегменту «Добыча»	20	15
Удельные затраты по бизнес-сегменту «Транспортировка»	20	15
Рентабельность акционерного капитала	×	20
Снижение затрат на приобретение товаров (работ, услуг)	20	5
Рентабельность инвестиций акционеров	×	10
Производительность труда*	×	5
Отраслевые КПЭ		
Объем продаж газа в натуральном выражении	20	15
Ввод приоритетных производственных объектов	20	15

* Включен решением Совета директоров ПАО «Газпром» в перечень КПЭ системы годового бонуса в 2015 г.

(планируемые) и фактические значения КПЭ подлежат ежегодному утверждению советом директоров ПАО «Газпром». В случае невыполнения по итогам года установленных значений КПЭ в начале года менеджмент ПАО «Газпром» представляет совету директоров обоснование причин, повлекших такое отклонение.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время премирование менеджмента в Газпроме хотя и базируется на оценке эффективности управления (КПЭ), однако соответствующая методика не применяется.

Аналогичная ситуация наблюдается и в ПАО НК «Роснефть». Так, годовая премия менеджерам Роснефти рассчитывается на основании выполнения установленных им органами управления компаний коллективных и

индивидуальных показателей эффективности на отчетный период. Решение о выплате годовой премии принимается Советом директоров ПАО НК «Роснефть» по итогам работы компании в отчетном году. Утверждение показателей эффективности и подведение итогов их выполнения осуществляются по следующей схеме: 1) показатели эффективности формируются на основании стратегии развития компании, долгосрочной программы развития, поручений федеральных органов исполнительной власти и задач, стоящих перед организацией в отчетном году; 2) коллективные показатели эффективности деятельности компании и блоков, а также индивидуальные показатели эффективности менеджеров утверждаются Советом директоров ПАО НК «Роснефть»; 3) индивидуальные показатели эффективности руководителей самостоятельных подразделений утверждаются Правлением ПАО НК «Роснефть»; 4) по итогам отчетного года осуществляется расчет выполнения коллективных и индивидуальных показателей эффективности по данным консолидированной финансовой и управленческой отчетности и 5) размер премий для менеджеров утверждается решением Совета директоров ПАО НК «Роснефть», а для руководителей самостоятельных подразделений – Правлением.

По результатам тематического анализа можно сделать вывод, что и в настоящее время процедура премирования топ-менеджеров «по результатам» в двух крупнейших государственных нефтегазовых компаниях страны остается по-прежнему слабо формализованной. Так, отсутствует унифицированный перечень ключевых показателей эффективности (в разрезе секторов) государственных компаний и не разработана соответствующая методика. При этом периодически пересматриваемые в ПАО «Газпром» и ПАО НК «Роснефть» системы КПЭ также не способствуют повышению уровня формализации процедуры премирования топ-менеджеров государственных компаний «по результатам».

Таким образом, наличие системы КПЭ для определения экономически обоснованно-

го размера премирования менеджмента госкомпаний является лишь необходимым, но не достаточным условием. Для выполнения другого условия требуется разработка соответствующей методики с обязательным уточнением системы КПЭ.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ МЕНЕДЖМЕНТА КОМПАНИЙ «ПО РЕЗУЛЬТАТАМ» В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В период с 1950-х до начала 1980-х гг. в США, как и в других экономически развитых странах мира, преимущественно западноевропейских, практически отсутствовала «привязка» уровня оплаты труда менеджмента к эффективности деятельности компаний. За высокие результаты руководство не получало крупных поощрений, как, впрочем, не подвергалось и финансовым санкциям за провалы. Так, в частности, Т. Питерс и Р. Уотермен утверждали, что «излишества в оплате высших руководителей в компаниях-лидерах встречались крайне редко» (Питерс, Уотермен, 1986).

Либерализация национальных экономик благополучных стран мира, начавшаяся в 1980-е гг. в международных масштабах, и последовавшая за ней модернизация в Великобритании, Франции, США и ряде других стран вызвали повышение роли институциональных инвесторов и рост значения рынков капитала. В свою очередь это привело к повышенному спросу на топ-менеджеров, ориентированных на увеличение акционерной стоимости компаний. Далее последовало бурное развитие принципиально новых коммуникационно-информационных технологий. А это наряду с вышеуказанными причинами вызвало изменение структуры рыночного спроса на труд топ-менеджеров, поскольку применяемые для высшего руководства формы компенсации входили в диссонанс с новыми целями компаний. Актуализировался и вопрос применения новых подходов к формирова-

нию системы вознаграждения менеджмента, способствующих достижению компаниями конкурентных преимуществ в условиях быстро изменяющейся внешней среды. В составе компенсационных пакетов топ-менеджеров компаний необходимо выделить появление дополнительных материальных стимулов в виде как денежных средств, так опционов и акций. Достаточно широко используемым инструментом поощрения высшего руководства становится их участие наряду с собственниками в распределении чистой прибыли и формировании капитала компании путем возможности льготного приобретения ее акций (опцион). Применение опциона как инструмента оплаты труда топ-менеджера в условиях развитой рыночной экономики является гарантией его заинтересованности в росте стоимости компании. Исследователь из США Б. Холл считает фондовые опционы наилучшим инструментом оплаты труда высшего руководства компаний. Составляя львиную долю вознаграждения топ-менеджеров, фондовые опционы мотивируют высшее руководство на обеспечение эффективности деятельности компаний в долгосрочной перспективе, т.е. в интересах не только собственников (рост капитализации организаций), но и всего их персонала (повышение заработной платы) (Холл, 2007).

Согласно мнению экономистов, придерживающихся теории предельной полезности, рынок управленческих услуг – успешно функционирующий рынок, а, следовательно, уровень оплаты труда высшего руководства компаний тесно связан с предельной производительностью менеджмента. В этом случае увеличение вознаграждения менеджмента компаний в США и странах западной Европы должно было происходить исключительно в результате роста предельной производительности труда руководства, т.е. в условиях повышения его роли в росте стоимости хозяйствующего субъекта. Однако анализ тематических исследований однозначно свидетельствует об отсутствии тесной прямой зависимости между повышением уровня вознаграждения менеджмента и результатами деятельности

компаний. Так, например, достаточно показательной в данном контексте является научная статья, выполненная на материалах, опубликованных в прессе США в начале 1990-х гг., содержащая результаты сравнительного анализа взаимосвязи доходов ряда американских компаний и уровня вознаграждения их менеджмента. Кратко приведем результаты такого исследования. Так, в частности, у крупнейших компаний США, входящих в список «Форчун – 500», в 1991 г. наблюдалось ухудшение ряда основных финансово-экономических показателей: 1) 1,8%-е сокращение объема реализации продукции; 2) существенное уменьшение объемов реализации у 238 организаций; 3) убыточность деятельности 103 хозяйствующих субъектов (причем у 8 из первой десятки) и 4) 4%-е снижение прибыли. При этом высшее руководство таких компаний в указанный год получило различные премиальные выплаты. Другой пример из того же источника. Так, у компании Chrysler до 1984 г. наблюдалось увеличение прибыли, затем происходило ее снижение, а начиная с 1991 г. ее деятельность вообще стала убыточной. В 1991 г. указанная организация заняла второе место из 500 крупных компаний по темпам сокращения прибыли. Однако ее руководитель Ли Якокка с годовым доходом в размере 20,5 млн долл. возглавил список самых высокооплачиваемых топ-менеджеров США. В 1991 г., несмотря на годовые убытки компании порядка 795 млн долл., ему выплатили вознаграждение в размере 4,8 млн долл. Практически идентичная ситуация наблюдалась по вознаграждению руководителя компании «Хайнц» (Heinz) (Статкус, 1992).

М. Бенц и А. Штуцер путем проверки ряда нижеприведенных гипотез предприняли попытку установить наличие прямой тесной связи между ростом уровня вознаграждения высшего руководства и развитием соответствующих рыночных процессов.

1. Повышение цены на услуги топ-менеджеров в условиях успешно функционирующего рынка является следствием относительной дефицитности или роста

предельной производительности труда менеджмента.

2. Высшее руководство организаций самостоятельно искусственно создает «выгодные» для себя системы оплаты труда, т.е. способствующие достижению определенных их личных целей.

3. Уровень оплаты труда топ-менеджмента компаний формируется под сильным влиянием институциональных ограничений.

В ходе доказательства вышеуказанных гипотез соавторы пришли к выводу, что не увеличение заработной платы и премий является основной причиной роста доходов топ-менеджеров, а опционы. При этом необходимо отметить, что оплата труда высшего руководства компаний в форме опционов сопряжена с повышенными рисками по сравнению с фиксированным денежным вознаграждением. Именно этим обстоятельством М. Бенц и А. Штуцер объясняют более высокий уровень оплаты труда менеджеров компаний по сравнению с остальным персоналом. Поощрение высшего руководства компаний в форме опционов целесообразно в условиях успешно функционирующего рынка, поскольку только в этом случае гарантируется «заинтересованность» менеджмента в росте стоимости организации, а в конечном итоге происходит увеличение предельной производительности управленческого труда. Рост спроса на руководителей, ориентированных на повышение капитализации компании, вызвал дефицит их предложения. А это в свою очередь привело к тенденции усиления динамики уровня вознаграждения топ-менеджмента организаций.

Также необходимо отметить, что в условиях глобализации и развития информационно-коммуникационных технологий произошло обесценение труда менеджеров, не сумевших адаптироваться к таким изменениям внешней среды функционирования компаний, т.е. не обладающих новыми знаниями (компетентностью). С целью привлечь в компанию компетентных руководителей высшего звена компании были вынуждены искать но-

вые перспективные формы оплаты труда для менеджмента. И такая форма вознаграждения руководителей была найдена – опционы, и она стала широко распространенной.

Однако ряд исследований показал, что, несмотря на популярность опционов, их нельзя признать эффективным инструментом поощрения менеджмента компаний. Так, в частности, было установлено следующее: изменение системы вознаграждения руководства организаций только на 5% объясняет вариацию результатов деятельности хозяйствующих субъектов. При этом исследователи также пришли к выводу, что на финансовые результаты деятельности компаний оказывает влияние не только эффективность работы руководителей, но и система внешних факторов (Бенц, Штуцер, 2003). Другое исследование показало следующее: за период с 1990 по 1995 г. вознаграждение менеджмента возросло более интенсивно, чем чистая прибыль компаний, соответственно на 92 и 75% (Хендерсон, 2004).

Для подтверждения второй гипотезы М. Бенц и А. Штуцер проанализировали деятельность 500 крупных компаний США за период с 1992 по 1998 г. В результате чего исследователи пришли к выводу о преследовании высшим руководством организаций своих личных корыстных интересов. Подобное поведение менеджеров проявлялось даже при определении размера зарплаты, учитывающей медианный рыночный уровень оплаты труда руководства сопоставимых по размеру и осуществляющих аналогичные виды экономической деятельности компаний. Высшее руководство сопоставимых компаний с более низким уровнем оплаты труда, обусловленным худшими результатами деятельности организаций, исходя из анализа основных балансовых индикаторов и ряда биржевых показателей получало различные компенсационные выплаты, практически нивелирующие разницу в размере их вознаграждения. Исходя из этого, исследователи пришли к выводу, что заработная плата менеджеров компаний не зависит от производительности их труда,

т.е. рыночный механизм регулирования вознаграждения не действует, в организациях отсутствует также контроль над рациональным использованием фонда оплаты труда руководства (Бенц, Штуцер, 2003).

Одним из способов решения обозначенной проблемы, по мнению ряда зарубежных исследователей, в том числе и экспертов из консалтинговых организаций, является разработка и внедрение систем вознаграждения менеджеров по результатам деятельности компаний, т.е. учитывающих такие основные их финансово-экономические показатели, как выручка, прибыль, добавленная стоимость и т.д. Подобные исследования привели к тому, что доминирующей в экономически развитых странах мира становится концепция Pay for Performance (вознаграждение «по результатам»), предполагающая обязательную «привязку» уровня оплаты труда руководства к результатам деятельности компаний. Так, согласно мнению экспертов международной консалтинговой компании Watson Wyatt, занимающейся анализом состава и структуры компенсационных выплат высшему руководству крупных компаний, принцип оплаты труда менеджеров по результатам деятельности организаций широко распространен в различных развитых странах мира, причем не только в программах кратко-, но и долгосрочного поощрения руководства хозяйствующих субъектов. Однако за рамки отчетов указанной консалтинговой компании выходит определение причинно-следственных связей между результатами деятельности компаний, прежде всего финансовыми, и применяемыми в них мотивационными схемами для высшего руководства. В отчетах лишь доказывается, что уровень вознаграждения менеджмента в более успешных компаниях выше (Милов, 2008).

При этом известны и работы исследователей с полярной точкой зрения. Так, в подобном контексте определенный интерес представляет проведенное учеными из Института организационных и административных наук при Цюрихском университете исследование,

посвященное определению эффективных методов мотивации высшего руководства в условиях оплаты их труда по результатам деятельности компаний. К. Рост и М. Остерло, анализируя основные финансово-экономические показатели сотен тысяч организаций, пришли к выводу о нецелесообразности оплаты труда менеджеров по результатам деятельности компаний, поскольку запланированного эффекта не достигается. Помимо этого, по мнению авторов указанных исследований, оплата высшего руководства по результатам деятельности компаний в перспективе может негативно сказываться на эффективности функционирования организаций (Rost, Osterloh, 2007). Подобные результаты коррелируют с выводами ряда ученых-психологов, утверждающих, что наилучшие результаты деятельности компаниями достигаются в условиях средней интенсивности мотивации их менеджмента (известен как закон оптимума мотивации Йеркса–Додсона). Кратко рассмотрим соответствующий закон. По мнению указанных исследователей-психологов, имеется предельная граница мотивации, с переходом которой, т.е. при дальнейшем повышении заинтересованности руководства компаний, происходит снижение результатов деятельности организаций. Для достижения определенной цели компании, безусловно, требуется достаточная мотивация ее менеджмента. При этом в условиях завышенной мотивации происходит повышение уровня умственного напряжения и физической активности менеджера, что в свою очередь вызывает определенные разлады в поведении руководителя и, как следствие, снижение качества выполняемых управленческих функций.

Необходимо отметить, что влияние менеджмента компаний на процесс определения соответствующей системы вознаграждения ограничено институциональными нормами системы корпоративного управления. К подобным нормам можно отнести: регламентированный порядок формирования советов директоров; обязательное наличие крупного собственника (акционера), контролирующего

рост уровня вознаграждения высшего руководства при благоприятном изменении внешней среды (конъюнктуры рынка), не связанном с деятельностью менеджмента, а также регулирование со стороны исполнительной власти страны.

Анализ системы корпоративного управления на примере США в 1990-е гг. позволяет сделать ряд выводов: менеджеры компаний самостоятельно, пусть и завуалированно, определяют уровень оплаты своего труда, формируют персональный состав советов директоров, а также приглашают «нужных» консультантов в сфере вознаграждения. В США практически невозможно найти члена совета директоров компании реально, а не номинально выдвинутого и избранного собственниками (акционерами) (Статкус, 1992). Принятие нового пакета законов, предполагающих установление ряда ограничений, привело к усилению государственного регулирования оплаты труда менеджмента компаний. Так, в частности, в 1993 г. в США был принят закон о регулировании доходов. Согласно ему вводилось ограничение размера вычетов из компенсационных выплат для высшего руководства компаний и устанавливался предельный размер подобных компенсаций менеджмента организаций с целью определения пенсионных взносов и прибыли от них. Однако разразившиеся в начале XXI в. в США корпоративные скандалы (Enron, WorldCom), вскрывшие мошенничество и манипуляции в сфере формирования данных финансовой отчетности, позволяют сделать вывод о низкой эффективности принятых в 1990-е гг. соответствующих законодательных и нормативно-правовых актов. В связи с этими событиями с целью обеспечения достоверности данных корпоративной финансовой отчетности в 2002 г. в США принимается закон Сарбейнса–Оксли. Согласно ему вводится персонифицированная ответственность менеджмента компаний за достоверность бухгалтерской информации; устанавливается уголовная ответственность высшего руководства организаций за невыполнение положений закона;

регламентируется деятельность внешних аудиторов, а также предусматривается независимая обязательная сертификация системы внутреннего контроля. В 2008 г. в США из-за финансового кризиса регуляторами были разработаны дополнительные меры, направленные на обеспечение прозрачности системы оплаты труда менеджмента компаний. Так, в частности, предусматривалось обязательное раскрытие информации о взаимосвязи системы мотивации высшего руководства, а также о роли советов директоров организаций в сфере управления корпоративными рисками и т.д. с рискованностью деятельности компаний.

Рассмотренные в рамках исследования три гипотезы о причинах достаточно высокого уровня оплаты труда менеджмента организаций позволяют сделать следующие выводы. Рост размеров вознаграждения высшего руководства компаний объясняется не только развитием рыночных процессов. Зачастую менеджеры организаций успешно манипулируют процессом формирования системы собственного вознаграждения, преследуя личные цели. При этом существенное влияние на уровень оплаты труда высшего руководства компаний оказывают следующие факторы: сильная рыночная конкуренция и качество корпоративного управления. Глубокий анализ тематических работ (результатов около 100 эмпирических исследований), посвященных уровню оплаты труда высшего руководства компаний, позволяет сделать вывод о том, что вознаграждение менеджеров «привязано» к размеру (согласно критериям «выручка» и «численность персонала») организаций. Размер компании в большей степени объясняет рост уровня оплаты труда менеджмента организации, чем эффективность деятельности компании (Tosi, Wemer, 2000). К. Фридман и Р. Сакс, изучая теории и детерминанты систем оплаты труда менеджмента организаций, утверждают, что следует различать четыре основных экономических подхода: 1) извлечение управленческой ренты; 2) масштаб деятельности компании; 3) стимулирование и 4) рост ценности владения общими управленческими навыками по сравнению

с конкретными способностями руководителей (Fridman, Saks, 2010). Рассмотрим кратко каждый подход.

Первый подход. По причине недостаточного государственного регулирования корпоративного управления в динамике прослеживается тенденция роста уровня оплаты труда менеджмента организаций. Высшему руководству легко получать ренту в виде поощрений опционами, а собственникам, наоборот, трудно объективно оценивать капитализацию компаний. Следовательно, такая гипотеза строится на том, что в условиях низкоэффективного управления в структуре вознаграждения высшего руководства организаций превалируют легко скрываемые формы стимулирования труда, в частности опционы на акции.

Второй подход базируется на детерминантах норм управляемости, определенных талантах и назначении менеджмента различных компаний на конкурентной основе. При этом наблюдается прямая корреляция между размером организации и ростом компенсационных выплат ее высшему руководству. Такая взаимосвязь указанных показателей обусловлена сильной конкуренцией компаний за талантливых руководителей, повышающей равновесный уровень вознаграждения менеджмента в условиях расширенного воспроизводства и повышенного спроса на компетентных менеджеров со стороны крупных работодателей. Отсюда, согласно такому подходу, должно наблюдаться прямо пропорциональное росту размера компании повышение уровня вознаграждения высшего руководства организации.

Третий подход известен с 1980 г. Он основан на наличии прямой корреляции размера компенсационных выплат менеджменту с уровнем генерируемых при формировании доходов организации предпринимательских рисков. При таком подходе как фиксированная (зарботная плата), так и переменная (поощрительные выплаты) часть вознаграждения руководства компании определяются внутренними (эндогенными) параметрами модели (уровнем

риска, затратами, а также погрешностью вычислений). В элементарном варианте модели заложено следующее: нормальный расчет показателей деятельности; неизменное абсолютное неприятие риска в качестве функции полезности для постоянной части вознаграждения менеджмента компаний; рост в структуре оплаты труда высшего руководства организаций поощрительных выплат (переменной части). Отсюда в перспективе ожидается снижение доли заработной платы (постоянной части) в составе вознаграждения менеджмента компаний в условиях «привязки» уровня оплаты труда высшего руководства к результатам деятельности организаций.

Четвертый подход. Согласно такому подходу повышение уровня оплаты труда менеджмента компании объясняется ростом ценности в организации общих управленческих навыков по сравнению с конкретными способностями руководителей. В этом случае необходимо устанавливать пониженный уровень оплаты труда менеджменту организации до момента, пока их управленческие навыки не станут более общими.

При этом необходимо отметить, что перечень вышеприведенных подходов не является исчерпывающим. Так, в частности, в зарубежных исследованиях встречаются следующие теоретические подходы к вознаграждению высшего руководства компаний: влияние консультантов, мотивационные модели, теории агентств и ориентация на рынок.

На основе рассмотренных тематических исследований зарубежных авторов можно сделать вывод о доминировании в развитых странах мира экономических подходов к определению уровня вознаграждения менеджмента компаний, основанных на теориях предельной полезности, человеческого капитала и агентских соглашениях. При этом основными факторами, влияющими на уровень оплаты труда высшего руководства организаций, являются извлечение управленческой ренты, уровень предпринимательских рисков, размеры и вид экономической деятельности хозяйствующих субъектов, управленческие

навыки менеджеров, а также качество корпоративного управления.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ МЕНЕДЖМЕНТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОМПАНИЙ «ПО РЕЗУЛЬТАТАМ»: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Для определения экономически обоснованного вознаграждения менеджмента государственных компаний необходимо уточнить базовые положения соответствующей методики и область ее применения. Она предназначена прежде всего для расчета вознаграждения менеджмента коммерческих предприятий, подконтрольных государству. Государство в организациях такой категории владеет контрольным пакетом акций, т.е. имеет долю в уставном капитале свыше 50%. При этом под менеджментом государственной компании понимается группа руководителей, включающая президента (председателя правления), членов правления, вице-президентов компании и приравненных к ним лиц (советники председателя правления и его первые заместители). Расчет экономически обоснованного вознаграждения менеджеров коммерческих организаций, подконтрольных государству, предполагает последовательное определение размера заработной платы и премии (рис. 1).

Необходимо отметить, что в настоящее время грейдинговая (ранговая) система оплаты труда (применяется, например, в ПАО АНК «Башнефть») достаточно широко освещена в тематической литературе, иная ситуация – определение экономически обоснованного уровня премирования менеджмента госкомпаний. Поэтому в рамках исследования раскрывается соответствующая методика в части корректного расчета премирования руководства коммерческих организаций, подконтрольных государству.

Ниже в схематичной форме (рис. 2) представлен процесс разработки и примене-

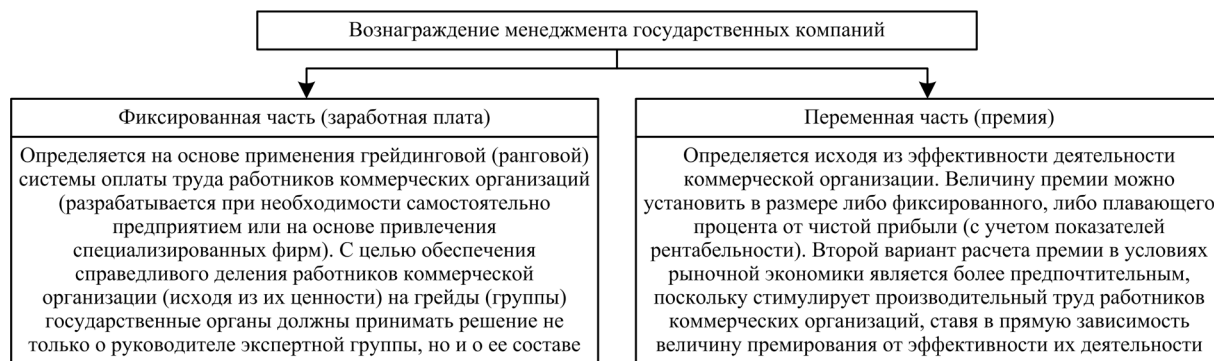

Рис. 1. Вознаграждение менеджмента государственных компаний РФ (предлагаемый вариант)

ния соответствующей методики, реализуемый в несколько этапов. Ниже рассматривается такой процесс. Прежде чем сформировать систему частных КПЭ, уточняется дефиниция «эффективность управления». При этом необходимо отметить, что львиная доля исследований категории «эффективность» в управлении принадлежит зарубежным исследователям. Анализ зарубежной тематической научной литературы (Dolan, Lindsay, 1985; Drucer, 2007; Hahn, Hungenberg, 2001; Mescon, Albert, Khedouri, 1988; Simon, Smithburg, Thompson, 1950) позволяет сделать вывод, что преобладают исследования, базирующиеся на «узкой» трактовке понятия «эффективность управления».

Другое дело, понимание сущности такой категории американским ученым-экономистом Д. Синком, который используют ряд терминов, обозначающих эффективность (Синк, 1989): 1) efficiency – экономичность, определяемая как отношение необходимого расхода ресурсов к фактическому; 2) effectiveness – степень достижения целей системы в сфере качества продукции и выполнения соответствующего плана; 3) productivity – продуктивность, рассчитываемая как отношение объема продукта к соответствующим затратам ресурсов; 4) profitability – рентабельность (прибыльность); 5) innovation – инновации (нововведения) и 6) quality of work life – качество трудовой жизни.

Подобную трактовку понятия «эффективность управления» можно считать расширенной, базирующейся на системном подходе, а следовательно, на наш взгляд, и наиболее точной. Учитывая приведенное выше мнение американского ученого об эффективности управления, применительно к российским нефтегазовым компаниям можно предложить следующую универсальную систему ключевых показателей эффективности (табл. 3).

В настоящее время для хозяйствующего субъекта обеспечение эффективности деятельности достигается путем поиска золотой середины между прибыльностью (рентабельностью), рискованностью, финансовой устойчивостью, а также платежеспособностью и ликвидностью. В связи с этим в табл. 3 в отдельную группу выделены дополнительные КПЭ, характеризующие финансовую устойчивость, ликвидность и платежеспособность компании.

Необходимо отметить, что сформированный перечень КПЭ, учитывающий логическую взаимосвязь, т.е. не допускающий тесно взаимосвязанных показателей и их дублирования, может варьировать по причине уровня «открытости» корпоративной информации. Для компаний, функционирующих в одном нефтегазовом секторе национальной экономики, характерна различная степень полноты «раскрытия» корпоративной информации

Рис. 2. Процесс разработки и применения методики для корректного определения объема премирования менеджмента государственных компаний

о результатах финансово-экономической деятельности, что затрудняет доступ к внутренним отчетам и проведение комплексной оценки эффективности управления по определенной методике для нескольких хозяйствующих субъектов.

В нашем случае КПЭ имеют различные единицы измерения. Поэтому включение показателей в соответствующую методику предполагает предварительную нормализацию их значений. Для этого можно использовать кусочно-линейную функцию преобразования. В этом случае исходное значение показателя x_{kj} переводится в значение нормированной оценки I_{kj} по определенному правилу. Так, если показатель x_{kj} принял значение X из интервала $[X_{\min}; X_{\max}]$, то тогда нормированная оценка I попадает в интервал $[I_{\min}; I_{\max}]$ и мо-

жет быть рассчитана по интерполяционной формуле (Красникова, Кавецкая, 2011):

$$I = I_{\min} + \frac{X - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}} \cdot (I_{\max} - I_{\min}). \quad (1)$$

Как правило, нормированное значение показателя находится в интервале от нуля до единицы. Весовые коэффициенты для каждого частного КПЭ определяются на основе метода экспертных оценок, например метода анализа иерархий. С целью упрощения расчетов в рамках исследования сделано допущение о равнозначности соответствующих частных показателей.

Расчет интегрального показателя эффективности управления государственных компаний, принимающего значения в интервале от нуля до единицы, позволяет делать сопоставимую оценку эффективности деятельности коммерческих организаций, подконтрольных государству, независимо от масштабов их основной деятельности, нивелируя влияние такого фактора, как размер, который возможно определить на основе показателей выручки (нетто) и среднесписочной численности персонала.

Количественную оценку эффективности деятельности хозяйствующего субъекта можно перевести в качественную с помощью метода теории нечетких множеств (например, прямого группового метода или косвенного метода статистических данных) (Каид, 2013). Интерпретация подобной качественной оценки позволяет отнести госкомпанию за данный период времени (предпочтительнее год) к определенному кластеру в зависимости от эффективности ее деятельности, например, с низкой, средней или высокой. Отсюда можно сделать однозначный вывод, что методика также позволяет и объективно (на основе комплексного подхода) оценивать эффективность деятельности коммерческой организации, подконтрольной государству.

«Ядром» методики является прогрессивная шкала: интегральный показатель эффективности деятельности государственной

Таблица 3

Система ключевых показателей эффективности нефтегазовых компаний

Показатель	Формула расчета	Комментарий
Продуктивность (Банк В., Банк С., Тараскина, 2006; Савицкая, 2003)		
Производительность труда, тыс. р./чел.	$ПТ = В/Ч$, где В – выручка от реализации продукции; Ч – среднесписочная численность работников	Характеризует эффективность использования трудовых ресурсов
Фондоотдача, коэффициент	$ФО = В/ОС$, где ОС – средняя стоимость основных средств за период	Отражает эффективность использования основных средств. Показывает, сколько выручки приходится на 1 р. стоимости основных средств
Прибыльность (рентабельность) (Банк В., Банк С., Тараскина, 2006, 2006)		
Рентабельность продаж, %	$R_{пр} = ПП/В \cdot 100\%$, где ПП – прибыль от продаж	Показывает, сколько прибыли приходится на 1 р. реализованной продукции
Общая (экономическая) рентабельность, %	$R_{ж} = ПН/А \cdot 100\%$, где ПН – прибыль до налогообложения; А – средняя стоимость активов за период	Показывает, сколько денежных единиц затрачено предприятием для получения 1 р. прибыли независимо от источников привлечения средств
Рентабельность собственного капитала, %	$R_{ск} = ЧП/СК \cdot 100\%$, где ЧП – чистая прибыль; СК – средняя величина собственного капитала за период	Показывает эффективность использования собственного капитала. Динамика влияет на уровень котировки акций
Инновации (нововведения) (Безруков, Борисов, Безрукова, 2015; Яшин, Мурашова, Карлина, 2013)		
Степень освоения новой продукции, %	$D_{пннов} = В_n/В \cdot 100\%$, где $В_n$ – выручка от продажи новой продукции, изготовленной с использованием новых технологий	Показывает долю инновационной продукции предприятия
Доля работников, занятых в научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах (НИОКР), %	$D_{ниокр} = Ч_{ниокр}/Ч \cdot 100\%$, где $Ч_{ниокр}$ – численность персонала организации, занятого в сфере НИОКР	Характеризует место и роль НИОКР в производственно-хозяйственной деятельности организации
Уровень освоения новой техники, %	$У_{онт} = ОС_n/ОС \cdot 100\%$, где $ОС_n$ – стоимость новых основных средств (фондов)	Показывает удельный вес новых основных средств предприятия
Степень обеспеченности предприятия интеллектуальной собственностью, %	$С_{ис} = ИС/НМА \cdot 100\%$, где ИС – интеллектуальная собственность компании; НМА – средняя величина нематериальных активов предприятия за период	Показывает удельный вес нематериальных активов, являющихся интеллектуальной собственностью компании
Инновационный потенциал предприятия, %	$И_п = ИП_{иннов}/ИП \cdot 100\%$, где $ИП_{иннов}$ – стоимость инвестиционных проектов инновационного характера; ИП – стоимость инвестиционных проектов предприятия	Показывает удельный вес инвестиционных затрат предприятия в форме инноваций
Качество трудовой жизни (Мудрова, Лантушенко, 2013)		
Среднемесячная заработная плата работника, р./чел.	$ЗП = ФОТ/(Т \cdot Ч)$, где ФОТ – фонд оплаты труда работников организации за период; Т – число месяцев в периоде	Характеризует средний уровень оплаты труда в организации

Показатель	Формула расчета	Комментарий
Коэффициент текучести кадров	$K_t = K_{ув}/Ч$, где $K_{ув}$ – число уволившихся по собственному желанию работников и уволенных за нарушение трудовой дисциплины	Отражает уровень увольнения работников предприятия по собственному желанию и за нарушение трудовой дисциплины
Коэффициент частоты производственного травматизма	$K_{ч} = 1000 \cdot K_{нс}/Ч$, где $K_{нс}$ – число учтенных несчастных случаев, приведших к потере трудоспособности	Показывает число несчастных случаев на производстве за период, приходящееся на 1 тыс. работников предприятия
Дополнительные (финансовая устойчивость, платежеспособность и ликвидность) (Банк, Тараскина, 2006)		
Коэффициент автономии	$K_a = СК/А$	Характеризует независимость от заемных средств. Показывает долю собственных средств предприятия в их общей сумме
Коэффициент текущей ликвидности	$K_{пл} = ОА/КО$, где ОА и КО – соответственно средняя величина оборотных активов и краткосрочных обязательств предприятия за период	Показывает достаточность оборотных средств, которые при необходимости могут быть использованы предприятием для погашения своих обязательств

компании – уровень премирования менеджмента хозяйствующего субъекта, рассчитываемый в процентах от чистой прибыли. Выбор чистой прибыли в качестве базы сравнения при расчете объема премирования менеджмента государственной компании неслучаен, поскольку именно этот показатель в условиях рыночной экономики является главным для коммерческих организаций, определяющих в качестве основной цели извлечение прибыли.

Разработка подобной шкалы предполагается путем применения экономико-математического моделирования (например, теории игр). Такая шкала (LLL-типа) имеет ярко выраженный стимулирующий характер для менеджмента хозяйствующего субъекта, поскольку предполагает при переходе на более высокий уровень эффективности деятельности компании рост интенсивности премирования ее менеджеров. В шкале указывается уровень премирования менеджмента госкомпаний для граничных (например, когда осуществляется переход организации из одного кластера в другой) значений интегрального показателя эффективности их деятельности. Если фактически полученное значение последнего из указанных показателей не совпа-

дает с граничным, то для определения уровня премирования менеджмента хозяйствующего субъекта используется интерполяционная формула. Таким образом, предлагаемый вид шкалы предполагает переменный процент премирования менеджмента госкомпаний.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что подобная методика в конечном итоге способствует одновременному достижению нескольких целей коммерческой организации, подконтрольной государству:

1) позволяет упростить процедуру определения объема премирования менеджмента государственных компаний и в то же время обеспечить объективность принимаемых комитетом по вознаграждениям совета директоров (или наблюдательного совета) соответствующих управленческих решений;

2) призвана реально «заинтересовать» менеджмент государственных компаний в обеспечении эффективности деятельности хозяйствующего субъекта, поставив уровень оплаты их труда в части премирования в прямую зависимость от обеспечения устойчивого социально-экономического развития коммерческой организации;

3) оперативно проводить мониторинг эффективности деятельности хозяйствующе-

го субъекта путем корректного отнесения его к определенному кластеру в зависимости от качественной интерпретации соответствующей количественной оценки.

АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ МЕНЕДЖМЕНТА ГОСКОМПАНИЙ «ПО РЕЗУЛЬТАТАМ»

С целью экспресс-оценки эффективности деятельности компаний в рамках исследования применяются только несколько из вышеуказанных КПЭ, характеризующих прибыльность и финансовую устойчивость хозяйствующих субъектов. В настоящее время существует ряд универсальных показателей, характеризующих рентабельность (прибыльность) деятельности коммерческой организации независимо от основного вида экономической деятельности и нивелирующих масштабы деятельности предприятия. При этом к важнейшим из них, на наш взгляд, можно отнести два показателя: 1) экономическую (общую) рентабельность (определяется как отношение прибыли до налогообложения к активам и характеризует эффективность производственно-хозяйственной деятельности коммерческой организации в целом) и 2) рентабельность собственного капитала (определяется как отношение чистой прибыли к собственным средствам и характеризует эффективность использования собственной ресурсной базы коммерческой организации, играет ключевую роль для собственника при оценке относительной эффективности деятельности бизнес-единицы).

Рентабельность собственного капитала зависит от величины собственного капитала, который, в свою очередь, находится в зависимости от типа проводимой коммерческой организацией политики формирования капитала (соотношения собственных и заемных средств). Чем агрессивнее проводимая вы-

шеуказанная политика, тем меньше удельный вес собственных средств в общей величине источников финансирования коммерческой организации. Основным показателем для оценки финансовых рисков коммерческой организации является коэффициент автономии (определяется как отношение собственных средств к активам). С целью нивелирования воздействия финансовых рисков на значение рентабельности собственного капитала значение $R_{ск}$ приводится в сопоставимый вид (в условиях нормальной доли собственных средств в общей величине источников финансирования деятельности коммерческой организации). Учитывая вышесказанное, расчет интегрального показателя эффективности деятельности коммерческой организации, подконтрольной государству, можно проводить следующим образом:

1) учитывая положение дел в отрасли (секторе экономики):

$$\begin{aligned} I_3 &= k_1 \cdot \frac{R_{эк}}{R_{эк}^н} + k_2 \cdot \frac{R_{ск}^н}{R_{ск}} = \\ &= k_1 \cdot \frac{R_{эк}}{R_{эк}^н} + k_2 \cdot \frac{R_{ск}}{R_{ск}^н} \cdot k_{п} = \\ &= k_1 \cdot \frac{R_{эк}}{R_{эк}^н} + k_2 \cdot \frac{R_{ск}}{R_{ск}^н} \cdot \frac{k_a}{k_a^н}, \end{aligned} \quad (2)$$

где I_3 – интегральный (обобщающий) показатель эффективности деятельности коммерческой организации, коэффициент; k_1 и k_2 – значения весовых коэффициентов, соответственно для показателей $R_{эк}$ и $R_{ск}$ (определяются методом экспертных оценок); $R_{эк}$, $R_{эк}^н$ – значение экономической (общей) рентабельности коммерческой организации, соответственно фактическое и нормативное (например, среднеотраслевое/среднесекторальное); $R_{ск}^н$, $R_{ск}$ и $R_{ск}^н$ – значения рентабельности собственного капитала коммерческой организации, соответственно приведенное, фактическое и нормативное (например, среднеотраслевое/среднесекторальное); $k_{п}$ – коэффициент приведения для $R_{ск}$ (определяется как соотно-

шение фактического значения коэффициента автономии k_a к нормативному k_a^n (принимает дифференцированное значение в зависимости от того, к какой отрасли или сектору экономики относится коммерческая организация));

2) не учитывая положение дел в отрасли (секторе экономики):

$$I_3 = k_1 \cdot R_{\text{эк}} + k_2 \cdot R_{\text{ск}}^n. \quad (3)$$

Как видно, если не применять приемы конкурентного бенчмаркинга, т.е. не сравнивать достигнутые результаты деятельности компании с другими организациями-конкурентами, формула (2) для определения интегрального показателя эффективности деятельности коммерческой организации трансформируется в формулу (3) и расчет упрощается.

Результаты расчета экономически обоснованного вознаграждения менеджмента ПАО «Газпром» для 2014 г. на основе применения соответствующей методики представлены в табл. 4.

Таблица 4
Размер вознаграждения менеджмента
ПАО «Газпром» «по результатам» в 2014 г.

Показатель	Газпром	Роснефть
Уровень премирования менеджеров из правления (Π_n), % (от чистой прибыли)	0,10	0,35
Годовое вознаграждение правления, млн р.	1168,0	2797,6
в том числе:		
заработная плата	950,3	743,7
премия	163,0	1210
Структура вознаграждения правления (удельный вес), %		
в том числе:		
заработная плата	100	100
премия	81,4	26,6
премия	14,0	43,3
Численность правления, чел.	17	11
Среднемесячное вознаграждение менеджера из правления, млн р.	5,7	21,2

Сделаем необходимые пояснения к данным, представленным в соответствующей таблице, т.е. охарактеризуем условия проведения расчета I_3 и последующего экономически обоснованного (относительно вознаграждения руководства ПАО НК «Роснефть») уровня оплаты труда менеджмента ПАО «Газпром» на примере 2014 г.:

1) по вышеуказанным причинам значение I_3 определяется по формуле (3);

2) при условии равнозначности показателей $R_{\text{эк}}$ и $R_{\text{ск}}$ $k_1 = k_2 = 0,5$;

3) для определения сопоставимого значения $R_{\text{ск}}$ нормативное значение k_a принимается в размере 0,5;

4) по причине отсутствия разработанной прогрессивной шкалы для таких показателей, как I_3 и Π_n , за эталон сравнения в рамках исследования принимается уровень премирования менеджеров из правления ПАО НК «Роснефть» в 2014 г., скорректированный для ПАО «Газпром» на соотношение интегральных показателей эффективности деятельности организаций;

5) фигурирует «усеченный» состав менеджеров (только входящие в правление) по причине отсутствия других необходимых данных по коммерческой организации в свободном доступе (раскрываются исключительно во внутренних отчетах).

Далее оценим влияние применения методики на изменение ряда показателей, связанных с оплатой труда работников (и прежде всего менеджмента) ПАО «Газпром» в 2014 г. (табл. 5).

Как видно из данных таблицы, на основе применения методики расчетным путем был установлен объем премирования менеджмента (правления) ПАО «Газпром», «привязанный» к эффективности деятельности компании.

Расчет и последующий анализ соответствующих показателей до и после применения методики однозначно указывают на существенно завышенные выплаты премий (относительно ПАО НК «Роснефть»), а следовательно, и на экономически необоснованный

Таблица 5

Оценка влияния применения методики на изменение уровня оплаты труда работников ПАО «Газпром» в 2014 г.

Показатель	Газпром		Отклонение (расчет к факту)	
	факт	расчет	абсолютное	относительное, %
Уровень премирования менеджеров из правления, % (от чистой прибыли)	0,95	0,10	–0,85	–89,1
Годовое вознаграждения правления, млн р.	2499,2	1168,0	–1331,2	–53,3
в том числе:				
заработная плата	950,3	950,3	0	0
премия	1494,2	163,0	–1331,2	–89,1
Структура вознаграждения правления (удельный вес), %				
в том числе:				
заработная плата	38,0	81,4	43,3	114,0
премия	59,8	14,0	–45,8	–76,7
Численность правления, человек	17	17	0	0
Среднемесячное вознаграждение менеджера из правления, млн р.	12,3	5,7	–6,5	–53,3
Среднесписочная численность работников, тыс. чел.	459,6	459,6	0	0
Годовой фонд оплаты труда, млрд р.	485,5	484,2	–1,3	–0,3
Среднемесячная заработная плата работника, тыс. р.	88,0	87,8	–0,2	–0,3
Соотношение среднего уровня оплаты труда менеджера из правления и работника организации	139	65	–74	–53,1

перерасход вознаграждения топ-менеджеров (из правления) ПАО «Газпром» в 2014 г. Применение методики в ПАО «Газпром» по данным указанного года приводило к экономии фонда оплаты труда работников организации на сумму порядка 1,3 млрд р.

Помимо этого, корректный расчет вознаграждения менеджмента указанной коммерческой организации в нашем случае вызывал и снижение искусственно сформированного «отрыва» вознаграждения менеджеров госкомпаний от среднего уровня оплаты труда ее работника: со 139 до 65 раз.

ВЫВОДЫ

Эмпирическим путем было установлено, что в настоящее время не прослеживается прямая сильная связь между уровнем возна-

граждения менеджмента и эффективностью деятельности российских нефтегазовых государственных компаний. При этом необходимо отметить, что в экономически развитых странах мира доминирующей концепцией является вознаграждения менеджмента «по результатам».

В РФ только предпринимаются определенные шаги в сфере установления экономически обоснованного вознаграждения высшего руководства коммерческих организаций подконтрольных государству. Так, поощрение менеджмента в российских госкомпаниях осуществляется исходя из достигнутых значений КПЭ. Однако при этом в отечественных коммерческих организациях, подконтрольных государству, отсутствует методика определения размера премий менеджмента. А это обстоятельство наряду с отсутствием унифицированного перечня КПЭ (для организаций из одной отрасли/сектора национальной экономики) не позволяет корректно «привязать» уровень воз-

награждения высшего руководства к эффективности деятельности компании.

Для устранения вышеобозначенной проблемы предлагается разработка и внедрение соответствующей методики. В рамках исследования раскрываются базовые положения такой методики. Предлагаемая методика позволит независимо от масштабов деятельности и формы собственности коммерческой организации корректно определять размер вознаграждения менеджмента хозяйствующего субъекта. Иными словами, фонд оплаты труда менеджмента коммерческих организаций будет использоваться рационально ввиду жесткой «привязки» объемов премирования их руководства к результатам деятельности бизнес-единиц, подконтрольных государству.

Помимо этого такая методика позволит оценивать не только количественно, но и качественно эффективность управления госкомпаний. Так, для каждого количественно выраженного значения эффективности управления (интегрального показателя) можно предусмотреть качественную характеристику – низкое, среднее и высокоэффективное управление и исходя из этого не только принимать адекватные управленческие решения о премировании менеджеров госкомпаний, но и оперативно актуализировать перспективные планы хозяйствующего субъекта в случае развития событий по пессимистическому сценарию (при низкой эффективности деятельности организации).

Список литературы

- Банк В.Р., Банк С.В., Тараскина А.В. Финансовый анализ. М.: Велби: Проспект, 2006.
- Безруков А.А., Борисов А.Н., Безрукова Т.Л. Влияние развития инновационной деятельности на эффективность реализации инновационно-инвестиционных проектов // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2015. Т. 3. № 3. С. 290–294.
- Бенц М., Штуцер А. Почему растет заработная плата менеджеров? // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 5. С. 111–116.
- Каид В.А.А. Методы построения функции принадлежности нечетких множеств // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 2 (139). С. 144–153.
- Красникова А.В., Кавецкая А.В. Интегральная оценка инвестиционной привлекательности предприятия // Конкурентоспособность. Инновации. Финансы. 2011. № 2. С. 82–88.
- Маркина И.А. Методологические вопросы эффективности управления // Финансы Украины. 2000. № 6. С. 24–32.
- Мудрова А.В., Лантушенко Л.С. Анализ качества трудовой жизни (КТЖ) на промышленных предприятиях г. Омска (на примере Открытого акционерного общества «Центральное конструкторское бюро автоматики») // Актуальные вопросы экономических наук. 2013. № 30. С. 157–162.
- Милов Г. Неэффективная мотивация // Ведомости. 2008. 22 января.
- Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления (опыт лучших компаний). М.: Прогресс, 1986.
- Савицкая Г.В. Экономический анализ. М.: Новое знание, 2003.
- Синк Д. Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение. М.: Прогресс, 1989.
- Статкус А. Платят ли в США менеджерам по конечному результату (по страницам американской печати) // Проблемы теории и практики управления. 1992. № 4. С. 113–117.
- Хендерсон Р.И. Компенсационный менеджмент. СПб.: Питер, 2004.
- Холл Б. Что следует знать о фондовых опционах // Раппопорт А., Кон Э., Зендер Э. и др. Системы оплаты труда. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
- Яшин С.Н., Мурашова Н.А., Карлина С.Д. Совершенствование методики оценки уровня инновационной активности промышленных предприятий на основе анализа показателей статистической и финансовой отчетности // Финансы и кредит. 2013. № 18 (546). С. 11–20.

- Dolan E., Lindsay D. Market: Model of microeconomics. N.Y.: Harper & Row, 1985.
- Drucer P. The effective executive. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2007.
- Frydman C., Saks R. Executive compensation: A new view from a long-term perspective, 1936–2005. 2010. URL: <http://rfs.oxfordjournals.org>.
- Hahn D., Hungenberg H. PuK – value-based financial control concepts. Wiesbaden: Gabler, 2001.
- Mescon M., Albert M., Khedouri F. Management. N.Y.: Harper & Row, 1988.
- Rost K., Osterloh M. Management fashion Pay-for-Performance. University of Zurich, IOU Institute for Organizations and Administrative Science. 2007. September 11. URL: <http://ssrn.com/abstract=1028753>.
- Simon H., Smithburg D., Thompson V. Public administration. N.Y.: Knopf A.A., 1950.
- Tosi H., Wemer S., Katz J., Gomez-Mejia L. How much does performance matter? A meta-analysis of CEO pay studies // Journal of Management. 2000. Vol. 26. № 2. P. 301–339.

Рукопись поступила в редакцию 21.02.2017 г.

CORRELATION BETWEEN SALARY AND PERFORMANCE OF TOP-MANAGERS OF STATE-OWNED COMPANIES

R.V. Gubarev, Ye.I. Dzyuba, F.S. Faizullin

Gubarev Roman V. – Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, gubarev.roma@yandex.ru

Dzyuba Yevgeny I. – Department at the Popular front in the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia, intellectRus@yandex.ru

Fayzullin Fanil S. – Institute of Social and Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Ufa Scientific Center, Ufa, Russia, philosugatu@mail.ru

The research is devoted to improving the efficiency of management at the corporate level with the position of the controlling subsystem. Proposed and proved the hypothesis about the absence in modern Russia (on the example of the oil and gas sector of the national economy) a strong direct dependence of the level of remuneration of management the effective management of the company. The effect of this situation is the low degree of motivation management in the effective management of commercial organizations controlled by the state. According to the authors, change can be achieved through the development and implementation of methodology for determining the economically justified remuneration of the management of state-owned companies. The process of development and application of appropriate methodology is carried out in several successive stages: 1) a system of private key performance indicators (KPI). If necessary, is the normalization of their values; 2) the method of expert estimates are determined by weighting factors to corporate KPI; 3) based on the calculation of the integral of the (generalized) indicator of efficiency of activities of an economic entity carried out a quantitative assessment of management efficiency state-owned company; 4) produced a clustering of economic entities depending on the level of management effectiveness based on the qualitative interpretation of the results of previously conducted quantitative evaluations; 5) use of economic-mathematical modeling (game theory) developed progressive scale: the integral of the (generalized) indicator of the efficiency of state-owned companies-the level of bonuses of the management of the business entity and 6) calculated economically justified amount of bonus payments to management of state-owned companies. The development of a progressive scale is a “core” techniques (playing the key role), because, on the one hand, aims to provide “interest” of top managers in the effective management of the state company, and on the other hand support an efficient (rational) use of Fund their bonuses.

Keywords: management efficiency, state-owned companies, management, Board compensation, bonuses, oil and gas sector, net profit.

JEL: D73, L32, M21, M54, P11.

References

- Bank V.R., Bank S.V., Taraskina A.V. (2006). Financial analysis. Moscow, Velbi, Prospectus (in Russian).

- Benz M., Stuter A. (2003). Why increasing the salaries of managers? *Problems of the theory and practice of management*, no. 5, pp. 111–116 (in Russian).
- Bezrukov A.A., Borisov A.N., Bezrukova T.L. (2015). Influence of the development of innovation on the efficiency of implementation of innovative-investment projects. *Actual Directions of Scientific Researches of the XXI Century: Theory and Practice*, vol. 3, no. 3, pp. 290–294 (in Russian).
- Dolan E., Lindsay D. (1985). *Market: Model of micro-economics*. New York, Harper & Row.
- Drucer P. (2007). *The effective executive*. Oxford, Butterworth-Heinemann.
- Frydman C., Saks R. (2010). Executive compensation: A new view from a long-term perspective, 1936–2005. URL: <http://rfs.oxfordjournals.org>.
- Hahn D., Hungenberg H. (2001). PuK – value-based financial control concepts. Wiesbaden, Gabler.
- Hall B. (2007). What you should know about stock options. Rappoport, A., Kon, Ye., Zender, E. etc. *The wage System*. Moscow, Alpina Business books. (in Russian).
- Henderson R.I. (2004). *Compensation management*. Saint-Petersburg, Piter (in Russian).
- Krasnikova A.V., Kavetsky A.V. (2011). Integral estimation of investment attractiveness of enterprise Competitiveness. *Innovation. Finance*, no. 2, pp. 82–88 (in Russian).
- Markina I.A. (2000). Methodological issues of efficiency of management. *Finance of Ukraine*, no. 6, pp. 24–32 (in Russian).
- Mescon M., Albert M., Khedouri F. (1988). *Management*. New York, Harper & Row.
- Milov G. (2008). Ineffective motivation. *Vedomosti*, 22.01 (in Russian).
- Mudrova A.V., Lantushenko L.S. (2013). Analysis of the quality of working life (KTZ) at the industrial enterprises of Omsk (the example of Open joint stock company “Central design Bureau of automatics”). *Actual problems of economic Sciences*, no. 30, pp. 157–162 (in Russian).
- Peters T., Waterman R. (1986). *In search of effective management (the experience of the best companies)*. Moscow, Progress (in Russian).
- Qaid V.A.A. (2013). Methods for constructing membership functions of fuzzy sets. *Izvestiya YUFU. Technical Sciences*, no. 2 (139), pp. 144–153 (in Russian).
- Rost K., Osterloh M. (2007). *Management fashion Pay-for-Performance*. University of Zurich. IOU Institute for Organizations and Administrative Science. September 11. URL: <http://ssrn.com/abstract=1028753>.
- Savitskaya G.V. (2003). *Economic analysis*. Moscow, New knowledge (in Russian).
- Simon H., Smithburg D., Thompson V. (1950). *Public administration*. New York, Knopf A.A.
- Sink D. (1989). *Performance Management: planning, measurement and evaluation, control and improvement*. Moscow, Progress (in Russian).
- Status A. (1992). Whether you pay in the United States managers for the final result (the pages of the American press). *Problems of the theory and practice of management*, no. 4, pp. 113–117 (in Russian).
- Tosi H., Wemer S., Katz J., Gomez-Mejia L. (2000). How much does performance matter? A meta-analysis of CEO pay studies. *Journal of Management*, vol. 26, no. 2, pp. 301–339.
- Yashin S.N., Murashova N.A., Karlina S.D. (2013). Improving the methods of estimation of level of innovative activity of industrial enterprises on the basis of analysis of indicators of statistical and financial reporting. *Finance and credit*, no. 18 (546), pp. 11–20 (in Russian).

Manuscript Received 21.02.2017

Н.С. Зиядуллаев, У.С. Зиядуллаев

В работе дана оценка интеграционным и дезинтеграционным тенденциям на различных этапах становления и развития Содружества Независимых Государств (СНГ). Анализируются региональные объединения внутри СНГ: зона свободной торговли (ЗСТ), Таможенный союз, Союз Беларуси и России, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), ГУАМ², Центральнo-Азиатское сотрудничество (ЦАС). Особое внимание уделяется наиболее успешному интеграционному проекту СНГ – Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), в который входят Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан. Раскрываются особенности его функционирования в условиях внешнеэкономических напряжений. Обоснованы направления преодоления глобальных вызовов и внутренних противоречий стран ЕАЭС, фор-

© Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С., 2017 г.

Зиядуллаев Наби Саидкаримович – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН, Москва, nabi926@mail.ru

Зиядуллаев Улугбек Саидкаримович – к.э.н., старший преподаватель, Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент, Республика Узбекистан, uz2005@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ-ОГОН (проект № 17-02-00403а).

² ГУАМ – региональная организация, созданная в 1997 г. Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдавией (с 1999 по 2005 г. в организацию также входил Узбекистан). Название организации сложилось из первых букв названий входящих в него стран. До выхода Узбекистана из организации именовалась ГУУАМ. Снижение интереса к организации привело к тому, что после 2008 г. встречи стран – членов ГУАМ на высшем уровне не проводились.

мы и механизмы их экономической интеграции, пути создания однотипных механизмов регулирования экономики, проведения согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой и таможенной политики.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), международная интеграция, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Зона свободной торговли (ЗСТ), Таможенный союз (ТС), Единое экономическое пространство (ЕЭП).

JEL: B15, B22, E00, F02, F15, F63.

ВВЕДЕНИЕ

Содружество Независимых Государств (СНГ), возникшее при распаде СССР в декабре 1991 г., является крупным региональным объединением. В его рамках активно взаимодействуют 11 стран, располагающих значительным ресурсным потенциалом. Они занимают 22 млн м² мировой территории (16%), на которой проживает 285 млн человек, или 4% населения земного шара. Странам СНГ принадлежит около трети мировых запасов природного газа, более четверти ресурсов угля и примерно одна десятая мировых запасов нефти. Сегодня страны Содружества добывают 25% мирового объема газа, 16% – нефти, обеспечивают 7% производства электроэнергии. По итогам Глобального раунда международных сопоставлений ВВП на основе паритета покупательной способности валют, согласно (25 лет..., 2016, с. 8), в СНГ было произведено 4,8% мирового валового внутреннего продукта.

В СНГ созданы комфортные условия для суверенизации всех постсоветских стран. Его создание было призвано обеспечить сохранение общего экономического, гуманитарного и оборонного пространства в масштабах бывшего СССР, дать новый импульс развитию многообразных связей между новыми независимыми государствами, сложившихся за долгие годы существования единого народнохозяйственного комплекса.

В 1993 г. был подписан *Договор о создании Экономического союза*. Согласно договору, предполагалось последовательно пройти этапы создания зоны свободной торговли, таможенного, платежного и валютного союза, а также сформировать общий рынок товаров, услуг и капиталов. Но в то время центробежные тенденции оказались сильнее. Волна эйфории от обретения суверенитета не позволила тому поколению лидеров стран СНГ увидеть долгосрочный потенциал интеграции.

Целью исследования настоящей статьи является оценка интеграционных и дезинтеграционных тенденций на различных этапах становления и развития Содружества Независимых Государств (СНГ).

1. ИТОГИ 25-ЛЕТИЯ СНГ

Как полагали основатели СНГ, сложившаяся в рамках СССР экономическая и гуманитарная взаимная зависимость бывших союзных республик, их производственно-технологическая сопряженность, а также многолетний опыт взаимодействия в рамках единого государства будут способствовать развитию сотрудничества стран на основе общепринятых стадий региональной интеграции – зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок товаров, труда и капитала и единый валютный союз – как наивысшая стадия формирования единого экономического пространства. Однако нестандартность и сложность трансформаций экономик в стадии перехода не были учтены и концептуально проработаны. Уже в первые годы деятельности СНГ шли спонтанные процессы становления независимых и равноправных государств. Все они, включая Россию, действовали методом «проб и ошибок».

На развалинах СССР во всех новых суверенных государствах торжествовала эйфория независимости, прошла моментальная национализация бывлой союзной собственно-

сти, наблюдалось горячее стремление самостоятельно выйти на мировой рынок. Новые суверенные государства стали искать партнеров и доноров в зоне развитых стран и в традиционно близких центрах влияния. Началось соревнование за получение внешних льготных кредитов и международной помощи. Выявились явное несоответствие между радужными предположениями и реальным ходом сотрудничества. Во всех странах СНГ резко ухудшилось социально-экономическое положение, а жизненный уровень населения сократился чуть ли не на две трети, значительно уменьшились объемы взаимного товарообмена, что не могло не порождать взаимные упреки и подозрения. Под угрозой финансовой дестабилизации и нарастания кризисных явлений стратегия «прорыва в рынок» сменилась «стратегией выживания». И вот уже 25 лет на территории бывшего СССР идет напряженный поиск оптимального способа сосуществования друг с другом и с остальным миром.

Сотни многосторонних документов, принятых еще в первые годы существования СНГ, а в их числе такие основополагающие, как Договор об Экономическом союзе от 24 сентября 1993 г., Соглашение о создании зоны свободной торговли от 15 апреля 1994 г., Соглашение о создании Платежного союза от 21 октября 1994 г. и др., практически были на деле договоренностями о намерениях, принятыми на самом высшем политическом уровне. Нередко они сопровождались противоречащими им реальными действиями. Не все страны СНГ были готовы реализовывать подписанные соглашения. Украина, Молдова и Туркменистан не ратифицировали Устав СНГ. Ряд стран рассматривали СНГ как инструмент «цивилизованного развода». Вместо укрепления взаимодействия почти все страны продемонстрировали дезинтеграционные тенденции.

Масштабные реинтеграционные проекты оставались на бумаге. Длительное время в официальных заявлениях желаемое по существу выдавалось за действительное. Подписанным документам был свойствен определенный романтизм, который, однако, постепенно

рассеивался по мере того, как деятельность СНГ стала осуществляться во все более плотных тисках геополитических проблем. Кроме того, начали развиваться внутренние дестабилизирующие процессы, практически исчезли горизонтальные связи, обозначился переход к активной дезинтеграции. До конца 1993 г. она сдерживалась использованием рубля как общей денежной единицы. Распад же рублевой зоны и запуск в обращение национальных валют окончательно превратили экономические взаимоотношения стран Содружества в строго межгосударственные со всеми вытекающими последствиями.

Одновременно пришло понимание необходимости строить хозяйственные связи на рыночной основе, соблюдая баланс интересов и принцип экономической целесообразности (Качалов, 2012), отвергая политические препоны интеграции. Экономический спад сужал материальную основу глубоких форм интеграции, и в разгар адаптации национальных экономик к рынку они не могли дать серьезного экономического эффекта (Alchian, 1950; Nelson, Winter, 2000). А угрозу для только что обретенного суверенитета они создавали серьезную. Поэтому потребность в совместном решении многих социально-экономических проблем через интеграцию постепенно возрастала. Полностью развеялась иллюзия самостоятельного процветания какой бы то ни было постсоветской республики в отдельности. Уже в конце 1994 г. была разработана и стала реализовываться концепция «много-ярусной, разноуровневой и разноскоростной интеграции».

Все годы после создания СНГ продолжался напряженный поиск альтернативных интеграционных проектов. В результате некогда единое постсоветское пространство заполнилось рядом внутрирегиональных политических альянсов и экономических группировок. С 1995 г. в СНГ поэтапно сформировался ряд межгосударственных структур и интеграционных объединений, которые стали решать более конкретные цели, – Таможенный союз (1995 г.), Союз Беларуси и России

(1997 г.), переросший в 1999 г. в Договор о создании Союзного государства. В 2000 г. было учреждено Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) в составе Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана – наиболее успешное региональное образование на постсоветском пространстве.

В 1997 г. Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдовой был образован ГУУАМ (в 1999–2005 гг. в организацию входил Узбекистан). Название организации сложилось из первых букв названий входящих в него стран. Однако ряд его участников – Грузия и Украина – не просто игнорировали СНГ, но открыто занимают явно враждебную антироссийскую позицию. Страны-участницы при отсутствии внятных экономических целей объединило стремление совместно противостоять доминированию России и со временем интегрироваться в европейские структуры. Хотя ГУАМ (после выхода Узбекистана) не удалось установить международную правосубъектность, попытки извне оторвать ряд стран (Грузию, Украину) от общего постсоветского пространства в определенной степени удалось.

В разные годы возникали различные формы Центрально-азиатского сотрудничества (ЦАС) (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Россия), которое в 2005 г. объединилось с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС) (2000 г.) и преобразовалось в *Евразийский экономический союз* (ЕАЭС, 2014 г.). В настоящее время в него входят Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан, являющиеся ядром постсоветской интеграции. К ним планирует присоединиться Таджикистан. Продолжает действовать Союзное государство Беларуси и России, но необходимость в этой организации, вероятно, будет отпадать. Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан формально участвуют в СНГ.

Любые попытки сближения с СНГ были куда менее стремительными и энергичными, чем предшествовавший им распад. Как показано ранее (Зиядуллаев, 2002), стремление развернуть интеграцию в рамках Содружества не дало практических результатов. Дра-

матизм интеграционных проектов на постсоветском пространстве состоит в том, что пока не удастся выработать научно обоснованную вразумительную постинтеграционную стратегию. В качестве препятствий выступали и выступают национальные политические и экономические интересы, формируемые в результате сопряжения целей развития стран с глобальными и региональными факторами и ресурсами для их достижения. Заявленные цели – «создание единых экономических пространств» не подкреплялись потребностями национальных экономик в более глубоких формах регионального сотрудничества, а институциональная дивергенция, текущие хозяйственные противоречия и опасения утраты суверенитета опускали высокие интеграционные цели до наиболее приемлемой ступени для всех групп – двусторонних *зон свободной торговли* (ЗСТ) с ограничениями и изъятиями. С самого начала функционирования СНГ между всеми участниками действовали соглашения о ЗСТ, однако только 18 октября 2011 г. договоры о ЗСТ одновременно подписали восемь государств – участников Содружества: Россия, Украина, Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан, Молдова и Таджикистан, договор, регулирующий режим свободной торговли на пространстве Содружества. Эта полицентрическая модель управления интеграционным процессом, когда каждая страна определяет, что ей выгодно исполнять из подписанных соглашений о сотрудничестве, а что нет, отражала некий баланс стимулов и барьеров к сотрудничеству.

За минувшие 25 лет в национальных экономиках стран СНГ произошли коренные преобразования систем и условий хозяйствования: произошел коренной переход от плановой экономики к рыночной, трансформировались отношения собственности – осуществлено разгосударствление экономики и проведена приватизация, расширилось частное предпринимательство – индивидуальная трудовая деятельность, малые предприятия, кооперативы, появились посреднические торговые, сервисные и консалтинговые фирмы.

К сожалению, осуществление таких кардинальных трансформаций по ряду причин не обошлось без серьезных негативных последствий. В частности, в 1991–1998 гг. участники Содружества пережили финансовую дестабилизацию, лавинообразную инфляцию, падение курсов национальных валют и глубокий кризис в реальном секторе экономики (Зоидов, 2007, 2008). Физический объем валового внутреннего продукта за эти годы в целом по СНГ сократился на 41%, промышленного производства – 50, продукции сельского хозяйства – 38, инвестиций в основной капитал – 74%.

С 1999 г. ситуация в экономике стала постепенно улучшаться. Устойчивое наращивание объемов производства продолжалось вплоть до 2008 г., но было приостановлено разразившимся мировым финансово-кредитным кризисом, негативно отразившимся на социально-экономическом развитии стран СНГ (Мировой финансовый кризис..., 2009; Клейнер, 2016; Цветков, Зоидов и др., 2009, 2010). Были предприняты эффективные антикризисные меры, они оживили экономическую активность в Содружестве и наблюдались до 2014 г.

В 2015 г. падение мировых цен на основные виды топливно-энергетических товаров, снижение спроса на них на мировом рынке оказали девальвационное давление на национальные валюты большинства стран СНГ, что предопределило спад в экономике. В результате в целом по Содружеству индекс физического объема валового внутреннего продукта к уровню 2014 г. согласно (25 лет..., 2016, с. 19) составил 97,1%, объем промышленного производства сократился на 3,3%, оборота розничной торговли – на 8,7%, инвестиций в основной капитал – на 6,5%.

В сложных условиях развивалась и внешняя торговля стран Содружества, которое занимает весьма скромное место в международной торговле (Социально-экономическое развитие постсоветских стран, 2012; Внешнеэкономические связи постсоветских стран, 2014) (табл. 1).

Как видно, динамику внешней торговли в СНГ характеризует явная неравномерность, особенно экспорта, который находится в большой зависимости от конъюнктуры мирового рынка. В 1996–2015 гг. общий объем внешнеторгового оборота государств Содружества увеличился (в текущих ценах) в 4,3 раза, или в среднем за год на 7,6%, в значительной мере за

Таблица 1

СНГ и ЕАЭС в международной торговле, млрд долл.

Интеграционные объединения и государства	Годы			
	2000	2005	2010	2015
Экспорт				
СНГ	138,0	328,4	560,9	473,9
ЕАЭС	–	–	485,4	421,5
ОЭСР	4535,7	6478,4	8954,8	9281,2
ЕС–28	2394,7	3976,7	5064,1	5162,3
БРИКС	479,8	1273,2	2485,4	3170,6
США	781,9	907,2	1278,5	1504,6
Китай	249,2	762,0	1578,3	2284,5
Япония	479,3	595,0	769,8	624,9
Импорт				
СНГ	66,3	182,2	375,7	306,4
ЕАЭС	–	–	301,9	252,3
ОЭСР	4910,6	7208,4	9592,9	9874,0
ЕС–8	2441,7	4065,4	5190,9	5012,2
БРИКС	395,9	1034,0	2247,0	2522,2
США	1259,3	1735,1	1969,2	2308,1
Китай	225,0	660,0	1396,2	1680,8
Япония	379,5	515,0	692,4	648,3
Сальдо				
СНГ	71,7	146,2	185,2	167,5
ЕАЭС	–	–	183,5	169,2
ОЭСР	–374,9	–730,0	–638,1	–592,8
ЕС–28	–47,0	–88,7	–126,8	150,1
БРИКС	83,9	239,2	238,4	648,4
США	–477,4	–827,9	–690,7	–803,5
Китай	24,2	102,0	182,1	603,7
Япония	99,8	80,0	77,4	–23,4

Источники: United Nations Monthly Bulletin of Statistics for Mart 2016; Ежемесячный статистический бюллетень Статистического отдела ООН, март 2016 г.

счет роста средних цен при сохранении устойчивой тенденции превышения стоимостного объема экспорта в целом по СНГ по сравнению с показателями импорта, что обеспечивало активный торговый баланс. Так, согласно данным Мирового банка суммарный экспорт превысил импорт в целом по Содружеству в 2000 г. в 2,1 раза; в 2005 г. – в 1,8; в 2010 г. и 2015 г. – в 1,5 раза. Рост экспортных цен во взаимной торговле и их приближение к мировым ценам были общей закономерностью и неизбежным результатом либерализации внешней торговли. В 2014–2015 гг. неблагоприятная ценовая конъюнктура на мировых рынках энергоносителей, сырья и материалов проявилась в снижении объемов взаимной торговли стран Содружества. При этом эту тенденцию не переломило даже вступление ряда стран в Таможенный союз и ЕАЭС. Взаимные торговые отношения по-прежнему базируются на разобщенных связях, которые и до настоящего времени не восстановлены в полном объеме.

В табл. 2 представлены сопоставимые статистические данные, характеризующие социально-экономическое положение стран Содружества в 1991–2015 гг.

За прошедшие годы прослеживается действие нескольких факторов, таких как:

- высокая экономическая и социальная общность и совместимость производственного потенциала, однородность населения;
- самодостаточность и взаимное дополнение национальных экономик;
- незавершенность формирования своей идентичности большинства новых государств;
- значительные институциональные различия между странами при высоком уровне централизации управления, слабость демократических институтов;
- опасение возможных намерений воссоздания в каком-либо формате СССР;
- соприкосновение на западе с ЕС как самой успешной интеграционной группиров-

Таблица 2

Общая характеристика социально-экономического развития государств СНГ, 2015 г.

Страны	Численность населения, млн чел.	Размер ВВП, млрд долл.	Продукция промышленности, млрд долл.	Продукция сельского хозяйства, млрд долл.	Инвестиции в основной капитал, млрд долл.	Внешнеторговый оборот, млрд долл.
ЕАЭС	182,7	1587,1	907,2	109,0	287,3	673,9
в том числе:						
Россия	146,5	1332	790,8	83,0	240,0	530,4
Беларусь	9,5	53,5	44,9	8,4	12,7	57,0
Казахстан	17,7	184,4	66,0	12,4	31,7	75,9
Армения	3,0	10,6	2,8	2,1	1,0	4,8
Кыргызстан	6,0	6,6	2,7	3,1	1,9	5,8
Остальные страны:						
Азербайджан	9,7	52,7	25,4	5,5	15,5	20,6
Молдова	3,6	6,5	2,1	1,4	1,1	6,0
Таджикистан	8,4	7,9	2,0	3,5	1,5	4,3
Туркменистан	6,7	35,7	7,0	4,0	17,1	9,0
Узбекистан	31,0	66,7	59,0	17,6	17,3	21,0
Украина	42,6	90,8	68,7	25,0	11,5	75,6
СНГ в целом	284,7	1847,4	1071,4	166,0	351,3	810,4

Источники: (25 лет Содружеству Независимых Государств..., 2016).

кой мира, на востоке – с самой динамичной и быстро растущей экономикой мира – Китаем.

К настоящему времени СНГ представляет собой сложно структурированную систему с неустойчивой внутренней организацией связей и отношений, серьезно подверженную внешним влияниям и рискам (Качалов, 2012). К сожалению, сегодня СНГ как международная организация имеет очень небольшое число общих точек взаимодействия. В наше время 25-летие СНГ оценивается двояко. С одной стороны, принято считать, как сказано выше, что страны постсоветского пространства не обрели своей самоидентичности, а с другой – есть мнение, что эти новые страны вполне состоялись, обеспечили национальный суверенитет, самоидентификацию и получили признание мирового сообщества, став членами ООН и других международных организаций.

В процессе эволюции и развития выявилось множество объективных и субъективных трудностей и противоречий, в результате чего новые государства оказались мало интегрированы между собой. У каждого из них – собственная парадигма развития, свой уровень понимания демократии и экономических свобод, своя модель перехода к рынку, своя национальная валюта, свое видение моделей вхождения в мировое хозяйство. Специфика развития каждого независимого государства Содружества, существенные различия в современном состоянии национальных экономик, а также несовпадение интересов делают практически невозможной единую модель интеграции, одинаково устраивающую все страны СНГ.

В результате СНГ не стало решающей структурой интеграции постсоветского пространства, сторонам не удалось договориться по широкому спектру интеграционных вопросов из-за имеющихся противоречий и отсутствия полного взаимного доверия. И сейчас Содружество как организация оказалось лишенным реальных властных полномочий, располагает слабой и противоречивой институциональной инфраструктурой и недействительными правовыми инструментами, в ряде

случаев возросли враждебность и несогласованность действий.

СНГ стало дифференцированным, контрастным, конфликтным, а главное – утратившим политическое, экономическое и социальное единство образованием. Хотя в организации приняты документы, свойственные высокоинтегрированным государствам: об экономическом союзе, зоне свободной торговли, платежном и таможенном союзах, – подавляющее большинство этих документов реально не действует. Многие единогласно подписанные договоры и соглашения имеют декларативный, малообязывающий, в лучшем случае рекомендательный характер и отражают бесплодные, формальные решения и бесконтрольность их выполнения, отсутствие реального правового и экономического базиса многостороннего сотрудничества. Сложилось трудноразрешимое противоречие между суверенностью республик и острой потребностью в тесных экономических и гуманитарных связях между ними, эффективностью реинтеграции и отсутствием необходимых механизмов, способных обеспечить увязку интересов стран.

Мир еще не знал такой организации, которая при отсутствии жестких наднациональных структур пыталась бы обеспечить сближение позиций и принятие совместных решений по многим острым вопросам межгосударственных отношений. Центристские тенденции, которым помогает остаточная «советская» идентичность, потенциально больше, чем центробежные. На протяжении всех 25 лет происходят ежегодные регулярные встречи руководителей всех стран СНГ. Можно не входить в те или иные структуры СНГ, быть против создания наднациональных органов, возражать против формирования каких бы то ни было объединений, но никто, включая Украину и Грузию, не отказывается от сотрудничества в целом в двустороннем формате. Очень важно, что удалось сохранить Содружество как общую добровольную консультативную площадку Совета глав государств и правительств.

Сегодня СНГ – форма сотрудничества равноправных независимых государств, признанная международным сообществом региональная межгосударственная организация. Ее отличительными особенностями являются организация взаимодействия практически во всех сферах межгосударственного общения, гибкость механизмов и форматов коллективного сотрудничества. Гибкий механизм организации межгосударственных и межправительственных связей позволяет учитывать разную степень готовности стран к интеграции и предоставляет возможность каждой участвовать в интеграционных процессах в той мере и на тех направлениях, которые отвечают их национальным интересам.

В настоящее время СНГ переживает период адаптации к новым международным вызовам и угрозам. Важнейшей альтернативной основой стратегического развития стран СНГ, рискующих оказаться вытесненными вследствие различных негативных явлений как объективного, так и навязанного им характера на периферию мировой экономики, является развитие нового интеграционного объединения – Евразийского экономического союза, созданного на основе объединительной стратегической идеи в формате закрепления и наращивания имеющихся коллективных экономических преимуществ и предполагающего новые виды экономических свобод.

2. ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Родившийся в недрах Содружества Независимых Государств ЕАЭС – новое международное интеграционное экономическое объединение, договор о создании которого был подписан 29 мая 2014 г. Текст договора состоит из 28 разделов и 118 статей и сопровождается 32 приложениями. ЕАЭС, как подчеркивается в документе, создается для

укрепления экономик стран-участниц и сближения их друг с другом, модернизации и повышения конкурентоспособности стран на мировом рынке. Страны – участницы ЕАЭС берут на себя обязательства обеспечить свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, а также унифицировать регулирование в 19 сферах экономики и осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики – энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте. Начата поэтапная реализация обновленной концепции евразийской интеграции с участием наиболее подготовленных к этому партнеров из числа стран СНГ.

Формально ЕАЭС начал функционировать с 1 января 2015 г., став правопреемником Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), который был своего рода «дорожной картой» развития интеграционного взаимодействия, координации действий его членов при интеграции в мировую экономику и международную торговую систему. ЕврАзЭС прекратил свою деятельность, выполнив свою историческую миссию и обеспечив продвижение Таможенного союза и Единого экономического пространства в ЕАЭС.

Идеология евразийства, которую во второй половине XX в. сформулировали выдающиеся мыслители и политики Л. Гумилев, А. Сахаров, М. Горбачев, Н. Назарбаев, А. Акаев, Ч. Айтматов и др., получила реальное воплощение в идее создания Евразийского экономического союза. Эта идея была выдвинута в 1994 г. Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым во время его выступления в МГУ им. М.В. Ломоносова. Евразийская инициатива получила новый импульс после опубликования Президентом РФ В.В. Путиным в октябре 2011 г. программной статьи «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» (Путин, 2011).

Основными критериями формирования Евразийского союза являются добровольность интеграции, принцип равенства, экономический прагматизм, невмешательство

во внутренние дела друг друга, уважение суверенитета и неприкосновенность государственных границ. Таможенный союз и ЕАЭС открыты для участия в нем других государств, которые разделяют цели этого объединения и готовы принять на себя определенные обязательства. Несмотря на имеющиеся различия, движущим мотивом формирования ЕАЭС является извлечение наибольших выгод в области экономическо-технологического сотрудничества и международной торговли в рамках приоритетов обеспечения экономической безопасности по мере углубления международных связей, возможности перехода от индивидуальных интересов к групповым с целью совместного противостояния внешним экономико-политическим угрозам и внутренним диспропорциям.

ЕАЭС является наивысшей формой интеграции государств – участников СНГ, он добавляет устойчивости в конструкцию Содружества. В основе документа лежит договорно-правовая база Таможенного союза и Единого экономического пространства. Нормы были оптимизированы и приведены в соответствие с правилами ВТО. Доля ЕАЭС в ВВП СНГ составляет 85% и превышает 2,4 трлн долл. (4,5% мирового ВВП). К 2025 г. будет создан единый рынок энергетики и углеводородов, а также финансовый рынок.

Ведущей страной ЕАЭС является Российская Федерация. Как правопреемница СССР и самое крупное государство СНГ, имеющее общие границы с большинством стран Содружества, Россия постоянно инициирует различные формы и механизмы политической, экономической, культурной и оборонной интеграции и стремится создать вокруг себя союз дружественных государств. Фактически Российская Федерация, через которую строится все сотрудничество, удерживает страны Содружества в пространстве взаимодействия и остается консолидирующим ядром интеграции всех постсоветских государств. Поэтому призывы к равноправию отношений могут относиться только к политическим аспектам, что же касается экономического взаимодей-

ствия, то не может быть единого подхода к разномасштабным потенциалам. Россия не должна диктовать свои условия, но не учитывать ее роль тоже нельзя. Возможность работать в России для населения стран СНГ выступает фактором, в каком-то смысле консолидирующим постсоветское пространство. При этом импорт рабочей силы из стран Содружества закрывает заметную часть потребности РФ в рабочей силе разной квалификации.

Отсюда необходимым остается согласование интересов без ущерба для каждой страны, в том числе и России. Реальным инструментом для достижения этой цели может стать ЕАЭС и углубление взаимодействия прежде всего со странами СНГ. Именно это взаимодействие даст возможность России восстановить свое влияние на постсоветском пространстве и мировой арене (Модернизация и экономическая безопасность России, 2016).

Если сравнивать сложившуюся ситуацию с ситуацией в ЕС, то необходимо отметить, что в Европе интегрировались страны с примерно одинаковым и относительно высоким уровнем развития рыночной экономики и демократических институтов, чего не скажешь о странах – участниках интеграции ЕАЭС.

Конечно, ЕАЭС имеет мало общего с Советским Союзом. Речь идет о формировании единого экономического пространства, однотипных механизмов регулирования экономики, основанных на рыночных принципах, а также о применении гармонизированных правовых норм, облегчении ведения бизнеса, проведении согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой и таможенной политики, обеспечивающих свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Логика национального развития всех участников в условиях глобализации объективно предполагает необходимость делегирования части суверенитета наднациональным структурам. Вместе с тем нельзя допускать высокой концентрации в них властных полномочий. Иначе это может привести к размы-

ванию национальных границ и отторжению населения от интеграционных процессов, как это показал референдум (июнь 2016 г.) о выходе Великобритании из ЕС. Любое государство стремится наиболее полно использовать сильные стороны своего геополитического и геоэкономического положения, руководствуясь своими интересами, порой в ущерб партнерам по интеграции. Никто не хочет поступиться принципами национального суверенитета.

Следует отметить, что руководители ряда стран СНГ неоднократно высказывались против неоправданного ускорения интеграции, подчеркивая при этом, что ЕАЭС – экономическое объединение. С одной стороны, все государства СНГ понимают, что их суверенитет гарантирует только Россия, причем в большей степени – в случае их участия в евразийском интеграционном объединении. Это понимание реальности заставляет членов СНГ конструктивно участвовать во всех российских интеграционных проектах.

Перспективы ЕАЭС как глобального центра зависят от множества факторов, но прежде всего от его экономической динамики в сравнении с мировым хозяйством. Позиции ЕАЭС определяются соотношением его доли к совокупной доле всех непосредственно примыкающих к нему центров мировой экономики. Если удельный вес ЕАЭС в мире не изменится в сторону роста, очевидно, будут хуже перспективы наращивания глобального влияния и выше вероятность встраивания стран постсоветского пространства в экономику соседних региональных центров. ЕАЭС будет утрачивать качества центра и превращаться в периферийный промежуток между азиатскими, европейским и североамериканским центрами мировой экономики. Избежать подобной ситуации возможно путем обеспечения темпов экономического роста выше среднемировых, опережающего наращивания взаимных внутрирегиональных связей за счет структурной и технологической модернизации экономики и, конечно, расширения ЕАЭС.

На современном этапе можно и нужно пойти на более тесное связывание простран-

ства ЕАЭС, углубление сотрудничества со всеми странами СНГ, не ожидая их скорого вступления в ЕАЭС. В первую очередь это касается Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и более закрытой страны – Туркменистана, богатой энергетическими ресурсами. Тем более, что все они признают роль и место Москвы в глобальном мире. Ни одна существенная проблема Центральной Азии или Кавказа не может быть решена без участия этих политически весомых и стратегически важных стран. Необходимо срочно перезапустить экономическое сотрудничество, наладить в регионах надежную транспортную сеть, предоставить больше возможностей трудоустройства растущему населению, решить споры вокруг водных, энергетических ресурсов и общих границ. Даже Грузия, формально вышедшая из состава СНГ, продолжает неофициально работать в структурах Содружества.

Осложняет развитие евразийской интеграции то обстоятельство, что она начинается в условиях потенциально длительной хозяйственной рецессии в России и других странах – участницах ЕАЭС, экономика которых в настоящее время весьма уязвима. Участникам ЕАЭС приходится «на ходу» вырабатывать новые механизмы экономического взаимодействия на принципах равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга. При этом заключаемые договоры нередко выглядят как декларации, а не как продуманные экономические решения.

В основу перспектив реинтеграции ЕАЭС и других стран Содружества в глобализирующемся мире лежат следующие принципы:

- обеспечение духовного, правового, информационного и культурного единства народов при максимальном сохранении суверенитета, политической независимости и национальной самобытности каждого государства;
- добровольность участия в интеграционных процессах и полное равноправие стран – участниц СНГ;
- опора на собственный потенциал и внутренние национальные ресурсы, исключе-

ние иждивенчества в экономической и социальной сферах;

- взаимная выгода и кооперация в экономике, включая создание совместных финансово-промышленных групп, транснациональных экономических объединений;

- объединение национальных ресурсов для реализации совместных экономических и научно-технических программ, непосильных для отдельно взятых стран;

- беспрепятственное движение рабочей силы и капитала;

- выработка гарантий взаимной поддержки соотечественников;

- гибкость формирования наднациональных структур, исключающих давление на страны СНГ или доминирующую роль одной из них;

- готовность стран СНГ к уступке части суверенитета в коллективных интересах в области принятия решений по экономическим вопросам;

- объективная обусловленность, согласованная направленность, правовая совместимость проводимых в каждой стране рыночных реформ (Зиядуллаев, 2002; Клейнер, 2016; Модернизация и экономическая безопасность России, 2016; Цветков, Зоидов, 2010 и др.).

Реальная интеграция или хотя бы консолидация большинства стран в рамках Содружества вполне возможна и сейчас, и в перспективе в зависимости от готовности к ней различных государств. Требуется найти механизм межгосударственного взаимодействия, прежде всего в экономической политике. Последующее развитие многосторонних отношений России со странами СНГ может стать вообще неким критерием эффективности российской политики в ближнем зарубежье. Конечно, невозможна единая консолидационная модель интеграции СНГ. Но бороться с примитивизацией национальных экономик и развивать национальный инновационный потенциал невозможно без совместного использования сохранившейся производственной базы, создания условий для ее модернизации и развития.

Разные политические ориентиры государств не являются непреодолимым препятствием для их тесного экономического взаимодействия, поскольку поле интеграционных процессов и выбор инструментов очень широки. Вполне возможна координация экономической политики стран СНГ, взаимоприемлемые условия товарообмена, цивилизованное разрешение спорных хозяйственных проблем и конфликтных ситуаций. Как показано нами (Акаев, Зиядуллаев, 2016), только относительно высокие и устойчивые темпы экономического роста на уровне 5–7% в год позволят успешно решить стратегические задачи: осуществить модернизацию экономики и добиться качественного улучшения жизни населения.

И перед Россией, и перед государствами СНГ стоит задача за счет сложения национальных потенциалов стать активными участниками мировых экономических процессов. Приходит осознание того, что в условиях глобализирующегося мира малые и средние по масштабам страны СНГ могут быть конкурентоспособными только в рамках мощного интеграционного союза, так как снова наступило время «больших игроков и больших пространств». Об этом, в частности, свидетельствует активное продвижение мировыми державами собственных проектов организации постсоветского пространства (Программа «Восточного партнерства» ЕС, Проект «Нового шелкового пути» США, «Политика добрососедства» КНР).

Россия располагает достаточными ресурсами для поддержания своего влияния на всем постсоветском пространстве, в том числе для сохранения международной и региональной стабильности. Поэтому стоит продолжать отрабатывать механизмы взаимодействия в рамках ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, ШОС, равно как и в двухсторонних отношениях. И далее допустимы и оправданы разноуровневые и разнотемпные модели интеграции с учетом национальной экономической и социальной специфики каждого члена Сообщества. Мировой опыт свидетельствует: объединение

усилий на основе системных принципов всегда приносит кумулятивный эффект. ЕАЭС в перспективе может трансформироваться в более широкое торгово-экономическое объединение и стать крупным субъектом мировой экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный этап глобализации характеризуется высочайшей степенью взаимной зависимости стран. Глубинный анализ показывает, что объективные предпосылки, способствующие продолжению экономических отношений между странами СНГ, а в последующем – их более тесной координации, не только сохраняются, но и предопределяют эффективность и необходимость их многостороннего сотрудничества. СНГ имеет исторические, материальные, этнокультурные и идеологические императивы для коллективного встраивания в мировую экономику. При наличии политической воли и умения разглядеть реальные перспективы интеграции можно и должно развивать все выгоды международного разделения труда и взаимовыгодного сотрудничества.

Такой поворот тем более необходим и актуален, что наряду с потребностью развития кооперационных связей между участниками СНГ им вместе предстоит достойно ответить на вызовы современности: глобализацию экономики и новые угрозы национальной безопасности.

Становление новой евразийской интеграции пришлось на период повышения роли регионального сотрудничества на постсоветском пространстве. От результативности ЕАЭС во многом зависит подъем экономики России и всего Содружества Независимых Государств.

Список литературы

- 25 лет СНГ. 1991–2015 гг.: стат. сборник. М.: МСК СНГ, 2016.
- Акаев А.А., Зиядуллаев Н.С. и др. Среднесрочный прогноз динамики развития экономики России // Проблемы прогнозирования. 2016. № 5. С. 37–46.
- Зиядуллаев Н.С. СНГ: Дорога в третье тысячелетие // Проблемы развития и укрепления Содружества / предисл. акад. А.Д. Некипелова. М.: ИСПИ РАН, 2002.
- Зиядуллаев Н.С. Формирование Евразийского экономического союза: риски и шансы в период турбулентности // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 5. С. 3–18.
- Зоидов К.Х. К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике // Экономическая наука современной России. 2008. № 1 (40). С. 35–48.
- Качалов Р.М. Управление экономическим риском: теоретические основы и приложения. М.; СПб.: Нестор-История, 2012.
- Клейнер Г.Б. Экономика. Моделирование. Математика: избранные труды. М.: ЦЭМИ РАН, 2016.
- Мировой финансовый кризис в постсоветских странах: национальные особенности и экономические последствия / под общ. ред. д.э.н. Л.Б. Вардомского. М.: ИЭ РАН, 2009.
- Модернизация и экономическая безопасность России: Т. 6 / под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
- Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.
- Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции. М.: ИЭ РАН, 2014.
- Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия. М.: ИЭ РАН, 2012.
- Цветков В.А., Зоидов К.Х. и др. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития / под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: Финансы и кредит, 2009.

Цветков В.А., Зойдов К.Х. и др. Исследование экономических циклов в странах постсоветского пространства. М.: ЦЭМИ РАН, 2010.

Alchian A.A. Uncertainty, evolution and economic theory // Journal of Political Economy. 1950. Vol. 58. P. 211–221.

Nelson R.R., Winter S.G. An evolutionary theory of economic change. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1982.

Рукопись поступила в редакцию 08.11.2016 г.

25 YEARS OF CIS AND EURASIAN INTEGRATION PROJECTS: EXPECTATIONS, DISAPPOINTMENTS AND PERSPECTIVES

N.S. Ziyadullaev, U.S. Ziyadullaev

Ziyadullaev Nabi S. – Market economy institute Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, nabi926@mail.ru
Ziyadullaev Ulugbek S. – Tashkent State University of Economics, Tashkent, Uzbekistan, uz2005@yandex.ru

In the article, there is given assessment to the integration and disintegration tendencies in different stages of formation and development of CIS. Analyzed regional associations in the CIS – free trade Area (FTA), Customs Union, the Union of Belarus and Russia, Eurasian economic community (EurAsEC), GUAM, Central Asian cooperation (CACO). Special attention is paid to the more successful integration project of CIS – Eurasian economic community, which comprise of Russia, Belorussia, Kazakhstan, Armenia and Kyrgyzstan. Disclosing its features of functioning in conditions of macroeconomic pressures related to strengthening anti-Russian positions in the West. Justified directions to overcome global challenges and internal contradictions of Eurasian economic community and its forms and mechanisms of economic integration. Furthermore, ways of creating similar mechanisms for economic regulations, conducting the consensual taxing, monetary, credit, financial, trade and custom policy.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), international integration, Customs Union (CU), Common Economic Space (CES), Commonwealth of Independent States (CIS), European Union (EU).

JEL: B15, B22, E00, F02, F15, F63.

References

- 25 years of the CIS 1991–2015 (2016). 25 years of the CIS 1991–2015: statistical compilation. Moscow, MSC CIS.
- Akaev A.A., Ziyadullaev N.S. at al. (2016). Medium-term forecast of the dynamics of the development of the Russian economy. Studies on Russian Economic Development, no. 5, pp. 37–46.
- Alchian A.A. (1950). Uncertainty, evolution and economic theory. *Journal of Political Economy*, vol. 58, pp. 211–221.
- Foreign economic relations (2014). Foreign economic relations of post-Soviet countries in the context of Eurasian integration. Moscow, IE RAS.
- Kachalov R.M. (2012). Management of economic risk: Theoretical bases and applications. Moscow, St. Petersburg, Nestor History.
- Kleyner G.B. (2016). Economy. Modeling. Mathematics. Selected works. Moscow, CEMI RAS.
- Modernization and economic security (2016). Modernization and economic security of Russia: Vol. 6. Ed. of Correspondent member at RAS V.A. Tsvetkov. Moscow, St. Petersburg, Nestor History.
- Nelson R.R., Winter S.G. (1982). An evolutionary theory of economic change. Cambridge, Harvard University Press.
- Putin V.V. (2011). A new integration project for Eurasia – the future that is born today. *Izvestia*, 3 Oct.
- Socio-economic development (2012). Socio-economic development of post-Soviet countries: The results of the twentieth anniversary. Moscow, IE RAS.
- The world financial crisis (2009). The world financial crisis in the post-Soviet countries: National characteristics and economic consequences. Ed. L.B. Vardomsky. Moscow, IE RAS.
- Tsvetkov V.A., Zoidov K.Kh. at al. (2009). Post-Soviet economic space: The current state and development prospects. Ed. V.A. Tsvetkova. Moscow, Finance and Credit.

-
- Tsvetkov V.A., Zoidov K.Kh. at al. (2010). Research of economic cycles in the countries of the post-Soviet space. Moscow, CEMI RAS.
- Ziyadullaev N.S. (2002). CIS: The road to the third millennium. *Problems of the development and strengthening of the Commonwealth*. Moscow, ISPI RAS.
- Ziyadullaev N.S. (2015). Formation of the Eurasian Economic Union: the risks and chances in the period of turbulence. *Russian Foreign Economic Bulletin*, no. 5, pp. 3–18.
- Zoidov K.Kh. (2008). To the problem of studying cyclic processes in the Soviet and transitional Russian economy. *Economics of Contemporary Russia*, no. 1 (40), pp. 35–48.

Manuscript Received 08.11.2016

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

факторы развития современного российского общества»;

- член-корреспондент РАН *В.А. Цветков* «Национальная экономическая безопасность России в условиях обострения объективных и инициированных рисков и угроз».

В рамках весеннего Общего собрания членов Российской академии наук 23 марта 2017 г. было проведено и первое в этом году Общее собрание Отделения общественных наук РАН.

Открылось заседание отчетным докладом академика-секретаря, академика *А.А. Кокошина* «О научной и научно-организационной деятельности Отделения в 2016 году».

Результаты работ по отдельным направлениям программы фундаментальных исследований РАН за 2016 г. были изложены в докладах:

- академика *В.В. Ивантера* «Анализ и прогноз долгосрочных тенденций научного и технологического развития: Россия и мир»;

- академика *В.Л. Макарова* «Финансово-правовые механизмы обеспечения прозрачности ведения бизнеса. Социально-математическое моделирование процессов повышения эффективности научных исследований и качества образования»;

- члена-корреспондента РАН *Л.Э. Миндели* «Исследование исторического процесса развития науки и техники в России: место в мировом научном сообществе, социальные и структурные трансформации. Фундаментальные проблемы оценки состояния и перспектив развития российской науки».

Отчеты по разделам Комплексной программы Отделения общественных наук РАН представили:

- академик *В.С. Степин* «Мировоззренческие, социально-политические, правовые, психологические и духовно-нравственные

В.А. Карпинская

11–12 апреля 2017 г. в ЦЭМИ РАН прошел Восемнадцатый всероссийский симпозиум «Стратегическое планирование и развитие предприятий». Форум собрал более 320 представителей научно-экспертного, образовательного и делового сообщества из 33 российских городов и 5 стран ближнего и дальнего зарубежья. В подготовке материалов симпозиума приняли участие около 300 человек. Организаторами форума выступили Секция экономики и Отделение общественных наук Российской академии наук (РАН), Центральный экономико-математический институт РАН, Научный совет ООН РАН «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий», а также ряд высших учебных заведений, российские и международные научные фонды и журналы.

В первый день работы симпозиума состоялись пленарное заседание и заседание круглого стола Научного совета ООН РАН «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий». Доклады, прозвучавшие на пленарном заседании, охватили широкий круг тем, связанных с деятельностью предприятий. Авторы докладов представили анализ проблем в экономике на макро-, мезо- и микроуровнях.

© Карпинская В.А., 2017 г.

Карпинская Венера Абдрахмановна – ведущий инженер
ЦЭМИ РАН, Москва, karpinskaya.venera@gmail.com

Доклад сопредседателя оргкомитета форума, члена-корреспондента РАН, заместителя директора ЦЭМИ РАН Г.Б. Клейнера «Будет ли в России “экономика предприятий”?» был, в частности, посвящен определению типа организационно-экономического драйвера экономики – одной из задач при формировании основных направлений «Стратегии–2030». Периодизация истории развития экономики России в XX – начале XXI в. по такому признаку, как вид основного актора экономики, позволила выявить тенденцию измельчения акторов (государство, отрасли, подотрасли, крупные предприятия, малые предприятия, физические лица). Как отметил докладчик, прогноз, сделанный им в 2004 г., о том, что на следующем этапе развития основными акторами экономики станут предприятия (т.е. экономика станет «экономикой предприятий»), разошелся с действительностью. Функционирование предприятий сегодня невозможно без поддержки различных общественно-политических, социальных систем (партий, движений, ведомств, религиозных организаций, региональных и муниципальных властей и т.п.). Предприятия теряют свою самостоятельность. Усиливается влияние политических решений на деятельность предприятий (доминирование политики над экономикой). Конкуренция предприятий трансформируется в конкуренцию социально-политических систем. Это означает, что в будущем российская экономика станет «экономикой социально-экономических систем», подчеркнул докладчик.

Г.Б. Клейнер сделал следующие выводы.

1. Российским предприятиям как самостоятельным субъектам экономики и социума грозит опасность.

2. В «Стратегии–2030» следует предусмотреть меры по укреплению структуры предприятий как каркаса экономики. Бренды системообразующих предприятий (в отраслевом, региональном, размерностном и организационно-правовом ракурсах) должны получить особый статус и защиту от ликвидации.

3. Одним из средств укрепления структурного каркаса экономики должна стать

система стратегического планирования и управления на всех уровнях и во всех подразделениях экономики.

4. Необходимы меры по институционализации социально-экономических систем всех типов для достижения сбалансированности системной структуры экономики и общества, обеспечения их эффективного эволюционного развития.

6. В рамках системы стратегического планирования и управления необходимо изменение структуры органов принятия стратегических решений с целью представительства в них интересов и возможностей социально-экономических систем как субъектов экономики.

7. Необходимо развивать экономическую теорию на базе системной парадигмы. «Система оптимального функционирования экономики (СОФЭ 2.0)».

8. Необходимо методическое сопровождение системной экономики: системный маркетинг, системный менеджмент, системная координация, системная оптимизация.

Доклад на макроэкономическую тему «Политика экономического роста» представил председатель Совета директоров ИК «Еврофинансы», зав. отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН Я.М. Миркин. Докладчик рассмотрел отдельные положения программы, разработанной Столыпинским клубом, членом которого он является, направленной на создание макроэкономических условий, способствующих росту экономики. Речь идет о государстве развития, о политике, в рамках которой любое экономическое решение является подчиненным таким целям, как рост экономики, модернизация, рост качества жизни населения, отметил Миркин. При этом реализация политики должна осуществляться системно (без изъятия каких-либо ее положений). Отдельный аспект программы – макроэкономический инжиниринг, предполагающий определенную условность внесенных предложений и определенные допуски при их внедрении.

Анализу проблем на мезоэкономическом уровне был посвящен доклад члена-

корреспондента РАН, директора Института проблем рынка РАН *В.А. Цветкова* «Настоящее и будущее производственного сектора национальной экономики». Докладчик рассмотрел проблемы развития российского промышленного сектора и сделал следующие выводы. Российская экономика при неизменности государственной политики будет демонстрировать стагнацию или вялые темпы роста на уровне 0,5–1,0% в год, что обусловит постепенное отставание РФ в экономическом развитии от других стран. При сокращении финансирования фундаментальных и прикладных исследований продолжится дальнейшая деградация и упрощение производственной базы страны.

Большой интерес у участников симпозиума вызвал доклад «Стратегическая докапитализация институтов развития в интересах предприятий» председателя Совета по инвестиционной политике ТПП РФ, председателя Экспертного совета Фонда развития промышленности (ФРП) *А.В. Данилова-Данильяна*. Одно из положений доклада – деятельность ФРП. В течение 2,5 лет ФРП по результатам проведенной им экспертизы принял решение о финансировании более 200 проектов. Введен в действие 21 завод. Один из основных критериев, по которым принимаются решения о финансировании проекта, решение в его рамках таких задач, как осуществление импортозамещения и (или) несырьевого экспорта.

Анализу корпоративного управления на микроуровне был посвящен доклад доктора экономических наук, заслуженного экономиста РФ, ординарного профессора НИУ ВШЭ *Т.Г. Долгопятовой* «Корпоративное управление в российских компаниях: провалы, успехи и стимулы». Представлены обзор изменений российского регулирования в сфере корпоративного управления, а также результаты эмпирического анализа качества корпоративного управления в компаниях.

Доктор экономических наук, профессор, заместитель председателя Совета РФФИ *В.Н. Фридлянов*, выступая с докладом «Гума-

нитарные и общественные науки в Российском фонде фундаментальных исследований», в частности, обратил внимание участников симпозиума на структуру организаций, проекты представителей которых в 2016 г. были профинансированы фондом (учреждения высшей школы – 56%, академические учреждения – 28%, прочие организации – 16%), и призвал представителей академической науки увеличить количество заявок в фонд.

О попытке понять, как люди формируют собственную позицию в условиях раскола общества, о попытке моделирования ситуации с целью ответить на вопрос, почему результаты выборов не совпадают с прогнозами, рассказал в рамках доклада «Феномены “Brexit” и “Trump”»: теоретико-игровая модель раскола обществ» *А.В. Савватеев*, доктор физико-математических наук, ректор Университета Дмитрия Пожарского.

Комментируя итоги пленарного заседания, в частности доклады о проблемах российских предприятий, сделанные *М.В. Блиновым*, главой городского округа г. Мантурово Костромской области (тема доклада: «Поддержка промышленных предприятий в рамках реализации приоритетной программы “Комплексное развитие моногородов”: возможности и барьеры на примере города Мантурово»), и *А.Н. Хорьковым*, генеральным директором ООО «Пром турбо» (тема доклада: «Организационно-финансовые проблемы промышленного предприятия в сфере производства энергозапчастей»), Г.Б. Клейнер отметил разрыв между фундаментальной наукой и организационной деятельностью в реальном секторе, а также деятельностью в выработке экономической политики. «Необходимо не только изучение научной литературы, но и общение с руководителями предприятий реального сектора. И тогда разрывы между теорией и практикой, между политикой и управлением, между управлением и хозяйством будут уменьшаться», – подчеркнул Г.Б. Клейнер.

В рамках Симпозиума была организована работа круглого стола Научного совета ООН РАН «Проблемы комплексного развития

промышленных предприятий» на тему «Предприятие в цифровой экономике». Основными докладчиками на его заседании стали *А.Н. Козырев*, доктор экономических наук, заместитель директора ЦЭМИ РАН (тема доклада: «Цифровые продукты и цифровая трансформация предприятий») и *А.А. Леднев*, руководитель проектов компании «Перфоманс Лаб» (тема доклада: «Стратегия предприятия в цифровом мире»). Участники круглого стола пытались сформулировать понятие цифровой экономики. Как отметил Г.Б. Клейнер, «в отличие от понятий цифровой технологии и цифровых продуктов, понятие цифровой экономики, которое позволяло бы говорить о цифровой экономике как о соответствующем состоянии экономики в целом, до сих пор не определено». В то же время выступления в рамках круглого стола внесли значительный вклад в анализ тенденций развития экономики на современном этапе.

Во второй день работы Симпозиума была организована работа пяти тематических секций по следующим направлениям: «Теоретические проблемы стратегического планирования на микроэкономическом уровне», «Модели и методы разработки стратегии предприятия», «Опыт стратегического планирования на российских и зарубежных предприятиях», «Стратегическое планирование на мезоэкономическом (региональном и отраслевом) уровне», «Проблемы прогнозирования деятельности предприятий».

Авторами лучших докладов, представленных в рамках секций, стали:

- *А.А. Никонова* «Системные требования и их реализация в стратегии научно-технологического развития России»;
- *В.М. Тумин* «Проблемы инновационного развития промышленных предприятий»;
- *В.В. Перехватов* «Стратегическое поведение фирмы в условиях быстро меняющейся среды»;
- *А.С. Птускин, Е.В. Левнер* «Задача идентификации объектов промышленных цепей поставок для реализации программ внедрения наилучших доступных технологий»;

- *Р.Н. Павлов* «Политическая экономия социального предпринимательства»;

- *Е.В. Красильникова* «Ограничения при проведении финансового анализа компании, методы и практическое применение»;

- *Л.Л. Яковлева* «Модель индикативного планирования развития социальной сферы региона»;

- *И.Е. Селезнева* «Модель качества исследований по разработке стратегий развития отраслей и регионов»;

- *Д.С. Биджоян* «Сценарный анализ причин отзыва лицензии российских банков»;

- *В.В. Клочков, С.М. Рождественская* «Прогнозирование и стратегическое планирование технологического развития авиастроения: сценарии и развилки».

КОНФЕРЕНЦИЯ ЛАУРЕАТОВ И СТИПЕНДИАТОВ МНФЭИ АКАДЕМИКА Н.П. ФЕДОРЕНКО

А.А. Афанасьев

В день столетия основателя и первого директора Центрального экономико-математического института РАН академика Н.П. Федоренко, 11 мая 2017 г., состоялась конференция лауреатов и стипендиатов Международного научного фонда экономических исследований академика Н.П. Федоренко. Конференцию открыл президент Фонда, директор ЦЭМИ РАН академик *В.Л. Макаров*. Валерий Леонидович сердечно поздравил победителей конкурса Фонда и пожелал им дальнейших научных и творческих успехов.

Церемония награждения началась вручением премии «За выдающийся вклад в развитие экономической науки в России», которая в этом году присуждена крупному ученому экономисту-экологу, доктору экономических наук, профессору, действительному члену РАЕН, ветерану Великой Отечественной войны *Михаилу Яковлевичу Лемешеву*.

Свое выступление лауреат премии Фонда М.Я. Лемешев начал с воспоминания о первой своей встрече с академиком Н.П. Федоренко в НИИ Госплана СССР. Тогда, выступая с лекцией перед сотрудниками Института, академик Н.П. Федоренко произвел на М.Я. Лемешева большое впечатление, убеждая собравшихся в необходимости принципиально нового подхода к решению экономических задач.

© Афанасьев А.А., 2017 г.

Афанасьев Антон Александрович – д.э.н., и.о. ведущего научного сотрудника ЦЭМИ РАН, Москва, aanton@cemi.rssi.ru

«В этой лекции, – вспоминает Михаил Яковлевич, – Федоренко очень убедительно говорил о необходимости более тесных связей между различными отраслями экономики. До этого планирование велось, в определенном смысле, от достигнутого, но базируясь на тех материально-технических, трудовых и финансовых балансах, которые разрабатывались в недрах Госплана СССР и союзных республик, но без учета их объективной взаимосвязи. Кроме того, не было понимания того, что при том уровне капитальных вложений в сельское хозяйство, который в те времена имел место, не могло быть эффективного его развития. А без эффективного развития сельского хозяйства невозможно устойчивое функционирование перерабатывающей, пищевой, легкой и других отраслей промышленности».

Говоря о своей работе в ЦЭМИ АН СССР, М.Я. Лемешев отметил: «Когда я пришел в ЦЭМИ, и Николай Прокофьевич создал отдел оптимизации природопользования и попросил меня его возглавить, многие экономисты, в том числе мои друзья, работавшие в ЦЭМИ, говорили мне: “А ты что, экономику теперь бросаешь что ли? Ты будешь заниматься там цветочками, птичками?”. Вот такое “дикое” непонимание того, что экономика есть не что иное, как переработка природных ресурсов в конечные блага для страны. Все мои публикации – а у меня подготовлено 30 книг и более 600 статей – основаны на том, что самая главная проблема – это сохранение и рациональное использование природных ресурсов. Для сотрудников ЦЭМИ, работающих в науке и вообще в экономике, было очевидно, что стране необходимо преодоление узости отраслевого подхода и ограниченности меркантильного подхода. Поэтому молодые люди, молодые ученые, прогрессивно мыслящие сотрудники других институтов с пониманием относились к этому, откликались на предложения Николая Прокофьевича и соглашались работать именно в этом коллективе под его руководством. Этому способствовали два фактора: притягательность нового науч-

ного направления и та атмосфера, которую создал в ЦЭМИ Николай Прокофьевич».

В заключение М.Я. Лемешев сказал: «Да, я считаю, что очень близкие у нас были отношения с Николаем Прокофьевичем. Более того, когда очень ответственные задания были для ЦЭМИ, он всегда рекомендовал меня. Когда разрабатывалась долгосрочная программа научно-технического прогресса, рассчитанная на 20 лет, практически всем институтам Академии наук и отраслевым институтам было поручено работать над ней, и, в частности, по сельскому хозяйству 12 институтов дали свои предложения, а принят был мой вариант. И Николай Прокофьевич всем говорил: “Вот что такое ЦЭМИ, и что такое Лемешев. 12 институтов работали, а он один создал вот этот раздел по развитию агропромышленного комплекса”».

Не без оснований надеюсь, что у нас были взаимные интересы и взаимные симпатии. Но вообще, после того, как Николай Прокофьевич оставил пост директора, наши отношения никак не изменились. Надо подчеркнуть, что и научное, и этическое, и духовное руководство и влияние Николая Прокофьевича сохранялось и после того, как он уже не был директором института. Хотя его организаторские способности были, несомненно, велики, но они (я убежден в этом!) базировались не на таланте чиновника, а на личном обаянии и на личном глубоком понимании проблем, которые вставали перед наукой».

С сердечным поздравлением по случаю победы в конкурсе Фонда и недавнего 90-летнего юбилея профессора М.Я. Лемешева по видеосвязи выступил один из старейших сотрудников ЦЭМИ (с 1963 г.), кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории глобальных вычислительных сетей и информационно-управленческих технологий *Клим Владимирович Ким*.

Далее выступил председатель Экспертного совета Фонда член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор *Михаил Юрьевич Головин*, который отдал дань памяти своему предшественнику – профессору

Рубену Николаевичу Евстигнееву, безвременно ушедшему в марте 2017 г., а затем объявил имена лауреатов и стипендиатов Фонда Федоренко, поздравил их с победой в конкурсе.

Грантов Фонда на научные исследования удостоились:

- *Волкова Наталья Викторовна*, кандидат экономических наук, кафедра экономики предпринимательства Бийского технологического института (филиала ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова» в г. Бийске), на проект «Институциональная экономика в примерах» (рукопись научно-популярной книги);

- *Ожегов Евгений Максимович*, кандидат экономических наук, лаборатория междисциплинарных эмпирических исследований НИУ ВШЭ – Пермь, г. Пермь, на проект «Близость в географическом пространстве и в пространстве характеристик: что лучше предсказывает цену на недвижимость?».

Поощрительные стипендии Фонда были выделены следующим аспирантам:

- *Лакишиной Валерии Владимировне* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет экономики, кафедра математической экономики, г. Нижний Новгород) за работу «Можно ли снять “проклятие размерности”? Пространственные спецификации многомерных моделей волатильности»;

- *Щербакову Василию Сергеевичу* (Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, факультет международного бизнеса, кафедра международных экономических отношений, г. Омск) за работу «Региональная мобильность капитала и парадокс Фельдстейна–Хориоки в России»;

- *Мухачевой Anne Валентиновне* (ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», экономический факультет, кафедра менеджмента им. И.П. Поварича, г. Кемерово) за работу «Оценка влияния кризисных явлений на качество жизни населения (на примере регионов Сибирского федерального округа)».

Дипломом Фонда за научную работу (без поощрительной стипендии) была награждена аспирантка *Боганова Марьям Ривалевна* (ФГБОУ ВО «Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия им. П.А. Столыпина», экономический факультет, кафедра «Экономика, организация и управление на предприятии», Ульяновская область, Чердаклинский район, пос. Октябрьский) за работу «Уровень пенсионного обеспечения сельского населения Ульяновской области как фактор, определяющий качество жизни».

Поощрительных стипендий Фонда были удостоены студенты вузов:

- *Андрущенко Иван Викторович* (ГБОУ ВО Московской области «Университет “Дубна”», г. Кимры) за работу «Биофармацевтический рынок России: концепция развития производства отечественного инсулина»;

- *Бузанакова Алина Рамилевна* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Пермь, факультет экономики, менеджмента, бизнес-информатики, департамент менеджмента, г. Пермь) за работу «Спрос на театральные постановки: эффект ненаблюдаемого качества на ценовую эластичность»;

- *Гордеев Роман Викторович* (Сибирский федеральный университет, экономический факультет, научно-учебная лаборатория экономики природных ресурсов и окружающей среды; кафедра социально-экономического планирования ИЭУиП СФУ, г. Красноярск) за работу «Анализ глобальной конкурентоспособности российского лесопромышленного комплекса»;

- *Свистельник Надежда Вячеславовна* (Бийский технологический институт (филиал ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», технологический факультет, III курс, г. Бийск) за работу «Дорожная сеть Алтайского края: оценка состояния, влияние на социально-экономическое развитие»;

- *Тимаева Елена Павловна* (магистрант АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации» Саранского коопе-

ративного института (филиала), экономический факультет, кафедра экономики, III курс, г. Саранск) за работу «Исследование инновационного потенциала в контексте устойчивого социально-экономического развития региона (на примере регионов Приволжского федерального округа)»;

- *Отставнов Никита Сергеевич* (МГТУ им. Н.Э. Баумана, факультет «Инженерный бизнес и менеджмент», кафедра менеджмента, IV курс, г. Москва) за работу «Создание базы управленческих инноваций для применения в коммерческих организациях на основе деятельности в некоммерческих организациях».

Дипломами Фонда за научную работу (без поощрительной стипендии) были отмечены студенты:

- *Арапова (Танякина) Ольга Александровна* (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева», экономический факультет, кафедра финансов и кредита, магистрант, 2-й год обучения, г. Саранск) за работу «Обеспечение налоговой безопасности региона в системе налогового администрирования»;

- *Логинова Елена Анатольевна* (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева», экономический факультет, кафедра теоретической экономики и экономической безопасности, IV курс, г. Саранск) за работу «Диагностика состояния социальной сферы Российской Федерации в контексте теории обеспечения экономической безопасности».

Затем председатель экспертного совета Фонда, член-корреспондент РАН *М.Ю. Головин* предоставил лауреатам возможность выступить с основными положениями своих проектов. Первой рассказала о своем проекте стипендиат Фонда Лакшина Валерия Владимировна. Проект посвящен оценке многомерной волатильности портфеля, состоящего из 20 акций американских компаний. В работе сформулированы и оценены спецификации многомерных моделей волатильности: BEKK, GO-GARCH и CCC; показано, что пространственные спецификации многомерных моделей волатильности позволяют снизить

размерность задачи и в некоторых случаях превосходят оригинальные спецификации при внутри- и вневыборочном сравнениях.

Дипломант конкурса Богапова Мария Ривалевна сообщила, что цель ее работы – определение уровня пенсионного обеспечения сельского населения Ульяновской области и выявление степени влияния этого показателя на качество жизни. В результате исследования обнаружилось, что большая часть жителей региона планирует работать после выхода на пенсию, не участвует в программе софинансирования пенсии, доверив свои пенсионные накопления Пенсионному фонду, и вообще характеризуется низким уровнем осведомленности об изменениях, происходящих в российском пенсионном законодательстве.

Студент Андрущенко Иван Викторович рассказал, что он провел системный анализ биофармацевтической отрасли в сфере лечения сахарного диабета и при этом выявил проблемы и пути их решения в части создания и функционирования современных центров производства биофармацевтической продукции на территории РФ.

В своем сообщении студентка Сви-стельник Надежда Вячеславовна показала, что ее исследование позволило оценить степень обеспеченности дорожной сетью районов Алтайского края и выявить взаимосвязь между полученными показателями и исследуемыми индикаторами.

Магистрант Тимаева Елена Павловна рассказала о своем исследовании основных характеристик инновационного развития регионов Приволжского федерального округа. При этом примененные ею методы кластерного анализа позволили выявить группы регионов, схожих по инновационному развитию, а корреляционно-регрессионный анализ – определить влияние социально-экономических факторов на инновационное развитие Республики Мордовия.

Студент Отставнов Никита Сергеевич, отметив, что целью его работы являлся сбор информации об управленческих инновациях

некоммерческих организаций, провел еще и анализ их практической применимости. В основу своей работы он заложил исследование управленческих инноваций, собранных в информационной базе BEST Moscow, и проанализировал применимость материалов данной базы для управления коммерческими организациями.

Дипломант конкурса студентка Арапова (Танякина) Ольга Александровна указала, что в ее работе по результатам исследования действующей практики налогового администрирования в регионе дана оценка налоговой безопасности Республики Мордовия и рассмотрены перспективы позитивного развития налогового администрирования в целях повышения уровня налоговой безопасности региона в условиях финансового кризиса.

С приветственными словами в адрес победителей конкурса выступили: вице-президент Фонда Федоренко, заместитель директора ЦЭМИ РАН по научной работе, член-корреспондент РАН *Георгий Борисович Клейнер*, внучка академика Н.П. Федоренко, доктор исторических наук *Наталья Александровна Тихонова-Сигрист*, ведущий научный сотрудник ЦЭМИ РАН, кандидат экономических наук *Анатолий Константинович Пителин*, ректор МИТХТ им. М.В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор *Алла Константиновна Фролова*, лауреат премии Фонда 2008 г., доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *Вениамин Наумович Ливищ*, доктор экономических наук, профессор, вице-президент Академии экономических наук, заслуженный деятель науки РФ *Василий Михайлович Симчера*, ученый секретарь ВИАПИ им. А.А. Никонова, кандидат технических наук *Санджи Васильевич Котеев*, кандидат экономических наук, ученый секретарь Научного совета по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации и устойчивого развития *Евгений Артурович Наумов* и первый генеральный директор Фонда Федоренко, кандидат экономических наук *Александр Давыдович Барский*.

В заключительной части торжественной церемонии присутствующим был показан документальный фильм «Николай Федоренко. Человек, который знал...» (2017 г.), снятый по инициативе его внучки Н.А. Тихоновой-Сигрист телеканалом «Культура» к 100-летию со дня рождения основателя и первого директора ЦЭМИ. После просмотра фильма на вопросы зрителей ответила режиссер фильма об академике Н.П. Федоренко Ирина Бахтина.

ПОКОЛЕНИЯ КАПИТАЛА: ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА В ПОИСКАХ НОВЫХ АКТОРОВ

(рецензия на книгу

В.И. Маевского, С.Ю. Малкова

и А.А. Рубинштейна

«Новая теория воспроизводства
капитала: развитие и практическое
применение»)¹

Д.П. Фролов

Мир эволюционной экономики густо «заселен» разнообразными холистическими «существами», ведущими борьбу за существование в умах гетеродоксальных экономистов всего мира. Среди них – популяции фирм (Andersen, 2004) и макрогенерации (Mayevsky, Kazhdan, 1998); технологические, инновационные и техноэкономические парадигмы (Dosi, 1982; Hirooka, 2003; Perez, 2010); технологические системы и уклады (Freeman, Perez, 1988; Глазьев, 1993). Эти метасубъекты экономического развития активно конкурируют за ограниченные ресурсы и запускают в хозяйственных системах регенерационные

© Фролов Д.П., 2017 г.

Фролов Даниил Петрович – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой, Волгоградский государственный университет, Волгоград, ecodev@mail.ru

¹ *Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А.* Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 260 с.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Администрации Волгоградской области (проект № 17-12-34009 а(р)).

процессы замены устаревших технологий, рутин, знаний, компетенций, моделей организации, институтов и т.д.

Взяв на вооружение девиз современных эволюционистов «Разнообразие имеет значение!» (Cantner, Pyka, 2016, p. 700), авторы рецензируемой книги «выводят» на экономический ландшафт новых акторов – поколения основного капитала. В этом они неявно следуют в русле давней гуманитарной традиции поколенческого анализа, развивающегося в социологии, демографии, культурологии, антропологии, этнографии и других общественных науках. Однако в экономике поколенческая проблематика до сих пор (за редкими исключениями типа макроэкономической модели перекрывающихся поколений) обходилась стороной, хотя очевидно, что «экономическая динамика невозможна вне смены поколений» (Маевский, Малков, Рубинштейн, 2016, с. 9). Поэтому именно на изучении экономической эволюции сквозь призму чередования поколений основного капитала авторы строят новую (читай – эволюционную) теорию воспроизводства.

Книга подводит промежуточные итоги почти десятилетнего исследовательского проекта (см. первую работу: (Маевский, 2008)), направленного на создание методологии и инструментария (в том числе имитационной математической модели) анализа поколенческой динамики экономических систем. Этот проект перекликается с «первым поколением» ставших широко известными работ В.И. Маевского, посвященных дискуссионным вопросам воспроизводства основных фондов в советской экономике (Маевский, 1971, 1980). Теоретичность (т.е. соответствие набору критериев, предъявляемых к научным теориям, например, по М. Фуко, К. Попперу или Т. Куну) эволюционной теории воспроизводства капитала не подлежит сомнению, особенно с учетом наличия в рецензируемой книге значительного прикладного раздела, посвященного экспериментальным расчетам по экономике СССР и обоснованию перспективного механизма денежно-кредитной

политики. Книга написана на современном математическом языке, щедро оснащена уравнениями, графиками, схемами и расчетами, но в ней находится место и ироничной критике оппонентов, и теоретическим обобщениям, и даже философским размышлениям. При этом предлагаемые авторами нестандартные методологические решения явно выходят за границы предмета исследования и имеют гораздо более широкое значение как для эволюционной экономики, так и в целом для экономической науки.

Каковы же главные авторские инновации в области методологии экономического анализа?

Во-первых, ключевым методологическим шагом является концепция переключающегося режима воспроизводства (ПРВ), опирающаяся на явление периодической смены машиностроительными заводами своих производственных программ – переключения с программы А (обновление своего основного капитала собственными силами или при помощи других предприятий I подразделения) на программу А' (производство машин и оборудования для II подразделения). Данный режим, по мнению авторов, кардинально отличается от совместного режима воспроизводства, когда программы А и А' выполняются заводами параллельно, на котором в основном и сфокусирован мейнстрим. Переключение производственных программ на микроуровне при его рассмотрении в целом на макроуровне представляется уже как переключающийся режим воспроизводства, который «сопровождает всю историю функционирования предприятий, производящих средства труда» (Мавевский, Малков, Рубинштейн, 2016, с. 18). Перенос внимания на режим ПРВ отражает еще один важный методологический сдвиг – смещение аналитического фокуса со второго подразделения на первое. Тем самым в рецензируемой книге «реанимируется» феномен самовоспроизводства, отодвинутый на периферию представителями мейнстрима и австрийской школы. Самовоспроизводство, осуществляемое через программу А, мало-

значимо с точки зрения вклада в объем ВВП, составляя в его структуре примерно 2–3%, однако «незначительность объема продукции, создаваемой в процессе самовоспроизводства, не является признаком несущественности этого процесса» (Там же, с. 55). Авторы обоснованно проводят аналогии с клеточными и эмбриональными процессами в живой природе: хотя клетки и эмбрионы несопоставимы со взрослыми организмами по своим размерам, они играют ключевую роль в биологической эволюции.

Критические упреки, адресованные концепции переключающегося режима на этапе ее зарождения, были связаны с кажущейся надуманностью ситуации остановки машиностроительного завода для его полной реконструкции, что предполагает выполнение им программы А. Обычно, как отмечали критики, переоснащение и капремонт осуществляются в отдельных производственных цехах, при этом функционирование всего завода не прекращается. Действительно, зачастую процессы реконструкции и технологического перевооружения на современных машиностроительных заводах проводятся без остановки действующего производства, максимум с остановкой отдельных цехов или производств. Но эта практика далеко не всеобъемлюща – в конце концов существует понятие остановочного капитального ремонта. И то, что при первом взгляде кажется редким и поэтому странным в масштабе отдельного завода, выглядит вполне естественным в масштабе сектора (I подразделения) в целом. Вместе с тем в будущем, возможно, авторам стоило бы рассмотреть в качестве элементарного «носителя» производственных программ (и соответственно дискретной единицы анализа) не целые предприятия машиностроительного комплекса, а отдельные производства в их рамках, т.е. провести более глубокое дезагрегирование, и тогда основания для критики вообще исчезают. Другой вопрос, как это скажется на математической модели, не приведет ли к ее избыточному усложнению и т.д. – но, по крайней мере, в этом направ-

лении было бы интересно поразмышлять... Еще одним «ответвлением» дальнейших исследований мог бы стать, на наш взгляд, поиск ответа на вопрос: что произойдет с ПРВ в условиях постиндустриализации и развития гибридного производства (перехода от специализации на создании товаров или услуг к производству товарно-сервисных комплексов или гибридных продуктов) (Baines, Lightfoot, 2013), когда радикально изменятся логика и архитектура воспроизводства капитала?

Во-вторых, авторами апробирован метод декомпозиции I подразделения и реального (нефинансового) сектора в целом на разновозрастные подсистемы, отличающиеся возрастом основного капитала. Возможность такого подхода обусловлена переосмыслением роли наблюдателя в экономическом анализе. С точки зрения инсайдера предприятия I подразделения (например, инженера завода) наблюдается периодическое переключение производственных программ A и A', «однако эта инсайдерская картинка исчезает, когда к ней притрагивается рука статистика» (Маевский, Малков, Рубинштейн, 2016, с. 19). В результате статистического агрегирования переключающийся режим, как и многие другие важные «детали» реальной экономической жизни, теряется из виду. Поэтому необходимо аналитическое дезагрегирование таких монолитных конструкторов, как I подразделение и реальный сектор, для получения более четкой и адекватной «картинки» анализа. Так, на макроуровне мы в результате имеем множество разновозрастных макроподсистем, которые различаются (в связи с разным возрастом своего основного капитала) и по уровню технологической оснащенности, и по способу организации производства, и по компетенциям работников, и по наборам производственных рутин, что сближает их с объектами изучения в родственных эволюционных теориях техноэкономических парадигм, технологических укладов и макрогенераций. Например, технологические уклады – это системы замкнутого цикла технологически сопряженных производств (Глазьев, 1993, с. 57–61), различия

которых определяются в первую очередь возрастом основного капитала. Подсистемы тоже конкурируют между собой, при этом фактор возраста является основным детерминантом их поведения: если собственники основного капитала молодых подсистем аккумулируют ресурсы для модернизации своей производственной базы в будущем, то субъекты старых подсистем вкладывают свои накопления в текущее обновление основного капитала.

В-третьих, авторы возвращают теорию воспроизводства к поиску объективно действующих механизмов экономической эволюции (в частности, механизмов системообразующих денежных кругооборотов, монетарно обеспечивающих функционирование макроподсистем), критикуя культ неоклассической теории экономических механизмов, сфокусированной на субъективно конструируемых стратегических играх. Эта теория, на их взгляд, «имеет право на существование, но не покрывает то множество видов механизмов (включая объективные), которые действуют в реальной экономике» (Маевский, Малков, Рубинштейн, 2016, с. 31). С этим тезисом трудно не согласиться.

Поскольку «мечты об окончательной теории» всегда остаются только мечтами, пока эта теория развивается, предложим несколько возможных направлений дальнейшего укрепления аргументационной базы новой теории воспроизводства капитала.

Усиление дескриптивности. Все множество эволюционных теорий условно можно разделить на два «чистых» типа – дескриптивные и формальные. К первым относятся, например, теории техноэкономических парадигм и технологических укладов, ко вторым – разработки в области моделирования эволюционных процессов (см., например, (Dosi, Kaniovski, 1994; Saviotti, 2001)). К числу последних (пока что?) относится и новая теория воспроизводства капитала, главной целью которой ее авторы считают разработку адекватной математической модели для имитации воспроизводства поколений основного капитала. Напротив, авторы

дескриптивных теорий (С. Глазьев, К. Перес и др.) обычно проводят апостериорный анализ экономической истории в аспекте конкуренции соответствующих акторов (парадигм, систем, укладов и др.), развивают этапизации, раскрывают специфические для каждого этапа драйверы и противоречия, наконец, обосновывают прогнозы будущих изменений и дают рекомендации для экономической политики. До сих пор дескриптивная составляющая в новой теории воспроизводства капитала отсутствовала, так как ее авторы изначально создавали именно эволюционную теорию формального типа. Не будет ли правильным на следующем этапе ее развития сместить акцент на дескриптивный, качественный анализ? Результатом может стать теория, описывающая экономическую эволюцию с помощью новой объясняющей переменной – поколений капитала, что позволит дополнить существующие дескриптивные теории или даже представить альтернативный взгляд.

Уточнение субъектности. Преодолевая собственные мейнстриму ошибки агрегирования, авторы подчас совершают распространенную ошибку реификации – вменения субъектной природы искусственным конструкциям. По своей сути поколенческие подсистемы как I подразделения, так и всего реального сектора – это аналитически выделяемые массивы предприятий с основным капиталом определенного возраста. Однако этим искусственным подсистемам придается выраженная субъектность: «выделенные подсистемы есть субъекты макроуровня» (Маевский, Малков, Рубинштейн, 2016, с. 58), которые жестко конкурируют друг с другом, причем именно конкурентная борьба подсистем становится условием координации макроэкономической системы посредством непрерывного нарушения и выравнивания уровней их инновационной и инвестиционной активности по типу баумолевской «игры Красной королевы». Иначе говоря, «каждая подсистема обретает временное преимущество над другими подсистемами, затем утрачивает его, чтобы через

несколько лет снова вырваться во временные лидеры и т.д.» (Там же, с. 123), предпринимая новую попытку нарушить равновесие в свою пользу (Там же, с. 203). Подсистемы активно взаимодействуют, в частности, самая старая подсистема может заказать у более молодой выполнение программы А для обновления своего основного капитала (Там же, с. 24).

Авторы пытаются решить проблему реификации, в частности, вводя для описания внутренней структуры I подразделения дополнительное понятие группы: «Группы отличаются от подсистем тем, что первые адекватны виду производственной программы... вторые являются непосредственными исполнителями производственных программ» (Там же, с. 50), но использование подсистем все же более удобно для целей математического моделирования. Поэтому иногда авторы уклончиво называют макроэкономические подсистемы акторами модели переключающегося режима воспроизводства (Там же, с. 68). Но являются ли они акторами (действующими лицами) только модели или же моделируемой ей экономики? Получается, что подсистемы – в большей степени все же агрегаты, чем акторы. Это, скорее, таксономические категории, таксоны, аналогичные родам и видам в биологии, но еще более близкие к демографическим когортам, разновидностью которых и являются поколения. Авторы вполне осознают этот момент, отмечая в заключении своей книги, что «декомпозиция позволяет зафиксировать реальный факт сосуществования разных поколений основного капитала, но не в том переплетенном виде, в каком они проявляют себя на практике, а виде отдельных когорт, поколений, ведущих обособленно свою производственную деятельность» (Там же, с. 202). Так выступают ли эти поколения субъектами экономической эволюции? Или акторами следует считать все же группы предприятий – исполнителей производственных программ? Или собственников поколений основного капитала? Пока что эти вопросы ждут своих ответов...

Введение конечности. В книге есть странный парадокс. Авторы подчеркивают: «Отличие наших подсистем от технологических укладов, техноэкономических парадигм и макрорегенераций в том, что последние рождаются, живут и умирают, тогда как подсистемы... поскольку они воспроизводят свой основной капитал, не умирают» (Там же, с. 60). Эти «разновозрастные подсистемы как формы существования поколений основного капитала исчезнуть не могут. Они остаются, ибо поколения капитала будут всегда, во все времена» (Там же). Но как же быть с тезисом, которым и открывается рецензируемая книга? Он гласит: «Теории, игнорирующие феномен конечности, но в то же время претендующие на статус динамических теорий, на наш взгляд, таковыми не являются, так как они отрицают воспроизводство как важнейшее условие экономической динамики» (Там же, с. 9). Представляется, что в этом аспекте новая теория воспроизводства капитала пока что логически не закончена, в отличие от предшествовавшей ей теории макрорегенераций, в которой в явном виде проводился принцип конечности, так как «старые макрорегенерации постепенно отмирают» (Маевский, 1999, с. 56). При этом смена макрорегенераций происходит на фоне неизменного состава макроотраслей, который выступает в некотором роде генотипом макроэкономической системы. Если поколенческие макроподсистемы неизменны, как и макроотрасли, то что является аналогом макрорегенераций в новой теории воспроизводства? Вообще говоря, в перспективе было бы крайне интересно увидеть гибридную теорию, связывающую поколенческий (разновозрастные подсистемы) и отраслевой (макрорегенерации) аспекты воспроизводства основного капитала в единую теоретическую систему.

Бесспорно, новая книга В.И. Маевского и соавторов – важный, оригинальный, продуктивный и решительный шаг к возвращению воспроизводственной тематики в исследовательское пространство гетеродоксальной экономики. Но помимо этого она еще и разворачивает эволюционную экономику в

направлении парадигмального сдвига от популяционного к поколенческому мышлению. В этом смысле авторы предлагают свой вариант ответа на более чем вековой давности сакраментальный вопрос Т. Веблена: «Почему экономика не является эволюционной наукой?» (Veblen, 1898), и их ответ – потому что она не использует поколенческий анализ. Судя по сложной истории теории поколений в социологии (Bristow, 2016), эволюционным экономистам предстоит долгий и очень непростой путь к системному пониманию поколенческой динамики экономических систем. Но важно, что начало этому пути уже положено.

Список литературы

- Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993.
- Маевский В. О методологии планирования межотраслевых пропорций // Вопросы экономики. 1971. № 11.
- Маевский В.И. Амортизационный фонд и воспроизводство основных фондов I и II подразделений // Известия Академии наук СССР. Серия экономическая. 1980. № 6.
- Маевский В.И. Эволюционная теория и неравновесные процессы (на примере экономики США) // Экономическая наука современной России. 1999. № 4.
- Маевский В.И. Элементы новой теории воспроизводства // Вестник университета (Государственный университет управления). 2008. № 2.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
- Andersen E.S. Population thinking, price's equation and the analysis of economic evolution // Evolutionary and Institutional Economics Review. 2004. Vol. 1. № 1.
- Baines T., Lightfoot H. Made to serve: How manufacturers can compete through servitization and product service systems. N.Y.: Wiley, 2013.

-
- Bristow J.* The sociology of generations: New directions and challenges. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016.
- Cantner U., Pyka A.* Editorial: Foundations of economic change – behavior, interaction and aggregate outcomes // *Journal of Evolutionary Economics*. 2016. Vol. 26. № 4.
- Dosi G.* Technological paradigms and technological trajectories: A suggested interpretation of the determinants and directions // *Research policy*. 1982. Vol. 11. № 3.
- Dosi G., Kaniovski Y.* On “badly behaved” dynamics. Some applications of generalized urn schemes to technological and economic change // *Journal of Evolutionary Economics*. 1994. Vol. 4. № 2.
- Freeman C., Perez C.* Structural Crises of adjustment, business cycles and investment behaviour // *Technical Change and Economic Theory* (G. Dosi, C. Freeman, R. Nelson, G. Silverberg, L. Soete, eds.). L.: Francis Pinter, 1988. P. 38–66.
- Hirooka M.* Nonlinear dynamism of innovation and business cycles // *Journal of Evolutionary Economics*. 2003. Vol. 13. № 5.
- Mayevsky V., Kazhdan M.* The evolution of macrogenerations // *Journal of Evolutionary Economics*. 1998. Vol. 8. № 4.
- Perez C.* Technological revolutions and techno-economic paradigms // *Cambridge Journal of Economics*. 2010. Vol. 34. № 1.
- Saviotti P.P.* Variety, growth and demand // *Journal of Evolutionary Economics*. 2001. Vol. 11. № 1.
- Veblen T.* Why is economics not an evolutionary science? // *Quarterly Journal of Economics*. 1898. Vol. 12. № 4.

АКАДЕМИКУ ВАЛЕРИЮ ЛЕОНИДОВИЧУ МАКАРОВУ – 80 ЛЕТ

25 мая 2017 г. научная общественность отмечала 80-летие академика Валерия Леонидовича Макарова, директора ЦЭМИ РАН, заместителя главного редактора нашего журнала.

Валерий Леонидович родился в г. Новосибирске. После окончания в 1960 г. Московского государственного экономического института он был распределен на работу в Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, но через полгода перешел в Институт математики СО АН СССР. Здесь он проработал более 20 лет и сформировался как ученый, специалист в области экономико-математических методов и моделирования. В его формировании как ученого в этот период большую роль сыграл его учитель академик Л.В. Канторович, возглавлявший тогда математический отдел ИМ СО АН СССР. Именно в этом институте он прошел путь от старшего лаборанта до заместителя директора по научной работе, защитил в 1965 г. кандидатскую диссертацию по экономическим наукам, а затем в 1969 г. докторскую – по физико-математическим наукам.

В 1979 г. Валерий Леонидович был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1980 г. его назначают на должность ученого секретаря Президиума Сибирского отделения АН СССР. Позднее, в 1983 г., по приглашению академика Г.И. Марчука он переезжает в Москву, чтобы возглавить Всесоюзный научно-исследовательский институт проблем организации и управления при ГКНТ СССР, а затем с 1985 г. становится директором ЦЭМИ АН СССР. В 1990 г. Валерия Леонидовича избирают действительным членом Академии наук СССР.

В.Л. Макаров – известный ученый мирового уровня в области математической экономики, компьютерного моделирования социально-экономических процессов, создания математического и компьютерного инструментария и его использования при исследовании проблем экономики публичного сектора, науки и образования. В области математической экономики он разработал один из разделов экономической динамики – теорию магистралей, предложил общие условия существования и оптимальности решений для моделей рыночной экономики, создал экономико-математические модели «смешанной», «двухслойной» экономики, выдвинул программу создания теории рынка интеллектуальных продуктов.

Им сформулированы основные принципы современного направления в экономических исследованиях – компьютерного моделирования. В 1990-е гг. под его руководством разработана модель российской экономики (RUSEC), которая позволяет проводить различные сценарные расчеты. Аналогичные модели созданы также для политической и социальной сфер общества. На их основе построена обобщающая компьютерная модель общества, позволяющая анализировать фундаментальные теоретико-методологические вопросы о путях развития экономических и политических реформ в России.

Моделирование научно-технического прогресса и анализ его влияния на экономический рост – одна из наиболее трудных проблем экономической теории. В этой области В.Л. Макаров выдвинул в ряд глубоких идей и получил важные результаты: введен модельный эквивалент понятия норматива эффективности, сделан существенный шаг в формировании теории отбора малых мероприятий в развивающейся экономике и др.

В.Л. Макаров организовал и возглавил исследования по экономике знаний, интеллектуальной собственности и созданию компьютерной модели общества. Под его руководством сложилась научная школа «математическое и компьютерное моделирование

экономики», которая с 1996 г. проводит исследования при поддержке гранта Президента РФ и получила ряд важных результатов.

Результаты исследований В.Л. Макарова опубликованы во многих научных отечественных и зарубежных периодических изданиях, нашли практическое применение в различных областях экономики. Общее количество его публикаций насчитывает более 350 научных работ, в том числе более 15 монографий. Его научные заслуги в отмечены авторитетными премиями: в 1980 г. он становится лауреатом премии Совета Министров СССР, а в 1995 г. – премии Российской академии наук имени Л.В. Канторовича.

Много сил и времени отдавал и отдает В.Л. Макаров научно-организационной и общественной работе в качестве члена Президиума РАН, академика-секретаря Отделения общественных наук РАН (2002–2008), Главного ученого секретаря СО АН СССР (1980–1983), члена исполкома Международной экономической ассоциации, члена-учредителя Международного эконометрического общества, председателя Ученого и диссертационного советов ЦЭМИ РАН, главного редактора журналов «Экономика и математические методы», редактора интернет-журнала «Искусственные общества», члена редколлегии трех иностранных журналов и др.

Значительный вклад вносит В.Л. Макаров в развитие экономического образования в ведущих вузах Москвы. Он является руководителем Высшей школы государственного администрирования и заведующим кафедрой прикладных проблем экономико-математического моделирования экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, научным руководителем факультета инноваций и новых технологий в Московском физико-техническом институте, создателем и президентом НОУ «Российская экономическая школа», деканом экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

На посту директора ЦЭМИ РАН в довольно непростых условиях ему удалось

сохранить научный потенциал института, развить ряд новых научных направлений, укрепить его материально-финансовую и вычислительную базу, сохранить институт как ведущую исследовательскую организацию, успешно занимающуюся фундаментальными проблемами экономической теории, математической экономики и прикладными разработками.

В.Л. Макаров награжден государственными наградами: орденом «Знак Почета» (1980), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1978, 1987), Орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (1997), Орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени (2008).

В дополнение к официальному поздравлению приводим здесь неформальные поздравительные дружеские строки наших коллег – члена редакционного совета журнала академика В.М. Полтеровича и главного редактора, члена-корреспондента РАН Г.Б. Клейнера.

УЧЕНЫЙ И УЧИТЕЛЬ

В.М. Полтерович

Среди нагрузок Макарова я бы выделил занятия со студентами и аспирантами. Он читает лекции в РЭШ и в Московской школе экономики. Его курс лекций в РЭШ по экономике общественного сектора не является обязательным. Но тот факт, что из многих возможностей студенты выбирают именно этот курс, говорит сам за себя.

Макаров неспешен, на заседаниях – молчалив. На трибуну его нередко «выталкивают» подчиненные. Макаров ценит знания и уважает профессионалов. У него обостренное чувство нового, он мгновенно оценивает перспективность и важность нетривиальной идеи. Но, кроме того, он сам очень эффективный генератор новых идей.

Я здесь не говорю о далеких 1960–1970-х гг., когда Макаров, еще свободный от

столь объемных административных обязательств, сотрудничал с Л.В. Канторовичем и написал цикл блестящих работ по экономической динамике – в одном ряду с работами таких крупнейших экономистов, как Л. Маккензи, Д. Гейл, М. Моришима, Х. Никайдо. Мне трудно понять, как это «председатель-директор-заведующий всем на свете» успевает думать над научными проблемами. Он ведь стал крупным администратором в сфере науки еще в Новосибирске и продолжал писать фундаментальные работы по теории экономического равновесия. А его тамошние ученики В. Маракулин и В. Васильев до сих пор развивают макаровские идеи новосибирского периода. Между прочим, уже в 1988 г. в журнале *American Economic Review*, занимавшем по рейтингу одно из двух первых мест, вышла статья Макарова об экономических реформах в России.

В начале 1990-х гг. Макаров в одном из докладов предложил набросок модели равновесия с интеллектуальными товарами. Этот доклад стимулировал В. Данилова и Г. Кошевого, наших нынешних лидеров в математической экономике, заняться детальной разработкой соответствующей теории; десяток их статей на эту тему опубликован в западных и российских журналах.

В середине 1990-х гг. я неоднократно заставлял Макарова в его рабочем кабинете за компьютером: между визитами многочисленных посетителей он урывал время для разработки прикладной народнохозяйственной модели экономического равновесия. Увлечен был так, что на привет не сразу откликнулся. Сейчас в лаборатории Макарова разные варианты этой модели продолжает исследовать группа молодых экономистов.

В основу модельного сайта ЦЭМИ положена модель Макарова.

Макаров равнодушен к идеологическим догмам. Он ценит идеи за их оригинальность, независимость от того, соответствуют ли они той или иной установке. В его экономике, основанной на знаниях, парадоксальным образом совмещается концепция электронного

правительства — казалось бы, современное воплощение гоббсовского Левиафана — и запредельно либеральная модель сосуществования разных региональных конституций с тем, чтобы, «голосуя ногами», каждый мог бы выбрать себе основной закон по душе.

Возраст Макарова выдает лишь многообразие им совершенного. Он берется за все новые и новые задачи, как будто ему тридцать пять. Похоже, что ему и в самом деле столько в биологическом времени. В 2005 г. он стал директором Высшей школы государственного администрирования МГУ, и теперь надо ожидать, что российскими премьер-министрами будут ученики Макарова.

ЖИЗНЬ В СТИЛЕ СЕРФИНГА

Г.Б. Клейнер

Он легок, подвижен, спортивен, художав. Его реакция мгновенна, а внутренний мир необычайно широк и насыщен. В короткие мгновения между внешним сигналом и его ответом ему удастся — очевидно, благодаря совершенной системе внутренней навигации — отстроить ту систему факторов, аргументов и последствий, которая подсказывает безошибочный (в данной ситуации) ответ.

Его ориентация на бескрайних просторах экономики, математики, философии, общественного развития вызывает восхищение. Если во внешнем социально-экономическом мире система фиксации транзакционных импульсов в виде *block-chain* только начинает свое восхождение, то во внутреннем интеллектуальном мире В.Л. Макарова она работает давно и безупречно. Выражение «никто не забыт, и ничто не забыто» — лучшая характеристика его ментальной организации.

Может быть, здесь играет роль одна из наиболее ярких черт его оценочной и, шире, интеллектуальной деятельности — острое чувство нового. Здесь сплавляются два наиболее ярких качества Макарова: эрудиция и интуиция. Новым ведь у нас называют не просто

то, чего раньше не было, а то, что является и новым, и хорошим. Чтобы чувствовать новое, нужны широта знания и тонкое ощущение движения времени.

«Извлекатель нового» из груды научных направлений, результатов, публикаций по всему миру, он двигается по гребням научных волн, создавая вокруг себя гравитационное поле «притяжения новизны». Неудивительно, что вокруг него формируются группы соратников и последователей, к которым – и это большая честь для меня – я хотел бы причислить и себя.

Кибернетика логических процессов – стержень научных идей 1960-х; магистральная теория – фокус экономической мысли 1970-х; компьютерная автоматизация и оптимизация управленческой деятельности человека – средоточие надежд 1980-х; развитие эволюционных начал в регулировании общественной жизни, в частности возникновение смешанной структуры экономики, – точка притяжения в дискурсе переходных 1990-х; восход экономики, основанной на знаниях, – своеобразный аттрактор научных концепций 2000-х; глубокое проникновение в системную структуру современного социума – необходимый этап осознания «общества, в котором мы живем»; семейство агентоориентированных моделей поведения популяций – скачок в развитии компьютерных методов исследования общества в 2010-х – вот неполный перечень тематических направлений, в которых В.Л. Макаров стал не только инициатором, но и лидером.

Не напоминает ли это чудо движений серфингиста, перепрыгивающего с гребня одной волны на гребень соседней, перемещаясь по траектории, которая диктуется глубоко своеобразной гармонией между внутренним миром и внешним окружением ученого?

Несомненно, что академик Макаров представляет собой загадочную личность. Извне далеко не всегда видны мотивы поступков, оценок, решений. Невооруженным глазом видно одно: уникальное единство, даже гармония соединения в личности, творчестве

и общественной жизни Валерия Леонидовича Макарова четырех мировых начал: онтологии (мира вещей, бытия); идеологии (мира идей); гносеологии (мира познания) и праксеологии (мира созидания).

И соответственно этому – четыре магистральных пожелания на бесконечный горизонт планирования:

быть;
мыслить;
постигать;
творить!

Редакционная коллегия и редакционный совет журнала «Экономическая наука современной России» присоединяются ко всем приведенным выше словам, сердечно поздравляют юбиляра и желают ему крепкого здоровья и многих сил для новых научных достижений!

АКАДЕМИК НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ФЕДОРЕНКО

28 апреля 2017 г. исполнилось 100 лет со дня рождения первого директора ЦЭМИ АН СССР, действительного члена АН СССР (1964), академика-секретаря Отделения экономики АН СССР (1971–1983) Николая Прокофьевича Федоренко (1917–2006).

Николай Прокофьевич Федоренко был выдающимся ученым-экономистом, талантливейшим организатором экономической науки, внесшим значительный вклад в развитие и становление ряда ее новых направлений: в частности, в разработку проблем химизации народного хозяйства, применения современных математических методов и вычислительной техники в экономических исследованиях, планировании и управлении, и особенно в исследование теоретических и методологических основ оптимального функционирования экономики. Он был одним из главных основателей и первым директором ЦЭМИ АН СССР, возглавлявшим его почти четверть века (1963–1985), а также первым главным редактором журнала «Экономика и математические методы» (1965–1988). С 1967 по 1983 г. академик Н.П. Федоренко был членом Президиума АН СССР, а в последние годы с 1987 по 2006 г. – советником Президиума АН СССР (РАН).

Начав свою научную деятельность в 1949 г. с должности ассистента кафедры экономики и организации химической промышленности Московского института тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова (МИТХТ), в 1950-е гг. он продолжил преподавательскую работу на этой кафедре в качестве доцента, профессора и заведующего кафедрой; в 1953–1958 гг. был проректором МИТХТ.

В 1963 г. в Академии наук СССР был создан Центральный экономико-математиче-

ский институт. По рекомендации выдающегося советского ученого, основателя экономико-математического направления в СССР академика Василия Сергеевича Немчинова первым директором ЦЭМИ был назначен молодой в то время член-корреспондент Академии наук СССР Н.П. Федоренко. Находясь на посту директора ЦЭМИ РАН более 20 лет – до 1985 г., академик Н.П. Федоренко внес огромный вклад в становление экономико-математического направления, способствовал широкому применению математических методов и вычислительной техники в экономических исследованиях, планировании и управлении народным хозяйством.

Развитие экономико-математических исследований в стране, накопление и обобщение опыта решения экономико-математических задач, выработка новых теоретических положений, приемов и методов экономического анализа, дальнейшая углубленная разработка категорий и законов экономики позволили Н.П. Федоренко сформулировать и научно обосновать пути разработки и поэтапной реализации единой системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ). В ЦЭМИ АН СССР Николай Прокофьевич Федоренко организовал широкие исследования этой проблемы, настойчиво отстаивал теоретические основы и идею создания СОФЭ на научных дискуссиях, в многочисленных публикациях в научной печати. Он всесторонне обосновал и развил концепцию СОФЭ как необходимого этапа развития экономической науки, обеспечивающего органическое сочетание методологии современных экономико-математических моделей и методов оптимизации в научно-теоретическом аспекте с разработкой конкретных направлений использования этих моделей в хозяйственной практике.

Одной из первых фундаментальных работ в этой новой области исследований явилась книга «О разработке системы оптимального функционирования экономики» (1968). Затем им опубликован еще ряд монографий, среди которых «Оптимизация экономики» (1977), удостоенная премии АН СССР имени

Г.М. Кржижановского, а также монографии: «Некоторые вопросы теории и практики планирования и управления» (1979) и «Вопросы оптимального функционирования экономики» (1980), удостоенные премии АН СССР имени В.С. Немчинова.

Под руководством Н.П. Федоренко развивались исследования, объединяемые общей концепцией СОФЭ: совершенствование экономического механизма; разработка теоретических основ автоматизированной системы плановых расчетов (АСПР); разработка систем моделей народнохозяйственного и отраслевого планирования, развития и размещения производства; исследование вопросов рационального природопользования и др. Под его руководством проводился ряд экономических экспериментов. Он был инициатором разработки Комплексной программы научно-технического прогресса, целеустремленно добивался ее превращения в постоянно действующий инструмент народнохозяйственного планирования.

Итог многолетней работы по созданию теоретико-методологических основ СОФЭ отразила десяти томная серия «Вопросы оптимального планирования и управления экономикой», выпущенная в 1982–1985 гг. издательством «Наука» при непосредственном участии и под общей редакцией академика Н.П. Федоренко.

Н.П. Федоренко не только выдвинул, но и практически реализовал идею широкого экономического эксперимента как существенного этапа обобщения отдельных экономико-математических моделей в единую комплексную систему оптимального управления народным хозяйством. Все фундаментальные теоретические исследования этого направления базируются на глубоком изучении опыта разработки и внедрения оптимизационных методов и моделей, электронно-вычислительной техники в повседневную практику хозяйственной жизни.

Примерно на тот же период (1982–1984) приходится выход в свет серии монографий «Проблемы планирования и управления народным хозяйством стран – членов СЭВ»,

подготовленной большим коллективом ученых из восьми стран – членов СЭВ под руководством академика Н.П. Федоренко.

Результатом этой деятельности в 1990-х гг. явились его монографии «Экономика: свобода и солидарность» (1991) и «Вопросы экономической теории» (1994), посвященные проблемам возникновения и развития теоретических основ системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ). В монографиях обобщена теоретическая база данного научного направления, прежде всего в области углубления понимания категории общественной полезности и ее влияния на критерии оптимального экономического развития системы ценностных параметров, методов сопоставления затрат и результатов. Именно эти проблемы, с одной стороны, лежат в основе общетеоретических представлений об эффективном хозяйствовании, а с другой – служат научной базой при поиске путей социально-экономического реформирования. В конце 1990-х гг. им были опубликованы фундаментальные монографии: «Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее» (М.: Наука, 1999), «Россия: уроки прошлого и лики будущего» (М.: Экономика, 2000).

В 2006 г. вышла в свет монография Н.П. Федоренко «Гуманистическая экономика» (М.: Экономика, 2006), в которой «освещается человеческий фактор в экономике, однако не только в привычных традиционных аспектах, таких как демографический, популяционный, трудовой, потребительский и т.п., а делается попытка исследовать его, отталкиваясь от идей и философских установок, признающих ценность человека как личности, считающих благо человека критерием оценки общественных институтов, рассматривающих принципы равенства, справедливости, человечности в качестве желаемой нормы отношений между людьми. Именно с этих позиций – в увязке с динамикой народонаселения – в книге исследованы проблемы семьи в современной России».

Всего же Н.П. Федоренко опубликовал более 300 научных работ, многие из которых

широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Он являлся почетным членом Международного эконометрического общества, почетным директором ЦЭМИ РАН, в 1976 г. ему была присуждена степень доктора *honoris causa* Женевского университета и Высшей школы планирования и статистики в Варшаве.

Большую роль сыграл Н.П. Федоренко в подготовке научных кадров. Ставка на молодежь, горячее желание работать с нею отличают его педагогическую деятельность. С 1964 г. Н.П. Федоренко возглавил кафедру математического анализа экономики на экономическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Под руководством Н.П. Федоренко десятки аспирантов выполнили разносторонние исследования, связанные с экономикой химической промышленности, совершенствованием методов экономических исследований, оптимальным планированием и управлением народным хозяйством. Под его руководством было подготовлено более 100 кандидатов и докторов экономических наук.

Огромная научная, педагогическая и организаторская деятельность Н.П. Федоренко снискала ему заслуженный авторитет как в России, так и за ее пределами, была отмечена Государственной премией, семью орденами, в том числе в 1997 г. орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, и многими медалями.

Scientific Quarterly Journal
Published from 1998
Founded by academician D.S. L'vov

Editor-in-Chief – G.B. Kleiner

Editorial Board Members:

Makarov V.L. (*Associate Editor*),
Mizintseva M.F. (*Associate Editor*),
Kachalov R.M. (*Associate Editor*,
Editorial Secretary),
Arskij Yu.M., Danilina Ya.V., Inshakov O.V.,
Katyryn S.N., Stavchikov A.I., Sorokin D.Eu.

Editorial Council:

Anosova L.A., Anfinogentova F.F., Bodrunov S.D.
Valentey S.D., Volkonskij V.A., Glagev S.Yu.,
Grebennikov V.G., Grinberg R.S., Grjaznova A.G.,
Draskovic V. (Montenegro), Ivanter V.V.,
Inshakov O.V., Katyryn S.N., Kleiner G.B.,
Kuzyk B.N., Kuleshov V.V., Majewski V.I.,
Makarov V.L., Minakir P.A., Nekipelov A.D.,
Okrepilov V.V., Polterovich V.M.,
Rosefielde S. (USA), Tsvetkov V.A.,
Eskindarov M.A.

Editorial Office 314,
47 Nakhimovskij prospect,
117418, Moscow, Russia
Phone: 8 (499) 724 21 39, 8 (968) 721 90 39
Fax: (7) (495) 718 96 15
e-mail: ecr-ras@yandex.ru, ecr@cemi.rssi.ru
URL: <http://ecr-journal.ru/>
<https://www.facebook.com/groups/ecr.journal/>
<http://vk.com/ecr.journal>

Contents

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

- Graborov S.V.*
Principles and Stages of State Budget
and Tax Decisions Formation..... 7
- Gusev A.A.*
The Economic Assessment
of Natural Resources and Its Use
in the National Economy 19

ECONOMICAL POLICY AND ECONOMICAL PRACTICE

- Volchik V.V., Shafirov L.A.*
Prospects for Institution Localized
Household Credit Projects:
An Evidence from a Small Russian
Monotown 29
- Solovyev A.C.*
Actuarial Analysis of Early Retirement
Pension Forming 46
- Obolenskaya L.V.*
Systemic Problem Concerning
Institutional Risk in Economic
Institution Reforming..... 66
- Potravnny I.M., Kolotyryn K.P.,
Gengut I.B.*
The Use of Environmental Insurance
in the Management of Projects
to Eliminate Accumulated
Environmental Damage 78
- Danilina Ya.V.*
Modernization of Higher
Education Institutions: Analysis
on the Basis of Resource-Competence
Approach..... 90
- Gubarev R.V., Dzyuba Ye.I., Faizullin F.S.*
Correlation between Salary
and Performance of Top-Managers
of State-Owned Companies 102

WORLD ECONOMICS

<i>Ziyadullaev N.S., Ziyadullaev U.S.</i> 25 Years of CIS and Eurasian Integration Projects: Expectations, Disappointments and Perspectives	123
--	-----

IN THE DEPARTMENT OF SOCIAL SCIENCES AND ECONOMICS SECTION

General Meeting of the Department of Social Sciences Russian Academy of Sciences	137
--	-----

SCIENCE LIFE CHRONICLE

<i>Karpinskaya V.A.</i> Eighteenth Russian Symposium «Strategic Planning and Enterprise Development».....	138
--	-----

<i>Afanasyev A.A.</i> Conference of Laureates and Fellows of the Academician Nikolai Fedorenko International Scientific Foundation of Economic Research	142
---	-----

BOOKSHELF

<i>Frolov D.P.</i> Generations of Capital: The Evolutionary Economy in Search of New Actors	147
---	-----

JUBILEES

Academician Valery L. Makarov – 80	153
Academician Nikolai P. Fedorenko	157
<i>Contents</i>	160
<i>The Information for Authors</i>	162
<i>Conditions of Subscribe</i>	164

Информация для авторов

1. Редакция журнала «Экономическая наука современной России» принимает к публикации рукописи, отражающие результаты оригинальных исследований. Содержание рукописи должно относиться к социально-экономической проблематике, соответствовать научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей журнала.
2. Опубликованные материалы, а также рукописи, находящиеся на рассмотрении в других изданиях, к рассмотрению не принимаются.
3. Редакция принимает на себя обязательство ограничить круг лиц, имеющих доступ к присланной в редакцию рукописи, сотрудниками редакции, членами редколлегии и редсовета, а также рецензентами данной работы.
4. В рукописи должна содержаться постановка задачи, быть определено место полученных результатов среди научных публикаций по данной проблематике, описание применяемого научного аппарата, библиографические ссылки и выводы исследования.
5. Рукописи, полученные редакцией, подвергаются обязательному двухстороннему анонимному рецензированию. Рецензия направляется авторам для ознакомления. Решение о принятии к публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией после рецензирования. Принятые к публикации рукописи проходят научное и литературное редактирование.
6. Редакция направляет авторам рукописей, требующих доработки, письмо с текстом рецензии. Доработанная рукопись должна быть представлена в редакцию не позднее 1 месяца. К доработанной рукописи должно быть приложено письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания рецензента и с указанием всех изменений, сделанных в рукописи.
7. Редколлегия рекомендует авторам структурировать рукопись, используя, например, такие подзаголовки: Введение, Постановка задачи исследования, Методика исследования, Обсуждение результатов, Заключение, Список литературы и т.п.
8. Рукопись представляется в редакцию в электронном виде на дискете или по электронной почте в формате Word для Windows, а также в виде распечатки через два интервала с размером шрифта не менее № 12 и с полями не менее 20 мм. Распечатка рукописи должна быть подписана всеми авторами с указанием даты ее отправки.
9. Рукопись должна содержать основные сведения о статье на русском языке, соответствующие следующим требованиям.
 - 9.1. Название статьи должно быть лаконичным и информативным, не содержать сокращений, кроме общепринятых.
 - 9.2. Сведения об авторах включают в себя фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность и места работы, город. Обязательно указание контактного адреса электронной почты и телефона.
 - 9.3. Аннотация должна излагать существенные факты работы, включая цели и задачи. Методологию исследования целесообразно описывать в том случае, если она отличается новизной. Аннотация должна содержать основные теоретические и экспериментальные результаты, обнаруженные взаимосвязи и закономерности, выводы, отличающиеся новизной и имеющие практическое значение. Объем аннотации должен быть не менее 200–250 слов.
 - 9.4. Ключевые слова не более 10 слов или словосочетаний.
 - 9.5. Коды по JEL классификации.
10. Объем основного текста рукописи не должен превышать одного авторского листа, т.е. 40 тыс. знаков, включая таблицы и графический материал. Рукопись не должна содержать более 5 рисунков и (или) 5 таблиц.
11. Все страницы рукописи, включая список литературы, следует пронумеровать. Все иллюстрации (графики, диаграммы, блок-схемы и др.) и таблицы должны иметь номер в порядке их упоминания в тексте и название, а также ссылки в тексте.
12. Таблицы должны быть частью текста и допускать электронное редактирование.
13. Иллюстрации (графики, диаграммы, схемы и др.) должны быть выполнены четко, в режиме градации серого. Все надписи, загромождающие иллюстрации, выносятся в подрисуночные подписи. В электронном виде каждый иллюстративный материал следует представлять отдельным файлом. Имя фай-

- ла должно содержать фамилию автора статьи и порядковый номер иллюстрации.
14. Для построения графиков и диаграмм следует использовать Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные, связанные с графиком). Иллюстрации, выполненные в специализированных программах, необходимо экспортировать в векторном формате *.eps. Отсканированные иллюстрации должны быть сохранены с разрешением не менее 600 dpi в формате *.tiff.
15. При написании математических формул следует использовать редактор формул Microsoft Equation или MathType.
16. Список использованных источников приводится в конце рукописи, в алфавитном порядке по фамилиям авторов в соответствии с принятыми в журнале стандартами библиографического описания. В список включаются только публикации, которые упоминаются в тексте рукописи. В список литературы не включаются: нормативные документы, статистические сборники, архивные материалы, газетные заметки без указания автора, ссылки на сайты без указания конкретного материала. Ссылки на такие источники даются в подстрочных примечаниях (сносках). Недопустимо указывать в качестве источников сомнительные сайты, сайты бульварной прессы, форумы и социальные сети.
17. Ссылки на цитируемые источники даются указанием в круглых скобках двух первых авторов или (при отсутствии авторов) первых слов названия и года первого издания соответствующей работы, например: (Иванов, Петров и др., 2016) или (Методические рекомендации..., 2016). Если присутствует несколько публикаций одного автора за один год, то к году добавляются буквы а, б, в и т.д., например: (Сидоров, 2015а, 2015б). Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.
18. В конце рукописи отдельным блоком приводятся основные сведения о статье на английском языке, соответствующие следующим требованиям.
- 18.1. Перевод названия статьи должен быть информативен и понятен для англоязычных специалистов, не должен содержать транслитераций с русского языка, кроме неперебиваемых названий собственных имен, приборов и других объектов, имеющих собственные названия.
- 18.2. Транслитерация фамилий авторов рукописи представляется в международной системе транслитерации BGN.
- 18.3. Сведения об авторах включают в себя транслитерацию фамилии и имени авторов, полное официальное название организации, в том числе с указанием ведомства, к которому относится организация на английском языке, город, страну (например, Central Economics and Mathematics Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), и адрес электронной почты.
- 18.4. Аннотация (Abstracts) является кратким резюме работы, которое публикуется в отрыве от основного текста и, должно быть понятным англоязычным специалистам без ссылки на саму публикацию. Аннотация должна отражать основное содержание статьи и результаты исследования, соответствовать структуре рукописи статьи, и содержать цели и задачи исследования, краткое описание методов исследования, основные полученные результаты и выводы. Аннотация должна быть написана качественным английским языком с использованием общепринятых международных терминов. Объем аннотации должен быть не менее 100–250 слов.
- 18.5. Перевод ключевых слов должен содержать общепринятые международные термины.
- 18.6. Список литературы (References) приводится в романском алфавите и повторяет список литературы к русскоязычной части. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке. Библиографическое описание русскоязычных источников приводится в следующем виде: авторы (транслитерация); указание года издания в круглых скобках; перевод названия статьи на английский язык; название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке, указание на язык статьи в скобках. Например: Ustuzhanina Ye.V., Dementyev V.Ye., Evsukov S.G. (2015). Pricing for the innovative product in a bilateral monopoly. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoi Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, no. 2 (69), pp. 47–56 (in Russian).
19. Для транслитерации русского текста в романский алфавит можно использовать автоматическую систему транслитерации на сайте <http://www.translit.ru> в международной системе транслитерации BGN. Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Как подписаться на наш журнал

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Научный журнал

Уважаемые читатели!

Подписаться на журнал «Экономическая наука современной России» можно следующими способами.

В отделениях связи

По каталогу «Газеты и журналы» агентства «Роспечать» – подписной индекс 81069.

По каталогу «Издания органов научно-технической информации» агентства «Роспечать» – подписной индекс 56756.

По Объединенному каталогу «Пресса России», том 1 «Российские и зарубежные газеты и журналы» агентства «Книга-сервис» – индекс 55439.

Льготная подписка для физических лиц

Стоимость подписки на полугодие – 1000 руб., на год 2000 руб. В стоимость подписки в редакции входит почтовая доставка.

Подписку можно оформить в редакции:

- по безналичному расчету перечислите сумму за подписку на расчетный счет Региональной общественной организации содействия развитию институтов ОЭ РАН. В графе «Назначение платежа» платежного поручения укажите: Взнос для выпуска журнала «Экономическая наука современной России», а также Ваш почтовый адрес и период подписки;

- за наличный расчет по адресу: 117418, Москва, Нахимовский пр., 47 (м. Профсоюзная), комн. 609. Телефон 8 (499) 724 25 17, 8 (499) 724 21 39.

По безналичному расчету перечислите сумму за подписку на расчетный счет Региональной общественной организации содействия развитию институтов ОЭ РАН.

Обычным почтовым переводом отправьте сумму за подписку на расчетный счет РОО содействия развитию институтов ОЭ РАН. В графе «Для письменного сообщения» укажите наименование журнала, период подписки и Ваш почтовый адрес.

В любом отделении Сбербанка оформите квитанцию-извещение на сумму подписки, в графе «Получатель платежа» укажите реквизиты «РОО содействия развитию институтов ОЭ РАН» (реквизиты приведены ниже). Не забудьте указать Ваш почтовый адрес.

Банковские реквизиты

Региональная общественная организация содействия развитию институтов Отделения экономики РАН (РОО)
ИНН 7726249569; КПП 772601001
ОКОНХ 98400; ОКПО 45188030
Р/счет № 40703810638280100664

в ПАО Сбербанк г. Москве

Банк получателя:

ПАО Сбербанк г. Москва

Корр. счет № 30101810400000000225,

БИК 044525225

В графе «Назначение платежа» платежного поручения укажите: Взнос для выпуска журнала «Экономическая наука современной России», а также Ваш почтовый адрес и период подписки.

Подписаться на электронную версию журнала «Экономическая наука современной России», приобрести отдельный номер или одну статью в электронном виде можно на сайте Научной электронной библиотеки по адресу www.elibrary.ru.